

Таблетки

Александр Варенников

Главный герой романа крепко сидит на таблетках. Он продает «эмоции» и занимает не последний пост в крупной компании. У него есть жена-красавица, с которой он видится лишь в своих снах. У него есть любовницы, с которыми он воплощает в жизнь свои извращенные фантазии. Его окружают люди, невероятно похожие на него самого. Он, казалось бы, счастлив жить такой жизнью...

Но что-то внутри героя начинает меняться, обнажая истинные причины пристрастия к таблеткам - его личной панацее. Случайные встречи, намеки - лишь начало пути, в который ему суждено будет пуститься, оставляя позади себя искалеченное прошлое и трупы тех, кого он когда-то любил.

Это было прекрасное молчание. Два человека, слишком похожие друг на друга и, в то же время, слишком разные по некоторым признакам, просто молчали, наслаждаясь шепотом ночи. Я был одним из них, и я все прекрасно помню.

Открытая лоджия на верхнем этаже высотного здания, тусклый свет в просторной комнате за стеклом. Шум улиц, переплетающихся где-то внизу — там, куда уже не хотелось спускаться. Ближе к небу, под россыпью звезд, свет которых был подернут легкой дымкой — вот где хотелось оставаться. Я помню те ощущения так, будто они случаются со мной в данный момент. Будто время исказилось, и прошлое соприкоснулось с настоящим.

Я помню взгляд моего немого собеседника, тяжелый, направленный в сторону от меня. Ветер, разыгравшийся под конец дня, ворошил его темные волосы. Мне казалось, что ветер тем самым пытался расшевелить его, заставить заговорить. Но все было тщетно — ошибочность молчания безоговорочно одерживала победу над конструктивностью беседы.

Да и мне самому нечего было сказать своему собеседнику, оттого я и пытался концентрировать свое внимание на бокале красного вина, который стоял на стеклянном столе около меня. Мой бокал был полон лишь наполовину, бокал моего собеседника — пуст. Он выпил все одним махом, словно хотел тем самым избавиться от навязчивых мыслей. Но я-то прекрасно знал, как тяжело нам избавиться от подобных мыслей, и одного бокала вина для этого совершенно недостаточно.

Я знал, что его гложет. Переживания его отдавались во мне тупой, невнятной болью, которую я предпочитал заглушать всеми возможными способами. А их, к счастью, было предостаточно. Идеальный мир без боли — то, что удалось создать мне за те долгие годы безумия, через которые мне суждено было пройти. И мой собеседник был не более чем побочным эффектом. И он это прекрасно понимал.

— Мы похожи, — выдавил он из себя пару слов, после чего снова погрузился в молчание. Я кивнул в знак согласия.

Повторюсь, мы действительно были похожи. Те же четкие линии лица, острые края; болезненный прямой нос; чуть запавшие глаза, обрамленные потемневшими с годами кругами. Но это ли делает людей похожими? Задумавшись над этим вопросом, я отпил немного вина. Я любил вино. Мой собеседник — нет. В этом мы были различны, как небо и земля.

— Так что ты собираешься делать? — спросил он меня.

— Я? Да ничего не собираюсь. Я буду жить как прежде. Мне ничего не мешает снова смотреть по сторонам и думать о том, о чем я думал прежде. И тебе тоже.

— Ты так считаешь? — его губы чуть дрогнули. — Понимая, что все это обман, ты... ты будешь жить как прежде? Да кто ты такой?!

Душа его дрожала, испугавшись внезапных перемен в нашем общении. Он был зависим от меня так же, как и я от него. Но мы смотрели на ситуацию, которая сложилась, по-разному. Это довольно сложно объяснить. И еще сложнее объяснить, почему спустя несколько минут он сделал шаг в пропасть...

— А кто такой ты? — ответил я вопросом на вопрос. — И кем ты себя считаешь? Неужели тебе не кажется, что самое важное...

— Хватит пудрить мне мозги! — внезапно взорвался мой собеседник. Он встал со стула, на котором просидел не меньше часа, и сделал несколько широких шагов в сторону. Ближе к краю. — Ты и сам запутался в своих мыслях, и ты не знаешь, кем являешься на самом деле — оригиналом, или подделкой, лишь хорошей копией! А я знаю, кто я. И мне необходимо решить, что делать дальше.

— Просто смириться с этим, и все, — спокойно сказал я.

— Нет, это не выход. Нужно что-то делать...

— Тебя поразила паранойя, только и всего. И ты знаешь, как с этим бороться, — сказав это, я достал из кармана пиджака пластину с таблетками и положил ее на стол, показательно пододвинул ближе к своему собеседнику.

Он повел бровью, но ничего не ответил. Я видел в его глазах тревожное переживание. Он метался из стороны в сторону, как загнанный зверь. Ветер усилился.

— Бери, не стесняйся, — продолжал я. — Эту ночь еще можно спасти. Мы допьем вино и поедем в клуб, хорошенько надеремся. Ты и сам знаешь, как тебе все это нужно. Я могу позвонить и достать то, что ты любишь... ну, ты понял...

— Нет, к черту! Хватит с меня всего этого! Мы только и делаем, что затуманиваем себе глаза. Это... это как катаракта души, мать твою! Как же ты не понимаешь, что далеко не все идеально?!

Я не был с ним согласен. Для меня все было идеально. Кроме, разумеется, этой невнятной ругани посреди прекрасной ночи, которая обещала оставаться такой же прекрасной. У меня был план.

— Ты себя, похоже, Богом возомнил, — продолжил мой собеседник изливать свои мысли. — Но только ты и сам прекрасно знаешь, чем заканчиваются подобные истории. Ты считаешь, что можешь вертеть людьми так, как ты захочешь, и тебе ничего за это не будет? Как бы ни так!

— Ах вот в чем дело! — усмехнулся я, не веря собственным ушам. — Все дело в ней, не так ли? Ты мог сказать об этом еще в самом начале вечера и не устраивать этот спектакль одного актера. Черт, я должен был догадаться.

— Не только в ней. Ты прав лишь отчасти. Да и то не важно! Важно другое: как ты можешь обращаться с ней подобным образом? Неужели тебе нравится наблюдать за всей этой грязью?

— Нравится, не нравится... да что с того? Это мое дело!

Я слышал шелест пластины. Почувствовал вес таблетки пальцами правой руки. Гладкая поверхность, что касается моего языка. Пуля, устремленная в самую глубину моего нутра. Это оружие всегда бьет точно в цель. Оно не дает осечек.

— Да, тебе так проще! — разрывался мой собеседник на части. Мне казалось, что ветер вот-вот подхватит части его тела и души и унесет прочь от меня. Я ждал этого момента. Я хотел, чтобы он испарился в один прекрасный миг. Я думал о ночи, которая еще могла стать прекрасной. Быть может, потому он и сделал роковой шаг.

Это случилось очень быстро. Фигура, столь знакомая мне, поднялась надо мной и исчезла спустя секунду. Остался лишь вой ветра.

Я еще долго смотрел на то место, где видел своего собеседника в последний раз. Меня не мог отвлечь даже женский крик, доносившийся с улицы. И отблески сирен в окнах соседних высоток казались лишь дополнением к блеску реклам и неоновых вывесок. Ночь окутала меня, внутреннее тепло разбежалось по телу. Оно достигло кончиков пальцев. Вены

набухли, сердце стало биться чаще.

Мне казалось, что я победил страх, сидевший во мне многие годы. Он точил мое сердце изо дня в день, каждый раз, когда я поднимался выше уровня улиц. Чего я боялся? Высоты? Неизвестности? Или внезапного падения? Теперь это совершенно неважно.

Я подошел к краю, ухватился руками за железные перила. Вдохнул воздух полной грудью, так, что закружилась голова. Передо мной открывался замечательный вид. Улица суетилась, горела, сияла. Темное пятно, практически неразличимое на фоне асфальта дороги, окружали люди. Вот и настал твой час славы, добрый друг. Спи спокойно.

Помню, как пел ту песня Боба Дилана... «Knockin` on Heaven`s Door». Мне хотелось чтобы мои волосы вились, чтобы приглушенный взгляд закрывали темные очки. Хотелось держать в руках гитару, плавно перебирать струны, играть аккордами. Мягко, а потом надрывисто. Хотел, чтобы вены на шее вздувались каждый раз, когда я начинал брать высокие ноты. Мне хотелось быть кем-то другим и оставаться собой в тот же самый момент. Недолго было запутаться в струнах собственной, или даже чужой, души.

Помню, как смотрел на темное пятно, окруженное людьми, и не мог отвести взгляд от этого прекрасного зрелища. Мне казалось, что я там, внизу, лежу в луже собственной крови, изнывая от переломов по всему телу. Казалось, мой мозг сочится сквозь дыру в затылке на асфальт. Беспощадная смерть. И взгляды незнакомых людей. Вот и настал твой час славы, добрый друг.

Все это я прекрасно помню. Но я ли это был?

***

Мою жизнь нельзя было назвать яркой или необычной, и меня устраивал такой расклад. Я считал, что нормально жить от выходных до выходных, зачастую убегая от того, что делаешь, в сладкие объятия алкогольного дурмана и таблеточной зависимости. Считал нормальным молчать о проблемах, не разговаривать неделями с женой и не получать удовольствия от секса с ней. Я растекался в стороны, как пролитая на скатерть краска. Капая на пол, она создавала звук, и этим звуком становилась моя реальность. А я просто наблюдал за тем, как капли касаются пола и превращаются в грязные пятна.

Не могу вспомнить, когда начал принимать таблетки. В мою жизнь они вошли так же мягко и аккуратно, как столовый нож в масло. Я часто сравнивал свою зависимость (от подобного определения я нисколько не открещивался) с умением ходить, которое рождается вместе с человеком, но требует некоторой сноровки и терпения.

Шелест пластины с таблетками наводил меня на хорошие мысли. Не то, чтобы я пребывал в эйфории — скорее, я возвращался к своему привычному состоянию. Я мог спать спокойным сном.

Таблетки стали частью жизни не только для меня. Вокруг только и говорили о чудодейственном эффекте маленьких, но увесистых пилюль: как легко стало просыпаться по утрам и засыпать по вечерам; как легко стали даваться те дела, от которых раньше приходилось лишь открещиваться; каким ярким стал наш мир. Повальная эпидемия или всего-навсего новомодный образ жизни? Были и те, кто стоял по другую сторону баррикад.

Эти люди зачастую напоминали мне видом своим серые пятна. Поникшая голова и взгляд, устремленный в пол — я мог отличить такого индивидуума в толпе счастливых и полных энергии людей с первого взгляда. Да, в этом я преуспел. Я любил наблюдать за людьми.

Сидя за рулем своего седана небесного цвета и дожидаясь зеленого сигнала светофора, я часто смотрел на водителя по соседству. Обычно это была миловидная (или хотя бы не слишком уродливая внешне) девушка с нежным цветом кожи и легким взглядом, устремленным в мою сторону. Бывало, что за рулем соседней машины сидел мужчина средних лет с аккуратно подстриженной бородой. Он подмигивал мне и топил педаль газа в пол.

Все они мчались на своих машинах куда-то вперед, не оставляя позади себя ничего. Ритм жизни не позволял поступать иначе. Тебе нужно было находиться в форме двадцать четыре часа в сутки, иначе жизнь разлеталась на чертову кучу кусков, которые уже невозможно было собрать воедино. У кого-то получалось так жить. У кого-то нет.

Те, кто оставался за бортом, сидели за рулями своих потрепанных малолитражек с нервными выражениями лиц. На старте они оставались позади — не хватало мощности. Во всех смыслах. Понимая это, я улыбался, преодолевая новые повороты жизни. Вот только я ни разу за все время поездки не задумался над тем, куда еду. Я не знал, где находился тот пункт назначения, в который мы все так рьяно старались попасть.

Было раннее утро. За окном бушевала порывами ветра ранняя весна. Снег все меньше походил на снег, чернел и таял. Воздух, освободившийся от крепких цепей мороза, казался особенно прозрачным, невесомым. Я вдыхал его, облокотившись о перила, глядя вниз. Высота уже не пугала. Мой страх погиб.

В комнате, завернувшись в одеяло, спала моя жена, Лиля. В то утро она была как-то особенно хороша собой. Локоны светло-русых волос нежно лежали на подушке. Чуть приоткрытые губы выпускали теплый воздух, коснувшийся глубины ее тела. Глаза закрыты, но легким был ее сон.

Я хотел поцеловать ее плечо, оттого долго стоял рядом с кроватью. Я размышлял о том, насколько правильным был бы мой поступок, опустись я на колени и поцелуй ее. Быть может вчера, или, быть может, несколько лет назад мы неслабо повздорили. Вероятно, из-за пустяка, о котором нет смысла рассказывать. Не знаю, что больше злило ее во мне: моя отрешенность, или же моя скрытая напористость, которую могла различить лишь она одна.

Мне казалось, что уже чужие руки ласкают ее тело, а я лишь день ото дня наблюдаю за этим, испытывая интерес, схожий сутью своей с медленно потухающей спичкой. Мне казалось, что чужие руки хватают ее за нежную шею. Пальцы белеют от напряжения, и она теряет жизненную силу. А я все смотрю и смотрю, не желая прерывать интересную театральную постановку.

Простояв минут десять около кровати, я тряхнул головой и направился на кухню, где выпил чашку кофе, закинулся таблеткой и поспешил покинуть квартиру. Моя ракета была готова к запуску. Я надел свой скафандр и приготовился испытать перегрузки.

Лифт с бешеной скоростью опустил меня на уровень первого этажа. Быстрые шаги, стук каблучков моих ботинок. Легкий скрип двери, и ветер в лицо. Машина на парковке. Двигатель свирепо загудел под металлическим покровом. Мое сердце, удары которого я все реже и реже замечал в повседневной жизни, билось в ритме большого города, название которого было давным-давно позабыто вместе с такими понятиями, как «неспешность» и «добродушие».

Я спешил продавать эмоции.

Компания, в которой я занимал далеко не последнюю должность, предлагала своим клиентам весьма специфические услуги. Представьте, что ваша жизнь стала похожа на зарисовку к фильму «День сурка», по сюжету которого герой Билла Мюррэя оказывается «заперт» в одном дне, и события этого дня повторяются снова и снова. Он мечтает лишь о том, чтобы поскорее этот самый день закончился. Так вот, теперь представьте, что эта зарисовка была выполнена японским сценаристом, специалистом по созданию угнетающих авторских картин, после просмотра которых не остается никакого желания жить.

Одними таблетками тут вряд ли отделаешься. Справиться вам поможет позитивный заряд энергии. Концентрированный. Сладкий. Вкусный. Хотите стать знаменитостью, но работаете в душной конторе на краю города? Извольте, сегодня вы на красной ковровой дорожке в Лос-Анджелесе! Мечтаете о безумном сексе с героинями вашего любимого порнофильма? Сегодня вы покажете им то, о чем они так долго мечтали! Желаете убить своего босса, но боитесь сесть за это в тюрьму? В обойме боевые патроны, держайте!

Инновационная технология, основанная на использовании нетоксичных веществ, вводимых клиенту через вену, и компьютерных голограмм, максимально приближенных к реальности. Удобная комната, в которой клиент может оставаться наедине с самим собой и своими фантазиями. Качественное обслуживание. Всеми этими моментами могла похвастаться наша компания.

Моя работа заключалась в поиске потенциальных клиентов и предложении этим клиентам услуг нашей компании на самом высоком уровне. День ото дня я наблюдал лица зажавшихся таблетками людей с толстыми кошельками и золотыми банковскими картами, которые приходили в наш современный и хорошо обставленный офис, подозрительно оглядываясь по сторонам. Добро пожаловать в мир иллюзий, — говорил я сам себе.

Хорошего торговца эмоциями от плохого отличало умение продать именно то, что нужно, несмотря на первоначальное желание клиента и всяческие возражения, которые должны качественно отрабатываться. Тут и техника продаж, и знание основ психологии человека, и простое обаяние, без которого вообще невозможно работать. Смазливые девицы модельной внешности, не умеющие вовремя стрельнуть глазками, могли рассчитывать лишь на крохотную премию, по сумме не превышающую зарплату простого курьера. Ну а если у человека Талант, если у человека Харизма — это уже совершенно другой разговор.

Не хочу хвастаться, но скажу прямо — Талант у меня был. Да и Харизма тоже. Что-то такое, о чем я и сам не знал, пока не стал смотреть на себя со стороны в буквальном смысле этого слова. Талант был и у Дины.

Я не помню тот день, когда она пришла к нам на работу. Говорят, перевели из другого офиса, находящегося в другом городе. Да это и не столь важно. Главное, что мы с ней были похожи как две капли воды. Как внешне, так и внутренне.

Те же черты лица, только более женственные, хоть и сам я не походил на брутального работягу, живущего в дешевом спальном районе города. Волосы цвета вороного крыла, прическа «каре» с удлиненными передними прядями. Внешность андрогинная, чертовски привлекательная для меня и большей (не только лишь мужской) части нашего коллектива. Она пользовалась популярностью, и мне казалось, что и я сам становился популярным вместе с ней.

Мы могли работать как поодиночке, так и в паре. В паре мне нравилось больше. Обычно это заканчивалось дружеским сексом, в котором мне больше нравился даже не сам процесс соития, а томная аура, окружающая все наши действия. Это было прекрасно, и мы оба это

чувствовали. А после расходились по домам, не оставив ничего друг другу напоследок.

Она понимала те шутки, которые не понимали другие мои коллеги. Со мной она была, что называется, на одной волне. И даже когда я, наперекор всем правилам, решил посмотреть на то, каким образом развлекается мэр города в своей VIP-комнате, а она застучала меня за этим делом, у нас не случилось никакого скандала, и не было места компрометации, столь привлекательной для круга наших коллег. Мы просто стали смотреть вместе на то, как тучного и довольно неуклюжего мэра пыталась ублажить огромная голограмма темнокожего парня с берегов какого-нибудь Сомали. О вкусах не спорят.

Тогда-то у нас и случился первый секс. Прямо там, в служебном помещении, смежном с комнатой мэра. Дина коснулась моего паха своей рукой будто бы невзначай, но я-то знал, что это движение не было неловкой случайностью. Я повернул ее к себе, достаточно грубо, впился в ее сладкие губы своими губами и стал гладить руками ее шею, ее талию. Спустился ниже. Почувствовал легкую дрожь ее тела, которая подсказывала мне, что я на верном пути.

Я закрыл ей рот, чтобы она невзначай не вскрикнула, ведь тем самым она могла подставить нас обоих. Я развернул ее спиной к себе. Хотел взять ее сзади. Капельки пота стекали по ложбинке на ее спине. Она тихонько стонала, кусая пальцы моей левой руки. Правой я держал ее за бедра, стараясь войти как можно глубже. Я хотел чувствовать ее снова и снова.

Оставшуюся половину дня я отработал с огромным энтузиазмом. Она же, чуть уставшая, лениво сидела в своем кресле и думала о чем-то. Отстраненный взгляд ее серых глаз не давал мне покоя каждый раз, когда я проходил мимо ее кабинета. С каждой новой секундой все больше и больше мне хотелось узнать, о чем же она думает, так что в перерыве я подошел к ней вплотную и спросил, в чем проблема.

— Нет никакой проблемы, — ответила она, посмотрев на меня с улыбкой.

— А то я подумал, что, может, все это неудобно как-то, — мялся я почище школьника.

— Перестань. Мы взрослые люди. Будем друзьями, — сказала она, улыбнувшись еще шире.

Я коснулся ее руки, будто бы пытаюсь доказать себе, что она реальна, что это не мой бредовый вымысел. Вернувшись на свое рабочее место и откинувшись в кресле, я услышал шелест пластины с таблетками. Я выдавил себе одну и положил на язык. Пальцы все еще пахли ее телом. Она была самой реальной из всех, кто встречался мне за последнее время.

Реальным был и мой приятель по имени Артем. Реальными были следы от уколов на его руках. Реальной была его наркотическая зависимость.

Я сидел напротив него в небольшой забегаловке, за столом у окна. Был вечер, и мокрый снег падал вниз, а лужи все разрастались и разрастались, и брызги из-под колес летели в сторону остановок, где толпились уставшие, но заряженные химическим счастьем люди. Все они казались мне пустыми и нереальными, как изображения на рекламных плакатах. Есть картинка, но нет факта существования. Двухмерный мир, как в старой компьютерной игре.

Артем вздрагивал каждый раз, когда слышал громкие звуки. Он выглядел совершенно неважно: исхудавшие щеки, покрытые щетиной, лишь подчеркивали впечатляющие размеры его покрасневших глаз; прическа была отнюдь не прической, а признаком долгого и мучительного сна, закончившегося, казалось, пару минут назад. Кожа его была бледна, а губы украшала пара мелких трещинок. Тем не менее, глядя на его лицо, я испытывал весьма странные ощущения. Я будто бы смотрел на собственное отражение. Будто кривое зеркало

искажало не формы, но содержание.

Не могу с уверенностью ответить, почему он был моим приятелем. Мне казалось, что я был знаком с ним еще до того, как стал принимать таблетки. Был ли он моим школьным другом, или мы вместе учились в университете? В любом случае, у каждого из нас была своя дорога. А дороги иногда пересекаются.

— Решил тут попробовать коку через вену пустить, — говорил он чуть дрожащим, приглушенным голосом, глядя мне прямо в глаза. — Слушай, ощущения вообще конкретные...

— Ты так закончишь через пару месяцев в какой-нибудь придорожной канаве, — сказал я, как помнится, без всякой доли сожаления. — Сделай что-нибудь с собой.

— Ну, так вот... я отошел прямо с воткнутым шприцем, — продолжил он, но внезапно опомнился. — Короче, о чем я говорил?

— Я не знаю.

— Эти уроды из конторы... ну, как ее там... опять название забыл...

Поток его мыслей был хаотичен. Броуновское движение. Оттого я и не следил за его рассказом. Я будто не слышал его, а он — меня. Так и сидели мы друг напротив друга, разговаривая сами с собой.

Я ел жареный картофель с грибами и пил кофе, глядя в окно время от времени. Суета вечера сменялась умиротворением ночи. Артем сидел со стаканом воды, крепко сжатым в руках. Он все смотрел и смотрел на меня.

— Ты тоже должен это попробовать. Вот увидишь, будет весело. Будет круто.

В очередной раз я кивал ему в ответ. В очередной раз я вставал из-за стола, так и не доев до конца, накидывал на себя пальто и шел на улицу. Он следовал за мной, оглядываясь по сторонам, будто опасаясь слежки.

Мы шли пешком по небольшой улочке. Я помнил, что дом, в котором он проживал, должен был находиться где-то рядом. Небольшая прогулка с наркоманом по беспокойному району. Да, это было как раз то, что нужно.

И все же меня не покидало ощущение нереальности происходящего. Дома казались плоскими, и свет в окнах был будто нарисован. Неаккуратные мазки движений, габаритные огни проезжающих мимо машин светились не так ярко, как раньше. Кто-то подменил мир копией плохого качества, думал я, раз мне удалось заметить разницу. Но кто это сделал? И самый главный вопрос: зачем он это сделал?

Артему было не до того. Он спешил домой. Он хотел познакомить меня с тем, что считал важным. А важность — дамочка довольно прихотливая. Не корми ее всякой дрянью. Она предпочитает изысканные блюда.

Он сидел на полу, прямо посреди своей грязной квартирki, пропахшей табачным дымом и сыростью. Ему нравилось сидеть на полу, когда он начинал приготовления. Он испытывал наслаждение, когда брал в руки жгут и крепко, в меру своих сил, перетягивал руку. Но все самое интересное оставалось впереди. Оттого его руки дрожали, и он спешил, не успевая насладиться моментом. На лице его застывала глупая ухмылка.

Я наблюдал за ним, сидя в кресле, прислонив пальцы правой руки ко лбу. То, что я видел перед собой, было куда реальнее всех этих прекрасных реклам с прекрасными детьми и их добросовестными родителями. Реальность завораживала меня, потому я и не мог отвести взгляд от Артема и его «инструментов». Я знал финал этого фильма, просмотренного уже не один десяток раз, но все так же самозабвенно наслаждался искусной

игрой актера.

Он ввел шприц в вену и приложил немного усилий большим пальцем руки. Мне показалось, что у меня самого закружилась голова. Я буквально ощутил, как «раствор» влился в мою кровь. Это был раствор той реальности, о которой мне так часто приходилось грезить. Я улыбался, потому что все это доставляло мне удовольствие.

Артем откинулся назад и повалился на пол. Он глубоко вдохнул и с наслаждением выдохнул, тем самым давая мне понять, что представление окончено. Настало время уходить. Я взял в руки пальто и направился к двери.

— Хорошо посидели, — протянул он мне вслед.

— Надо бы повторить, — ответил я и коснулся дверной ручки.

Щелчок. Я оставил что-то позади себя. Но ненадолго.

Опьянение от таблеток наступало медленно. Ближе к началу своего «химического забега» я ощущал действие пилюль намного яснее. Сильнее был эффект. Внезапно я будто бы терял ощущение собственного тела, начинал парить над землей. Не скажу, что не пугался. Мне становилось не по себе, меня начинала одолевать легкая паранойя, из-за которой я просто ложился на кровать, не сняв с себя одежду, и лежал, попеременно закрывая и открывая глаза. Я ждал чего-то. Мне говорили, что это нормально. Что все пройдет.

Прошло. Таблетки стали частью моей жизни, частью меня самого. Как еще один орган, крайне важный для всего организма. Я пил их вперемешку с алкоголем, усиливал дозу, крошил содержимое пилюль в еду. Я стал собранным, активным. Я парил над землей, но уже не боялся высоты. Быть может, мне просто так казалось.

Я мчался по ночному городу за рулем своего седана небесного цвета, заряжался бликами и ярким белым светом. Свет проходил через меня как через призму, разлагался на составляющие цветные лучи. Я слушал альбом Pink Floyd «The Dark Side of the Moon» и медленно поглаживал руль, не сбавляя скорость.

Картонные люди шли по тротуарам. Они как будто бы не замечали, что стали нереальными; делали все так, как и раньше. Слишком правильные движения, слишком правильные мысли. Как в кино, где у актеров все получается идеально. За этим приятно наблюдать, но тебя не покидает мысль, что это всего лишь копия реальной жизни. Мне становилось жалко этих картонных жителей моего мира, но, в то же время, я ненавидел их за чрезмерную глупость. Ну и пусть! — кричал я во все горло. Ну и пусть!

Я остановил машину около тротуара. Старый кинотеатр в центре города, как напоминание о том, что когда-то была грань между вымыслом и реальностью. Красота старинной архитектуры, не сломленной новыми веяниями. Не застегнув пальто, я шел по направлению к входу, и ветер дул мне в лицо, а я лишь наслаждался. Я чувствовал себя реальным. Я был частью природы.

Крутили старый фильм. Не помню, какой именно. Помню лишь налет старомодности, который покрывал все, включая огромный экран, на котором целых два часа разворачивались события чужой жизни.

Легкая дрожь, берущая свое начало где-то в области живота, поразила мое тело. Я откинулся назад, прислонился затылком к подголовнику и закрыл глаза. Я слышал голоса актеров и рисовал в своем воображении новый, отличный от оригинала сюжет, в котором все события разворачивались по моим правилам.

Там был Артем, и Дина. Там был тот парень, Макс, который так часто заходил в гости к

моей жене. Лиля там тоже была, только спящая. Такой я и видел ее в последнее время. Спящей. Мне казалось, что мы с ней живем в разных временных промежутках, в разных плоскостях времени. Я не знал, как попасть в ее время. Но я старался. То была завязка сюжета.

Я сжимал в руке оружие, с помощью которого мог открывать временные порталы. Беда была лишь в том, что оружие было неисправно. Оно досталось мне от Артема, который приторговывал экспериментальными видами оружия время от времени и был застрелен в момент нашей с ним сделки агрессивно настроенными детишками в бронежилетах, вид которых напоминал мне о подгузниках. Я хохотал как бешеный, убегая от недружелюбных детишек.

Я не знал, где окажусь в следующий момент времени, оттого, нажимая на спусковой крючок, закрывал глаза. Открывая их, я оказывался в абсолютно разных временных промежутках. То был и конец 19-го века, и начало 20-го, и Средневековье с его грязными трущобами. Меня клеймили и возносили.

Сон мой был ярким, красочным. Совершенно иным был тот мир, в который мне пришлось вернуться, когда тяжелая рука охранника коснулась моего плеча.

— Сеанс окончен, молодой человек, — сказал он грубоватым голосом, пристально посмотрев на меня.

— Э... — протянул я, пытаюсь выбраться из объятий удобного кресла. — Начните заново... это все так нереально...

— Что? — переспросил меня охранник. Он повел пышной бровью.

— Начните все заново... вы все неправдоподобны...

Помню, как он под руку вел меня к выходу. Я не сопротивлялся. Оказавшись на улице, я сделал несколько глубоких вдохов, огляделся по сторонам. Улица казалась пустынной. Дверь позади меня с грохотом закрылась, и мне не осталось ничего другого, кроме как сесть в машину и поехать домой. Так я и сделал.

Лиля спала глубоким, нежным сном. Я наслаждался ее спокойствием, стоя рядом. Ее красивая грудь то поднималась, то опускалась, и это напоминало мне о море: его утренних приливах, высоких волнах и внезапном ночном спокойствии. Я наблюдал за этим прекрасным действием, признаком жизни, стоя в полутьме комнаты, как призрак, не знающий покоя вне плоти. Но кто сказал, что душа человека, его мысли, его чувства живут только лишь внутри тела? Не пронизаны ли и воздух, и земля, и небо ощущениями миллиардов людей, живущих на планете Земля? Я думал об этом и смотрел на красивую грудь своей жены, но не мог протянуть руку и прикоснуться к ней.

Мои мысли тянулись над городскими улицами, подобно линиям электропередач. Моими чувствами и ощущениями были полны места, в которых я бывал хотя бы один раз в своей жизни. Недаром многие люди чувствуют заряд энергии, находясь в определенных, знакомых им не понаслышке частях этого города, да и любого места во всем огромном мире. Они спешат туда, зная, что там их не поглотит тоска, но будет ласкать состояние сладостного беспокойства. Хорошо, когда таким местом становится твой дом.

Я лежал рядом с Лилей. Одежду я не снимал, зная, что не сомкну глаз рядом с ней. Я знал, что буду смотреть на нее всю ночь, видом своим напоминая слепца, вечно смотрящего в даль, которую ему не суждено больше увидеть. Просто решил немного передохнуть, а после сходить на кухню и сделать себе пару сэндвичей, выпить стакан апельсинового сока и

включить телевизор. Я лежал рядом с ней и думал о том месте, куда были протянуты мои высоковольтные линии электропередач.

***

Я сидел в своем кабинете, отложив в сторону все дела, и смотрел в окно. Весенний дождь, бывший еще вчера снегопадом, хлестал каплями по окну. С высоты пятидесятого этажа открывался замечательный вид на город. Глядя вниз, я представлял, что смотрю на огромный макет, который видел еще ребенком в одном из торговых центров. Вид этого макета хорошо запомнился мне. Он рос вместе со мной, менялся.

Вдалеке, за громадами высоток, несли свою службу трубы заводов, и черный дым разливался по небу, будто бы упираясь во что-то. Мир перевернулся вверх дном, подумал я. В тот момент, когда я уже готов был погрузиться в сон, мой взгляд упал на экран ноутбука. Меня привлекла крайне интересная новость. Я открыл информационную ленту одного очень известного интернет портала и прочитал эту новость. Не поверив своим глазам, я прочитал снова, а вскоре сделал это еще раз.

В ней говорилось о том, что некий анонимный источник выложил в сеть видеоматериал, на котором был запечатлен мэр города в крайне интересной ситуации. Обстановка была мне очень знакома. Это была та самая VIP-комната, в которой уважаемого мэра время от времени ублажала голограмма огромного темнокожего парня. Раскрыв рот в недоумении, я отъехал на стуле назад и схватился за голову.

Меня передернуло, когда я услышал телефонный звонок. Испуганно взглянув на дисплей, я взял в руки трубку и, сглотнув накопившуюся во рту слюну, ответил:

— Да?

— К вам посетитель, — привычным голосом оповестила меня моя ассистентка. А я и забыл, что ко мне еще полчаса назад должен был прийти один очень заинтересованный услугами нашей компании клиент.

Он выглядел так, как выглядит самый рядовой сотрудник самого рядового офиса. Невысокого роста, с небольшим животом и крупными залысинами, мужчина лет сорока или около того. В классическом костюме, с черным портфелем в руках. Взгляд, спрятанный за толстыми линзами очков, я так и не успел словить. Он блуждал по кабинету, а после вырвался за окно и устремился на трубы.

— Добрый день, — сказал я с улыбкой и, оторвавшись от кресла, протянул ему свою руку. Последовало вялое рукопожатие, после которого мой клиент сел на стул напротив стола.

— Простите за опоздание, — мягким голосом начал он, так и не посмотрев на меня. — Были обстоятельства.

— В этом нет ничего плохого, — ответил я, поддерживая дружеский тон разговора. — Как раз успел доработать с тем, что откладывал в долгий ящик, — на ходу придумывал я. — Так что могу лишь сказать вам спасибо.

— У меня будет довольно странная просьба, — говорил он так, будто совершенно не обращал внимания ни на мои слова, ни на мою интонацию. — И, услышав ее, вы подумаете, что я сошел с ума. Я хочу... умереть.

Улыбка, которой я так успешно управлял, вдруг стала похожа на подобие оскала. Я попытался сохранить нейтральное выражение лица.

— Хотите умереть?

— Да. То есть... как бы объяснить. У вас ведь, насколько я знаю, можно воссоздать любую ситуацию, не так ли?

— Практически любую. Но умереть... знаете, это в моей практике впервые.

Повисла недолгая пауза, на протяжении которой я пытался установить со своим собеседником зрительный контакт. Что-то шло не так. Я засомневался.

— Но ведь это возможно? Чисто теоретически.

— Знаете, у нас есть стандартный пакет программ, который мы предлагаем свои клиентам. Достаточно сильные эмоции, если вы гонитесь именно за ними, — я указал на стену, где спустя секунду отобразилась первая страница презентации, которую я изо дня в день предлагал просмотреть своим клиентам. Я дополнял показ информацией в свободной форме, чем еще больше наводил стандартного клиента на позитивный лад. Но случай тот оказался не совсем стандартным.

— Нет, нет, послушайте, — продолжал мой собеседник. Теперь его взгляд был направлен строго на меня. — Я хочу пережить смерть. У меня даже есть предложения по поводу того, как лучше это сделать.

— И как?

— Поместите меня в аквариум с акулой. Большой такой акулой. Тигровой. Аквариум... нет... лучше море. И чтобы вокруг были кораллы и маленькие рыбки, такие, цветные. Когда я был на море со своей семьей в последний раз, я видел таких. Знаете, это было на побережье Средиземного моря. Было лето. Да... важно, чтобы было лето...

— Но вы же будете под водой, не так ли?

— Да... но все же лето должно быть. И еще рыбки... пускай они смотрят на то, как меня терзает акула...

От его слов меня чуть было не стошнило. То ли говорил он так навязчиво, что ли у меня самого разыгралась фантазия, то ли я не отошел от шока трехминутной давности. Я хватанул воздух, как рыба, выброшенная на сушу, и тихо выдохнул. В глазах зарябило. Я нащупал в кармане пластину с таблетками и, услышав ее шелест, немного успокоился.

— Вы уверены, что хотите именно такое развлечение? — спросил я. — Знаете, чаще к нам приходят клиенты для того, чтобы убить кого-то. Ну, это так, между нами. Шефа, например, или болтливого коллегу. А вот убить себя, да еще и таким способом... вы меня удивили!

Я зря начал извергать свои мысли, потому что тем самым обидел клиента. Это было заметно по тому, как он снова отвел взгляд в сторону и стал нервно поправлять галстук. Он хотел что-то возразить, но сдержался. Я и представить себе не мог, что творилось в его голове.

— Я думал, мы сможем договориться. Видимо, этому не суждено случиться, — протянул он, чем вызвал у меня прилив жалости.

— Нет, что вы, не судите так строго. Я думаю, мы сможем решить ваш вопрос в самые короткие сроки. Я обращусь к руководителю нашего отдела и обсужу с ним этот вопрос.

Я протянул клиенту свою визитку. Он оценивающим взглядом посмотрел на меня, провел ладонью по подлокотнику, а после этого взял визитку в руки.

— А что насчет информации о клиентах? Она же строго конфиденциальна?

— Безусловно. Это будет прописано в договоре, с которым вам необходимо будет ознакомиться перед тем, как начать. Наша компания уже много лет на рынке и никогда не подводила своих клиентов.

Говоря это, я снова вспомнил про мэра и ту чернокожую голограмму. Вспомнил про Дину. Почувствовал прилив эмоций в области паха. Мне хотелось встать из-за стола, зайти к ней в кабинет и поиметь ее прямо на столе. А потом и на полу. Я хотел, чтобы ее колени были содраны до крови...

— Вы меня несказанно порадуете, — клиент засиял неярким светом. Увлеченный своими мыслями, я с удивлением посмотрел на него. — И о деньгах можете не беспокоиться, у меня они есть, — он достал из кармана свою визитку, выполненную на бумаге хорошего качества. — А это мои контакты. Звоните в любое время.

Я взял визитку, внимательно посмотрел на нее. Самое обыкновенное имя самого обыкновенного сотрудника, работающего в самом обыкновенном офисе. Иван Капустин. Юридические консультации.

— Всего вам доброго. Буду держать вас в курсе.

Мы пожали руки, а после он покинул мой кабинет. Я стоял в дверях и смотрел ему вслед, представляя, как акула своими огромными зубами разрывает его плоть. Но почему акула? Этот вопрос прочно засел в моей голове.

Но не успел я отойти от двух потрясений сразу, как подоспело третье. Моя ассистентка позвонила мне и сказала, что меня приглашает к себе руководитель отделения. Что ж, подумал я, самое время.

Честно признаюсь, в своих мыслях я не раз и даже не два убивал своего шефа (оговорюсь сразу: имею ввиду женщину) самыми изощренными способами. Какая вариация нравилась мне больше всего? Пожалуй, история с огромным фиолетовым вибратором, которым я хлестал ее по лицу до тех пор, пока оно не превратилось в гадкого вида месиво бледно-красного цвета. Об остальных вариациях я, пожалуй, промолчу.

Она не была красавицей, но внешность ее казалась мне весьма и весьма привлекательной. Строгие, нордические черты лица хорошо сочетались с остротой прически «пикси». Тонкие губы были накрашены ярко-красной помадой, тело облачено в строгий деловой костюм. Черный в полоску, как у итало-американских мафиози времен «сухого закона». Ее звали Геральдина.

— Проходите, — сказала она мне, стоя около своего стола.

Я закрыл за собой дверь и подошел ближе. Остановился прямо около стола. На таком расстоянии я мог чувствовать запах ее парфюмерной воды. Терпкий, достаточно мужской запах. Голос ее тоже был не по-женски груб.

— Мы теряем в продажах в этом месяце. Я говорю о сегменте дорогостоящих услуг. И мне хочется понять, почему так происходит.

Она могла не продолжать. Я знал, что будет дальше. Знал, что она начнет ставить в пример работу офисов в других городах, кидаться показателями качества обслуживания и прочей статистической ересью, которая мало чем помогает в реальных продажах фантазий. Знал, что будет давить на то, что должность моя достаточно высока, чтобы не дорожить ею, а лишиться ее в условиях нынешнего спроса на работу не составит никакого труда. Акулы кружат вокруг, чуют запах крови. Что тут еще сказать...

— Сказать, что я недовольна — это не сказать ничего. У меня порой возникает такое ощущение, будто весь отдел только и делает, что сидит и ждет, что кто-нибудь свыше пошлет клиентов, которые будут согласны на самые дорогостоящие приобретения. Но это никак не относится к продажам. Это все чушь собачья!

Я смотрел на своего руководителя, совершенно не зная, что ответить. Геральдина... Мои ладони нещадно потели, хоть я и не ощущал присутствия тревоги. Такие трепки стали обыденностью, как для меня, так и для остальных сотрудников. И для Дины тоже.

— Я просто хочу знать, когда вы начнете работать. И все. Хочу знать, что сотрудник заинтересован в получении хорошей премии. Эта работа не для тех, кто хочет просиживать зад в ожидании чуда. Тогда вам в бухгалтерию, бумажки перебирать. Лет так через двадцать сможете рассчитывать на приличный оклад. Такая перспектива вам по душе?

— Нет.

— Тогда почему я не вижу результатов вашей работы?

— Я только что работал с клиентом. У нас есть договоренность, он готов на очень дорогую покупку.

— Вот как? — Геральдина свирепо посмотрела на меня. — А почему отчет я до сих пор не видела?

— Я не успел его отправить. Вы же сами вызвали меня только что. Как освободился, так и пришел.

— Работать нужно быстрее, — отрезала она. В этот момент раздался телефонный звонок. — Вот и все. Жду отчет. Вы свободны.

Получив заряд «позитивной» энергии, я покинул кабинет руководителя и пошел длинным коридором. В тот момент я почему-то думал о ее имени. Геральдина... кому, мать твою, пришло в голову так назвать своего ребенка? Я думал о том, какие прозвища придумывали ей в школе одноклассники. Я представлял ее еще маленькой, лишенной строгости лица пухлой девчонкой, над которой так любили издеваться сверстники. Мне казалось, что гнев сидел в ней так глубоко, что и сама она не видела разницу между обычновенным человеческим общением и жестким прессингом. Привычный стиль разговора, ничего более.

Искусственный свет лампы напрягал мои нервы. Я хотел сжать кулак и разбить ее, но удержался. Некоторые половицы под моими ногами скрипели, и это несколько не приносило мне спокойствия. Хотелось бежать. Но я шел спокойно. Шелест пластины успокаивал меня.

Закинув в рот таблетку и запив водой из-под крана, я посмотрел на свое отражение в зеркале. С каждым днем оно менялось. Не могу сказать, что именно претерпевало изменения, но я чувствовал эти самые изменения. Они росли, как цветы, на моей голове, прорывались из-под кожи. Может, я смотрел слишком глубоко? Или я уже тогда знал о чем-то, что меня ожидает? Я просто смотрел на свое отражение в зеркале и думал о том, что я думаю о своем отражении в зеркале. Мысли закольцовывались. Сходил ли я с ума, или же просто начинал видеть реальность такой, какой она является на самом деле?

Дождь сменился снегопадом, столь легким, что снежинки будто бы зависали в воздухе, не решаясь опуститься на асфальт и растаять. Автомобили, дороги, мосты, крыши домов — тяжелые макеты привычных вещей из реального мира. Они проплывали передо мной, будто бы подхваченные плавными волнами реки в самом сердце долины. Долины моего сознания.

Я шел по набережной в сторону залива, и в лицо мне дул ветер. Он нес с собой легкий, еле заметный запах моря, скованного тонкой коркой весеннего льда. Он нес с собой прохладу, а я потирал руки и поправлял ворот пальто, чуть морщась. Ветер всегда казался мне особенной силой природы. Я покрывался мурашками, понимая, что ветер может

физически влиять на предметы окружающего мира и быть пустым одновременно. Я хотел быть похожим на ветер, но, как и любой человек, боялся потерять ощущение самого себя.

Мы выпили с Диной по бокалу пива и разошлись в разные стороны, оттого я и гулял один по вечерней набережной, сталкиваясь взглядом своим со случайными прохожими. Я будто бы старался быть похожим на персонажей из книг Ремарка, но выглядел, пожалуй, лишь жалким подобием. В моем мире разворачивалась война совершенно иного характера, а любовь была похожа на товар по скидке с прилавка какого-нибудь малоизвестного супермаркета.

Она сказала, что устала, да и я был не в лучшей форме. Такое случается. Иногда.

Я все чаще и чаще замечал за ней одну странность — она слишком хорошо чувствовала мое настроение. Как будто бы на мне был специальный датчик, наподобие термометра, который показывал уровень моего настроения, и она, глядя на него, понимала, что нужно быть веселой/невеселой, говорливой/молчаливой и т. д. Уж слишком хорошо она ощущала меня. Быть может, это я подстраивался под ее настроение, под ее манеры. Недолго было запутаться, понимая, что правильного ответа на эту загадку человеческих отношений нет.

Вот и тогда, подхватив волну легкой меланхолии, которую я без труда покорил чуть раньше, Дина стала скучной. Ее взгляд блуждал по стенам бара, которые были увешаны фотографиями известных музыкантов. Мы сидели на высоких стульях у стойки бара. Играла легкая британская мелодия, не помню, какая именно. Стеклозвон гитары, чуть изломанный ритм. Баритон.

— Хочется потеряться, — говорила Дина, проводя пальцем по краю моего бокала. — Так, чтобы насовсем.

— Зачем тебе это нужно? — спрашивал я, глядя ей в глаза. Ее длинные ресницы и красота глаз привлекали меня.

— Просто так. Хочется принять другую форму существования. Быть как ветер.

— Ты пьяна.

— Нет, я просто слишком трезвая.

Сказав это, она встала со стула и, поцеловав меня в губы на прощание, медленной походкой направилась к выходу. Грациозная, сексуальная. Мне казалось, что лишь я один вижу ее. Зачастую мне хотелось думать именно так.

Я думал о том, что реальными события и вещи делает не форма и не содержание этих вещей и событий, но возможность видеть их миллионами взглядов. Я думал о том, что человек не способен доверять себе, и своим чувственным органам в особенности, на все сто процентов. Все в теле — химические и физические реакции, и последствия этих реакций порой тяжело предсказать. Об этом мне когда-то говорил один знакомый врач. Не помню, как его звали и как нас связала судьба. Да и судьба ли то была?

Погруженный в мысли подобного рода, я прошагал приличное расстояние, а когда оглянулся назад, внезапно осознал, что остался совершенно один. Исчезли картонные жители моего вымышленного города. Остались только набережная, свет фонарей и я.

Внезапное одиночество мое оказалось явлением кратковременным. Навстречу мне выдвинулась фигура человека. Черты его лица были размыты расстоянием между нами и непрекращающимся снегопадом. Одет он был в теплый тренировочный костюм. Пробежка перед сном. Неплохое средство борьбы с бессонницей. Уж лучше, чем онанизм. Хотя против онанизма я ничего не имею.

Шел я, несбавляя ход, изредка отрывая взгляд от засыпанного снегом асфальта, хоть

мне и было действительно интересно увидеть лицо человека, которого, как и меня, занесло на самый край города в столь поздний час. Я думал, что, вероятно, мы с ним должны быть чем-то похожи. Какой-то непреодолимо сильной чертой характера, которая лишь подчеркивала бы нашу общую индивидуальность. Не это ли мы ищем день ото дня в других людях, а потом страшно разочаровываемся, понимая, что эта самая схожесть является лишь поводом для столкновения характеров?

Разглядев лицо бегуна, я немало удивился. Нет, скорее, я удивился крайне сильно, да вот только лицо мое застыло, будто пораженное внезапным недугом. Те же брови, те же глаза. Нос, рот, подбородок. Легкая щетина, покрывающая щеки. Я видел свое отражение в зеркале, да вот только существовало оно в отдельности от меня.

— Эй, — махнул я рукой, но бегун никак не отреагировал и пробежал мимо меня. В ушах его я заметил наушники, но это не заставило меня замолчать. — Эй, стойте...

Я устремился вслед за ним. Странно было наблюдать за собой, находясь позади себя. Чувствуя, как снег летит мне на джинсы из-под моих же ног, я попытался обогнать бегуна. Тщетно. Его темп, его скорость, его сила — все это превосходило мои возможности, казалось, в десяток раз. Я был слишком слаб, чтобы гнаться за самим собой, но продолжал движение вперед.

— Да стойте же вы! — тщетно кричал я, размахивая руками. Мне хотелось как следует разозлиться, но в долю секунды я будто бы обмяк. Невыносимо было передвигать ногами и дальше. Но вот моя рука уже практически дотянулась до плеча бегуна. Я был настолько близок, что уже поверил в то, что нагнал его. Но не удержался на ногах.

Заскользив, моя нога взлетела так высоко, что я почувствовал легкий хруст в области бедра. Затем мое тело, оторвавшись от земли, ощутило силу притяжения и с грохотом упало на асфальт, покрытый тонким слоем льда. Снег разлетелся в стороны, подобно земле после попадания в нее боевого снаряда, а я, широко открыв рот, хватанул воздух полной грудью.

Бегун был уже далеко, когда я, наконец, поднялся на ноги и отряхнулся. В моей голове одна за другой проносились мысли, но я не мог ухватиться ни за одну из них. Выругавшись как следует, я потер ушибленное плечо и зашагал вперед, осторожно передвигая ногами. Мне хотелось вернуться домой.

Сидя в вагоне метро и покачиваясь в одном ритме с другими пассажирами, коих, надо заметить, было мало, я все думал о случайной встрече. Кто это был и почему он оказался так похож на меня? Почему никак не отреагировал на меня? Ведь я так привык к лицам Дины и Артема, к смазливой внешности Макса, который часто навевался к моей жене, что уже совершенно не понимал, что между нами общего было довольно много. Их лица казались мне совершенно другими, но тот бегун...

Было и в нем, и в его выражении лица что-то особенное. Возможно, какая-то морщинка на его лбу, которая изгибалась в точности так же, как и морщинка на моем лбу. Мне хотелось вернуться обратно и снова пройти по набережной, но я чувствовал себя слишком уставшим. Я хотел к Лиле.

Она снова спала. Наши реальности по-прежнему не соприкасались. Была поздняя ночь, которая близилась сущностью своей к раннему утру. Далеко не первый раз, когда я видел приход нового дня в мерном тиканье часов, в первых проблесках света на почерневшем за ночь и совершенно безоблачном небе. Я видел, как звезды медленно пропадают с неба, как магия ночи испаряется и настает новый день. Она не видела того, что видел я. То был ее выбор, ее реальность.

Подперев здоровым плечом дверной косяк, я смотрел на Лилю. Меня отвлек еле слышный звук, доносившийся из кухни. Нахмурившись, я направился навстречу звуку. Я знал, кого там увижу.

Макс сидел за кухонным столом. Перед ним стояла кружка кофе, показавшаяся мне чрезвычайно одинокой. Он размешивал ложкой сахар.

— Не рановато для кофе? — спросил я.

Он окинул меня взглядом. Ответил не сразу. Мне показалось, что он решил придумать нечто остроумное, но не справился и, плюнув на эту затею, ответил сухо:

— Просто хочется.

— Пожалуй, и я себе сделаю.

Разведенный кофе порой бывает не хуже, чем обычный гранулированный. Быть может, я просто не знаю в нем толк. Да и что с того? Многие ведь не знают, но стараются при этом выглядеть тонкими ценителями. Эта мысль не давала мне покоя каждый раз, когда я откупоривал крышку и чувствовал запах обычного растворимого кофе, который можно купить в любом магазине.

Я сел напротив Макса и отхлебнул немного горячего напитка. Легкое похмелье как рукой сняло, и я почувствовал, что линии стали четкими. А вот лицо Макса казалось размытым. Виной тому, вероятно, была грусть, пробравшаяся в самую глубину пор его кожи.

— Что с тобой? — спросил я.

— Все нормально, — ответил он так, как я и ожидал.

Будто бы прочитал мои мысли. Сукин сын спал с моей женой, но я не ругал его за это, да и в обиде на него не был. А теперь он вдруг взгрустнул. Чертов ублюдок, — подумал я тогда. Что тебя не устраивает в этой жизни?

— Я устал от твоего лица, — сказал он, выдержав длинную паузу. — Устал от твоих рук, от твоих глаз, которыми я вижу. Просто устал...

— Все, что ты делаешь — это приходишь по вечерам и занимаешься сексом с моей женой, пока меня нет дома! Если бы это было целью моей жизни, я бы вообще не напрягался.

— А ты уверен, что это все, что заполняет мою жизнь? Да и что за цель у тебя? Ну же, ответь мне.

— Неважно. Это совершенно неважно, — ответил я, хлебнув еще немного кофе.

Я знал, что Макс должен был уйти совсем скоро. Он не любил засиживаться до самого утра. Не прощаясь, он надевал пальто и спускался вниз, выходил на улицу и растворялся на стыке ночи и дня. Он приходил из неоткуда и уходил в никуда. Да и мне, собственно говоря, не было особо важно, что делает он в другое время дня. Для меня он был лишь символом ночи, молчаливым, загадочным, отчасти даже сексуальным.

Он хорошо смотрелся, лежа голышом в постели с Лилей. Ее тонкие пальцы лежали на его груди, золотистые локоны касались уха и порой щекотали его. Они хорошо смотрелись вместе. И мне было приятно наблюдать за ними.

Мне нравилось наблюдать за тем, как Лиля извивается в его объятьях. Словно околдованная черной магией, она повторяла его движения, отчего все выглядело очень гармонично и порой настолько нереально, что я выпадал из самого себя. Мое сердце начинало биться чаще, а дыхание сбивалось, будто я был на месте Макса. Будто это я касался пальцами твердых сосков своей жены, ласкал их своим языком, отчего она сладко

прикусывала нижнюю губу. Но я сидел в кресле напротив кровати, и на меня падал свет слепой луны. Я просто наблюдал, как они занимаются сексом.

Ее глаза были открыты, взгляд устремлен вверх, на безмолвный потолок. Порой мне казалось, что она впадала в состояние транса, но то был лишь легкий прилив удовольствия, которое она хотела ощущать как можно дольше. Макс опустился ниже, провел языком по ее чуть дрожащему животу. Она вцепилась пальцами в его волосы. Чуть задрала голову, когда он коснулся ее нежного места своими губами. Лиля была мокрой, но легкая дрожь не проходила. Он знал, как доставить ей удовольствие. Временами я завидовал ему. Временами представлял, как присоединяюсь к их нежному соитию. Мне хотелось быть грубым, жестоким, но я продолжал сидеть в кресле, а мои ладони потели так же, как потела спина Макса.

Он медленно входил в нее, ласкал руками ее упругую грудь, ее гладкие плечи. Эти два человека казались мне единым целым, неразделимым организмом. Тяжело было понимать один простой факт: насколько бы люди не были близки, они никогда не станут единым целым. Я сталкивался с пониманием этого факта тогда, когда Макс, громко выдохнув, ложился рядом с Лилей и, обняв ее, засыпал. Магия исчезала, оставляя лишь невнятный запах, коим была наполнена комната, и свет слепой луны.

Я еще долго мог сидеть в кресле, раз за разом прокручивая увиденное в своей голове. Я дорисовывал то, что хотел увидеть, но не увидел. Блуждая по тонкой грани между реальностью и вымыслом, я создавал свой, особенный мир, в котором мне было так комфортно жить. И я не замечал, как Макс покидает комнату ближе к утру. Я продолжал сидеть в своем кресле.

***

— Как же это могло случиться, да еще и в наших стенах?! — Геральдина с негодованием задала вопрос присутствующим в зале подчиненным. — Неужели среди нас есть умник, который решил, что это все легко сойдет ему с рук?

В конференц-зале находился я, Дина, еще несколько ведущих менеджеров и, разумеется, сама Геральдина. Атмосфера там царила, мягко скажем, не самая приятная. С тех пор, как видео с мэром попало в интернет, все сотрудники копали друг под друга. Мне казалось, что даже мимолетом сказанное слово могло стать роковым. Потому я и молчал.

Дина придерживалась той же точки зрения. Время от времени она поглядывала в мою сторону, чуть улыбаясь. Смотрела она и на Геральдину, но совершенно иным взглядом, более цепким, более тяжелым. Мне даже на какое-то мгновение показалось, что между ними что-то есть.

— Вот что я вам скажу: если существуют какие-либо подозрения, незамедлительно сообщайте мне. Не нужно покрывать этого человека. Мы должны дорожить репутацией нашей компании.

Сказав это, Геральдина уселась на стол и скрестила руки на груди. Порой она вела себя более чем развязно, хотя такое поведение со стороны остальных сотрудников компании не особо поощряла. Корпоративный дух, мать его. Стандарты.

— Что-то вам кажется смешным? — обратилась она к Дине, заметив на ее лице легкий налет улыбки. Дина не растерялась.

— Старый извращенец получил по заслугам...

Своими словами она вызвала тишину в зале. Я посмотрел на нее, чуть приподняв бровь.

Признаюсь, не особо понимал тогда, что заставило ее сказать подобное.

Геральдина, вопреки моим ожиданиям, лишь улыбнулась в ответ.

— Да, пожалуй. Но все равно, такие истории нам не нужны. И еще. Появление этой истории в СМИ — не повод для того, чтобы все стали ссылаться на ухудшение продаж. Нам нужно работать в полную мощь. Все свободны.

Покинув зал, мы с Диной пошли на кухню. Изначально наш поход был обусловлен желанием выпить по чашечке кофе, но в конечном итоге она схватила меня за пах, а я в ответ крепко схватил ее за шею и поцеловал в губы. Щелкнул дверной замок. Мы остались одни.

— Что это у тебя с Геральдиной? — спросил я будто бы между делом.

— Ничего, — ответила она и поцеловала меня в шею.

— Я видел, как ты смотрела на нее...

— Слушай, давай не развивать эту тему, — она провела рукой по моим волосам, но в движении ее не было нежности. — Да и вообще, нам ни к чему заводить такие разговоры. Это не та история.

Я кивнул. Все же, в моей голове хранилось достаточно много вопросов, на которые я не решался услышать ответы.

— А что ты думаешь по поводу компромата на мэра? Ведь мы с тобой были тогда в той комнате...

Дина замерла. Она отстранилась от меня, посмотрела оценивающе в мои глаза. Кто знает, какие мысли тогда были у нее в голове. Кто знает...

— Не хочешь ли ты спросить меня о том, связана я с этим делом или нет? Неужели ты действительно думаешь, что это могла сделать я?

— Не знаю...

Неожиданно для меня последовала дикой силы пощечина, после которой в моих ушах зазвенело. С открытым от удивления ртом я продолжал смотреть на Дину, а она лишь улыбалась мне, будто ничего не случилось.

— Очнись, мой хороший. Очнись...

Почтовые ящики. Темные дыры, навешанные на стены коридоров. Каждый раз, просовывая свою руку в темноту, я ощущал легкое чувство тревоги. Откуда оно появилось у меня? Быть может, в другой жизни с моей душой произошло что-то плохое, что-то темное? Об этом мне не суждено узнать никогда.

Век современных технологий превратил почтовые ящики в кучу ненужного никому металлолома, который кому-то напоминал о лучших годах жизни, а кому-то — лишь об отрывках из учебников истории, где рассказывалось о времени, когда в письмах описывались целые жизни, а заветный конверт с парой очень важных строк люди порой дожидались годами. Тогда мало кому приходило на ум, что общение на расстоянии станет обыденностью и потеряет свою былую романтичность. Мы стали изливать свою душу цифрами, создавать коды. Сложность стала создавать простоту.

В тот вечер я решил проверить почтовый ящик. Месяцами он был пуст, и тот факт, что я внезапно вспомнил о его существовании, уже наводит меня на некоторые сомнения. Почему именно в тот день? Будто бы остаточные воспоминания проснулись в самой глубине моего сознания. Чужие воспоминания.

Я подошел к ящикам. Они смотрели на меня своими пустыми щелями, подобно

неприветливым жителям маленького города. Я, в свою очередь, был одиноким странником, которому суждено было раскрыть тайну, хранящуюся в самом сердце этого города. Я просунул руку в темноту и нащупал конверт.

Обыкновенный конверт, без указания адресов. Нахмурившись, я сложил его пополам и засунул в карман. Помню, как тогда меня посетил странный, немного тревожный интерес. Я поспешил к лифту.

Уже дома, скинув с себя верхнюю одежду и обувь, я прошел на кухню и сел за стол. Кровать была пуста — Лили не было дома. За окном смеркалось. Обычный день, когда каждый спешит в своем направлении.

Перед тем, как открыть конверт, я достал из холодильника бутылку виски и налил немного в стакан. Добавил льда. Взял в руки нож. Помню, как мне понравилась сама процедура и все, что с ней было связано — и нож, и таинственный конверт, и одинокая кухня, и алкоголь в стакане, и темнеющее небо. Как будто оказался по ту сторону телеэкрана.

Аккуратным движением я вскрыл конверт. Что могло там находиться, я и представить себе не мог. Все мое общение сводилось к перепискам через приложения на смартфоне или по электронной почте. Но конверт, да еще и без указания адресов... Одним словом, странность. Я затаил дыхание.

В конверте была фотография. Видом своим она напоминала те старые фотографии, которые распечатывались моментально, прямо из фотоаппарата марки «Polaroid». То, что было изображено на ней, заставило меня ужаснуться. Я вскочил из-за стола, не поверив своим глазам. Сердце стало биться учащенно. Подступила тошнота.

На фотографии я увидел себя, лежащего в луже крови, с широко открытыми глазами, полными смертельного испуга. Я увидел собственную смерть, но не знал, когда и как она случилась.

Протерев глаза, я еще раз посмотрел на изображение. Совершенно схожие черты лица, да и одежда, в которой я ходил буквально вчера по улицам, живой и невредимый. Мокрый асфальт подо мной был мне чертовски знаком, но вот только понять, что это за место, я не мог. И снова мне казалось, что я уловил чужие воспоминания.

Я почувствовал, как по телу пробежалась волна болезненного жара. Стали неметь пальцы рук. Я понял, что начинается приступ, и тут же кинул в рот таблетку. Шелест пластины не помог мне справиться с паникой, внезапно накинувшейся на меня. Мой лоб мгновенно взмок, а онемение пошло дальше. Теперь я уже не чувствовал своих ладоней, а пальцы беспомощно сжались. Онемел язык, и если бы я попытался что-то сказать, то получилось бы лишь невнятное мычание.

В таком состоянии я провел минут пятнадцать. Сидя на полу, истекая потом, я ловил воздух ртом и пытался отогнать от себя мысли о внезапной смерти. Сердце билось в истерике, глаза слезились, но я ничего не мог с собой поделать. Рецидив. Вот как это назвал бы мой лечащий врач.

Пугала не столько фотография, сколько внезапность приступа. К тому времени я думал, что окончательно излечился от них. Увы, мне пришлось жестоко разочароваться. Оттого я и проглотил все содержимое нетронутого мною стакана одним махом.

Добравшись до кровати, я плюхнулся лицом вниз. Тело, еще не до конца отошедшее от панической атаки, плохо подчинялось мне, оттого все мои движения казались крайне неуклюжими. Мысли сбились в кучу, но я хотя бы начинал понимать, что мне ничто не

угрожает, что я не умру просто так, без причины. Шелест пластины в кармане заставил меня улыбнуться.

Вспомнив о фотографии, я тут же достал из кармана телефон и позвонил Артему.

— Сукин сын, такие шутки тебе с рук не сойдут! — заорал я в трубку.

— Воу, что с тобой? — не слишком расторопно ответил Артем. — Что случилось-то? Ты накурился?

— Где ты раздобыл этот чертов фотоаппарат?! — я не мог уговориться. — Любитель раритетов, мать твою! Это была самая паршивая шутка в твоей жизни!

— Да стой ты! Что случилось? — продолжал повторять Артем. — О какой шутке ты говоришь, эй?

Я хотел было выкрикнуть пару крепких словечек, но ослаб настолько, что просто положил голову на подушку и закрыл глаза.

— Это не ты? — удивленно спросил я.

— Не я что? — Артем начинал негодовать. — Послушай, я не в норме, так что если тебе нечего сказать, мы можем прекратить этот разговор...

— Нет, нет... давай лучше встретимся. Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Мы с Артемом встретились через час около той самой забегаловки, в которой встречались и ранее. Я припарковал свой седан небесного цвета прямо напротив входа. Свет фар ослепил моего приятеля. Он сощурился и выставил вперед руку.

Присев за стол, как и полагается, около окна, я огляделся по сторонам. Ничто не казалось мне подозрительным. Тем не менее, чувство тревоги не покидало. Артем долго смотрел на меня своими уставшими, сонными глазами, под которыми скопилась вся синева вечернего неба.

— Так что случилось?

Не успел он задать вопрос, как к нам подбежала официантка. Я чуть дернулся от неожиданности, чем вызвал ее вопросительный взгляд.

— Что желаете? — спросила она тонким голоском. На вид ей было не больше двадцати. Собранные в хвост светлые волосы, наивная улыбка. Вид ее меня немного успокоил.

Я заказал себе стейк из свинины с картофелем и чашку чая с мятой. Артем заказал кофе и колу. Тогда я подумал, что это довольно странный выбор.

— Мне угрожают, — начал я, когда официантка удалилась от нас на приличное расстояние. — Не знаю, что это за люди, но у них явно недобрые намерения.

Я достал из кармана фотографию и протянул ее Артему. Тот долго и озадаченно разглядывал ее. Он почесал нос, скривил лицо.

— Странно все это...

— Странно?! — я чуть было не завопил. — Это чертовски страшно, мать твою! Ты посмотри внимательно. Посмотри! Как они умудрились сделать это фото? Я бы смог понять, если бы это была распечатанная на принтере фотография. С помощью компьютера можно многое сделать. Но это же чертов Полароид! Как можно подделать такое?

— В теории можно, — ответил Артем. Он выглядел крайне задумчивым. — Но... не знаю. Довольно оригинальный способ.

— Да уж.

— А ты уверен, что это ты?

Подобно огромной глыбе, разрушающей стену старого здания, этот вопрос разрушил все

мое параноидальное состояние на мелкие кусочки. Я оторопел, потому что никак не ожидал подобного вопроса.

— Что ты этим хочешь сказать? Да ты посмотри внимательно! Никого не напоминает? Ну, посмотри...

— Ты знаешь, что я имею ввиду. Это, быть может, я.

— Не говори глупости! — отрезал я, хлопнув по столу рукой.

В этот момент нам принесли напитки. Официантка снова подозрительно посмотрела на меня, а вот на Артема она будто бы и не обращала никакого внимания, хотя он выглядел намного подозрительней меня. Его выдавала старая одежда и потухшее, лишенное живости лицо. Мне вдруг захотелось накричать на нее из-за такого отношения ко мне, но я сжал кулак крепче и промолчал.

— Стейк будет готов минут через десять, — сказала она и удалилась.

Я отвернулся к окну и увидел огни самолета, заходящего на посадку. Я долго следил за этими огнями, пока они не скрылись из поля моего зрения. Вот бы сейчас взять билет на самолет и улететь подальше, подумал я тогда. Что останавливало меня?

— У тебя есть догадки по этому поводу? Кто мог сделать такое? Может, кто-то из твоего прошлого? — спросил меня Артем.

— Не знаю, — я качнул головой. — Но есть одна странность, одна чертова мысль, которая не выходит у меня из головы.

— И что это за мысль?

— Не так давно на работе произошло кое-что. Щекотливый случай, — я отпил немного чая. — Ты, наверное, слышал про видео с мэром? Сейчас весь интернет только об этом и трубит.

— Конечно, слышал! Да там этого старого извращенца ублажала какая-то голограмма... уморительная история! — Артем расплылся в улыбке и достал из кармана маленький пакетик с белым порошком.

— Ты что делаешь, мать твою?!

— Да я так, для расслабления. Хочешь?

Я отрицательно качнул головой. Артем же, не обращая никакого внимания на окружающих, высыпал немного порошка на тыльную сторону ладони, быстро приложился к ней носом и вынюхал все. Улыбка его стала шире.

— Доволен?

— Безусловно. Так что там насчет истории с мэром?

— Запись была сделана в здании компании, в которой я работаю. У мэра там есть своя комната, которую он посещает время от времени. Точнее, посещал.

— И?

— Доступ к этой комнате и к служебному помещению, что находится через стену, есть далеко не у каждого сотрудника. У меня он есть.

— Ты хочешь сказать, что это ты записал то видео?

Мне показалось, что зрачки Артема расширились до невероятных размеров. Он вытянул шею, будто пытаясь услышать тихий шепот за соседним столиком.

— Нет, — ответил я. — Но однажды я наблюдал за мэром. И еще... там со мной была девушка, Дина. Моя коллега.

— И что вы там делали?

— Занималась сексом.

— Но камеры ведь при вас не было, так?

— Так. Черт, я уже и сам запутался во всем этом. Знаешь, беда в том, что под подозрение попадает довольно много людей.

— Ага, — кивнул Артем. — И первым делом ты, разумеется, подумал обо мне, за что я тебе, безусловно, признателен, чувак. Смешной ты сукин сын.

— Уж прости, но такие шутки как раз в твоём стиле.

— Ну да. Знаешь, в этом мы с тобой очень похожи.

Настала долгая пауза, на протяжении которой я смотрел в окно, разглядывая новые огни новых самолетов. Мне казалось, что мир вокруг меня движется с огромной скоростью, и я не успеваю за ним. Наше молчание нарушила официантка.

— Ваш стейк, — сказала она и поставила передо мной тарелку.

Взглянув на еду, я вдруг понял, что совершенно не хочу есть. Типичная для меня ситуация — делать то, чего делать не хочется. Зачем я заказал себе стейк? Ведь я хотел овощной салат. Или не хотел?

Плюнув на размышления, я взял в руки вилку и нож и стал резать мясо. Оно было жестким и не особо вкусным, но я жевал его с наслаждением настоящего мазохиста. Артем смотрел на меня.

— Вкусно? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Так, а что эта девушка, с которой ты наблюдал за мэром? У нее есть какие-нибудь догадки?

— Нет... вроде. Но я не могу быть уверен в ней на все сто процентов. Она... ветреная, она слишком свободная от всего. И от меня в том числе.

Я думал о причастии Дины ко всему этому, но мысли те меня очень сильно злили. Будто Дина протестовала внутри меня, боролась с моим внутренним голосом внутри моей черепной коробки, под моей кожей.

— Непросто все это, — подвел итог Артем. Я кивнул в знак согласия и продолжил молча есть свой стейк.

***

Открыв глаза, я обнаружил, что нахожусь в тоннеле, стены которого были выложены камнем. Пахло сыростью и морем. В руках, как и прежде, я сжимал оружие. Внешним видом своим оно напоминало пистолет, только вместо дула у него была стеклянная призма, да и обоймы не было.

За полминуты до этого я открыл временной портал. Преодолев века за каких-то несколько секунд, я оставил позади своих преследователей. Теперь у меня было хоть какое-то время для того, чтобы понять, где я нахожусь и что мне делать дальше. Лиля была где-то рядом. Я чувствовал ее присутствие каждой клеткой своего тела.

Я бежал в сторону света, но темнота наступала мне на пятки. Лужи взрывались под моими ногами градом грязных капель, да и ветер в тоннеле был неслабый. Подступала тошнота — так было всегда после перемещения из одного временного промежутка в другой. Меня буквально выворачивало наизнанку.

Тоннель закончился, и передо мной предстала мощеная камнем набережная реки, по которой тихим ходом шло парусное судно. Мимо меня, громыхая, пронеслась запряженная лошадьми повозка. Повеяло навозом, отчего я скривился. То был город вековой давности.

Город, который я никогда не видел ранее.

Пробежав чуть вперед, я наткнулся на пару пьяных бродяг, которые неодобрительно посмотрели в мою сторону да выкрикнули мне вдогонку пару ласковых на своем исковерканном языке. Нельзя было останавливаться. Только не сейчас, думал я, разрезая ночь линиями своих передвижений. Не сейчас, когда она так близко...

Мне казалось, что в одном из закоулков я видел Лилю. На ней было белое платье, то самое, которое она впервые надела в день нашей свадьбы. В тот день, когда все начиналось, и я был полон больших надежд. Но у времени нет сострадания. Время вывернуло наизнанку меня и все, что меня окружало. Время оставило нетронутой лишь ее. По крайней мере, мне так казалось.

— Куда же ты все время бежишь? — услышал я родной голос позади себя. Обернувшись, я увидел Лилю. Она смотрела на меня своими большими голубыми глазами.

— Я бегу к тебе, — ответил я. — Ты в опасности.

Она подошла ко мне вплотную и коснулась моего лица своей теплой ладонью. Она была ярким пятном на фоне темного мира, теплым пристанищем в студеную зимнюю ночь. Я хотел, чтобы она касалась моего лица снова и снова, но времени у нас было слишком мало. Я слышал звук их шагов.

— Нам нужно бежать! — с надрывом произнес я и схватил ее за руку. — Доверься мне!

Не оглядываясь назад, мы бежали по переулку. Наши преследователи были уже совсем близко. Вооруженные до зубов детишки в бронежилетах-подгузниках. Настоящие убийцы, хладнокровные, дерзкие. Я не знал, почему они гонятся за нами. В дикой спешке у меня просто не было времени уточнить, что стало причиной этой погони. Она началась так же неясно, как и вся моя жизнь. Я просто не помнил ее начала.

Я также не знал, что ждет нас впереди: широкая улица, или же тупик. Я просто знал, что нужно бежать вперед. Воздух вырывался из груди, и становилось больно дышать. Но страх был куда сильнее тела. Страх заставлял ноги двигаться быстрее.

— Я больше не могу, милый, — кричала Лиля.

— Еще немного!

Переулок пересекался с дорогой, которая снова выходила к набережной. Как будто мы бежали по кругу. Схватив руку Лили крепче, я рванул в сторону набережной. Мое внимание привлек деревянный мост, по которому я намеревался перебраться на другую сторону реки. Там огни домов горели ярче, да и улицы казались светлее. Я думал, что там нас ждет спасение.

Я слышал позади себя громкий детский крик. Так кричат грудные младенцы посреди ночи. Их было так много, что крик их по громкости и силе своей превосходил рев реактивного двигателя. Мне казалось, что окна домов вот-вот потрескаются, а вода в реке внезапно закипит. Мое сердце билось чаще. Но я продолжал бежать.

Мост через реку оказался довольно хлипким. Ширины его едва хватало для того, чтобы один человек спокойно прошел от берега к берегу. Нам же нужно было пробежать по нему, да еще и не сбавляя темп. Наши преследователи с каждой новой секундой становились все ближе и ближе. Времени на раздумья не оставалось.

— Не бойся! — кричал я.

Доски под нашими ногами хрустели со страшной силой. Одна из них просто отлетела в сторону, оставив вместо себя лишь пустое место, и Лиля взвизгнула.

— Не останавливайся, милая, — продолжал подгонять я. — Они уже близко!

Но она остановилась. Ее взгляд был полон отчаяния. Этого я больше всего и боялся. Она готова была сдаться.

В тот момент, когда она остановилась, доски под ней хрустнули с новой силой. Позади нее темнела масса наших преследователей. Однородная, страшная масса, готовая поглотить все на своем пути.

— Дай мне руку! — крикнул я. Но было уже слишком поздно.

Когда доски совсем прохудились и сломались под тяжестью ее хрупкого тела, она вскрикнула беспомощно и взмахнула руками. Я хотел прыгнуть за ней, но застыл на месте. Ее больше не было передо мной. Ее унесла темная река, озаряемая светом полной луны.

Я кричал, как будто в меня одним махом вонзили десяток ножей. Рука моя дрогнула, когда я поднял оружие и направил его на своих преследователей, столь внезапно затихших. Настало время моего крика. Настал мой ход.

Закрыв глаза, я нажал на спусковой крючок. В ярком блеске растворилось все, что меня окружало. Мир посыпался вниз миллионом осколков, будто весь он состоял из нагромождений зеркал разных размеров и форм. Я снова выпал из времени.

Сны преследовали меня и в реальности. Просыпаясь, я продолжал отчетливо ощущать присутствие духа нереальности, вымысла. Оно отступало со временем, но порой держало меня до последнего на своем крючке. И только шелест пластины с таблетками в моем кармане давал мне право не сойти с ума. Я верил в это свое право. Оно есть у каждого из нас. Никто не хочет сойти с ума. Да вот только когда человек, сам не замечая того, сходит с ума, все правила и вся вера становятся лишь пустым звуком. Они трансформируются в нечто новое.

Я проснулся в постели. На мне была одежда, в которой я бродил по городу прошлой ночью. А бродил ли я, или все это мне только привиделось? Лили не было рядом. Я терял ее во сне и терял ее в реальности. Выдохнув, я поднялся на ноги и направился в туалет.

Стоя под душем, я наслаждался тем, как тонкие струйки воды бьют по моему телу; как пар распространяется по ванной комнате, застилая мне глаза. Полотенце впитывало влагу, мягко касаясь моей кожи. Запотело зеркало, и я провел по нему рукой. Я хотел увидеть в нем другое отражение, не свое. Я хотел видеть там лицо другого человека, от которого еще не устал так сильно, как от себя самого.

Иван Капустин, самый рядовой сотрудник самого рядового офиса, был, как и прежде, одет в классический костюм. За толстыми линзами очков скрывался взгляд человека, о котором я ровным счетом ничего не знал. Он сжимал в руке черный портфель, содержимое которого также оставалось для меня загадкой. Еще одно пятно, побочный продукт внезапной химической реакции, о которой я тоже ничего не знал. Мы были друг для друга продуктами современного мира, средством достижения целей.

Я приветствовал его рукопожатием. Он чуть улыбнулся мне, но улыбка та была искусственна, как цветы, стоявшие в горшке в углу моего кабинета.

— На этот раз я не опоздал, — сказал он, усаживаясь в кресло.

— И даже пришли раньше, — я широко улыбнулся ему. — Ну а я для вас подготовил приятную новость. Все согласовано.

Иван Капустин прямо-таки засиял. Несмотря на то, что его взгляд во время разговора был направлен в сторону, я почувствовал, как в нем проснулся живой интерес. Он поправил

галстук, после чего спросил:

— И когда теперь можно получить услугу?

— Думаю, к завтрашнему дню все будет готово. Как я и говорил в прошлый раз, задача перед нами стоит весьма необычная, но, тем не менее, очень интересная. Вот только некоторые детали, которые вы указывали во время нашего прошлого разговора, придется изменить.

— Например? — Иван Капустин напрягся.

— Тигровые акулы не водятся в Средиземном море. Мы можем предложить вам тропическую часть Австралии, или же Калифорнию. Да и тигровую акулу лучше заменить на большую белую. У нее более агрессивный вид. Что насчет рыбешек и кораллов... тут все будет исполнено в лучшем виде.

— Ага, — кивнул Капустин. — Но... я хочу Средиземноморье.

— Но там не водятся такие акулы...

— Да и пусть. Я хочу, чтобы действие происходило на побережье Средиземного моря. Я уже говорил, что для меня это очень важно. По поводу акулы... что ж, давайте остановимся на большой белой. Если вы считаете, что так лучше, я соглашусь с вами.

Иван Капустин снял свои очки, достал из кармана платок и хорошенько протер линзы. Глаза его показались мне маленькими, словно они изначально принадлежали совершенно другому телу, более тонкому.

— Я вас понял, — немного пораздумав, сказал я. — Можно будет забронировать время сеанса на завтра. Любое удобное для вас время. И еще, — я достал из ящика стола необходимый комплект бумаг. — Нужно поставить пару подписей, а чуть позже пройти самый обыкновенный медицинский осмотр.

Мой клиент кивнул с понимающим видом. Не хватало еще, чтобы ты откинулся во время своей смерти, подумал я тогда. Компания и без того получила огромную известность благодаря случаю с мэром. Нежданная и столь неприятная слава.

Когда бумаги были подписаны, Иван Капустин заметно расслабился. Он откинулся в кресле и стал смотреть в окно, пока я вкратце объяснял ему принцип работы всей системы и самые ключевые моменты. Все согласно стандартной процедуре.

Бывали на моей памяти случаи, когда клиенты оставались недовольны услугами нашей компании. Некоторым не хватало влажности в тропиках, где они, прорубая себе путь с помощью мачете, искали затерянные сокровища инков. Некоторым не хватало ощущения перегрузок в момент выполнения фигур высшего пилотажа на тренировочном самолете. Ну а некоторые бедолаги просто не получали оргазм во время группового соития. Что я мог сказать им всем в ответ? Да пошли вы...

Я был уверен на девяносто девять процентов, что первые никогда не выезжали за пределы города, то есть никогда в своей жизни не ощущали тропическую влажность. Вторые вряд ли когда-либо летали на самолетах. Про фигуры высшего пилотажа я вообще молчу. Ну а третьи... что ж, некоторые таблетки вызывают отсутствие оргазма. В нашем химическом мире такое не редкость.

Конечно, я ссылался на то, что мы каждый божий день работаем над ошибками, что компания предлагает своим постоянным клиентам скидки. Я выкручивался как мог, но порой был бессилён.

Общаясь с Иваном Капустиным, я предположил, что он не из тех людей, которые заведомо готовы жаловаться на любые оказанные им услуги. Мне даже казалось, что он

имеет некую фанатичность по отношению к процедуре собственного искусственного умерщвления. Нужно было лишь предложить ему то, чего он хотел. Хорошая сделка без лишних проблем.

— Дозировка подобрана так, что вы будете чувствовать эффект в течение одного часа. С вашего разрешения я не буду вдаваться в подробности сюжета, который мы для вас подготовили, — я выдержал паузу, и в ответ на эти слова Капустин кивнул. — Это будет захватывающе. По истечению срока вы не будете чувствовать никаких побочных эффектов. Их попросту нет.

Я говорил красиво, уменяючи. Чтобы научиться производить правильный эффект на правильных клиентов, я тренировал себя очень долгое время, а потом лишь пожинал плоды, подпитывая себя все новой и новой энергией. Хвастовство есть не лучшее качество для мужчины, но я, пожалуй, позволю себе немного похвастаться. Точнее, уже позволил.

— Хорошо, я все понял, — деловито ответил мне Капустин. — А можно будет подъехать ближе к вечеру? Часов так в семь?

— Конечно. Я же говорю, в любое время. Я сам буду вести данную процедуру, так что можете полностью положиться на меня.

Мы обменялись рукопожатиями. Уходя, Иван Капустин еще раз улыбнулся мне, после чего исчез за дверями кабинета. Да что же лежит в его портфеле? Я задавался этим вопросом снова и снова. Совершенно странным для меня оказался тот факт, что вскоре я узнал о содержимом портфеля, принадлежащего моему клиенту. Но об этом чуть позже.

Сначала я хотел бы рассказать о встрече с Геральдиной, которая произошла совершенно случайно в одном милом ресторанчике в центре города.

У меня выдалась пара свободных и лишённых смысла часов, которые мне захотелось провести в окружении белых скатертей и шикарного убранства, поедая нечто вкусное и дорогое. Я сел за руль своего седана небесного цвета и помчался по городским улицам. Из динамиков с дикой мощью вырывалась музыка. Она заполняла пространство вокруг меня. Она заполняла меня.

Оставив машину неподалеку от входа, я вошел в ресторан, название которого все равно вам ничего не даст. Бесполезная информация, не иначе. Как бы он ни назывался, блюда там подавали отменные. Я сел за столик на двоих и, поддавшись привычке, осмотрелся по сторонам. Ничего необычно. Немного посетителей, и все с легким налетом наглости на лицах. Мужчины и женщины, упивающиеся своими статусами в обществе. Но кто я такой, чтобы осуждать их за это?

Расторопный официант, облаченный в кристально белую рубашку и черные брюки, предложил мне ознакомиться с меню и уточнил, желаю ли я отведать аперитив. Я кивнул и заказал мартини с водкой. Достал из кармана пластину с таблетками. Положил одну на язык. Проглотил. Выдохнул.

Я заказал себе соте из мидий и спагетти с чернилами каракатицы с морепродуктами. Из напитков выбрал белое вино. Мне нравилось пить вино днем. Лишь небольшое его количество в сочетании с таблетками давало эффект легкости тела, добиться которого мне удавалось крайне редко.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ожидая, пока принесут блюда, я просматривал ленты новостей и разглядывал безвкусные фотографии людей, о которых мне не было известно ровным счетом ничего. Я

видел их улыбки, я представлял их радость, но никак не мог свыкнуться с мыслью о том, что все это реально. Фотографии казались мне неким вымыслом, который придумывают люди, чтобы их жизни казались нескучными.

Подобно скоростным поездам, линии новостных сводок проносились мимо моих глаз. Трубили пароходы сенсаций, взлетали в небо и стремительно падали курсы валют. Я увлеченно следил за движением жизни, но когда официант принес соте из мидий, все это совершенно перестало меня интересовать. Могу поспорить, подобное происходило со всеми, кто находился в том шикарном зале.

Когда дело дошло до спагетти, я совершенно потерял голову. Содержимое капсул к тому времени уже стало понемногу всасываться в стенки желудка, а вино лишь добавило остроты ощущений. Я наслаждался каждым кусочком прекрасного блюда, чувствовал его вкус каждым ничтожно маленьким вкусовым рецептором языка. Внутри меня разворачивалось прекрасное событие, которое по величию своему, как мне казалось, было сродни написанию фресок Сикстинской Капеллы. Я чувствовал, что все еще жив.

Не успел я вдоволь насладиться блюдом, как взгляд мой упал на знакомое лицо. Точнее, на знакомый профиль лица. Строгость этого профиля нельзя было спугать ни с чем другим. Ее лицо я мог узнать среди тысячи лиц. Это была Геральдина.

Она обедала в компании хорошенькой девушки, облаченной в легкое платьице кремового цвета. Сама же Геральдина, как и всегда, была одета в костюм в полоску и выглядела на фоне своей спутницы достаточно мужественно.

Они пили вино и живо беседовали о чем-то, что вызывало улыбки на их лицах. Ярко окрашенные губы Геральдины и нежный цвет губ ее спутницы... я смотрел на них поочередно, дожевывая спагетти и запивая его вином. Мне буквально вкусно было наблюдать за их губами, изгибающимися время от времени в приветливых улыбках.

Официант поинтересовался, понравились ли мне блюда, но я не ответил ему. Я был очарован разговором двух дам, сидящих напротив меня.

Я наслаждался тем, как они целуются украдкой, будто бы опасаясь быть замеченными. Но я и не думал, что кто-то в моем мире еще опасается быть пойманным за подобное. Я считал, что все это стало нормой. Эти две персоны как будто бы принадлежали другому миру, другой эпохе. Будто бы вырвались со страниц книг старого фантаста вроде Джеймса Балларда. Я хотел видеть сюжет, полный странных событий. Я хотел, чтобы они продолжали целоваться.

Я проводил их взглядом до выхода. Они шли плечом к плечу, почти касаясь друг друга пальцами рук. Недосказанная нежность. Нежность кремового цвета, и строгость костюма. Я влюблялся в их образы с каждой новой секундой.

Кинув на стол сумму денег, достаточную для оплаты счета, я поспешил за Геральдиной и ее спутницей. Они скрылись из вида за входными дверями ресторана. Люди смотрели мне вслед, но я шел вперед, как оглушенный взрывом зверской силы. Я пробирался сквозь толпы спешащих по улицам людей, заряженных химическим счастьем. Я смотрел вслед двум образам, в которые, казалось, влюбился безоговорочно. Так влюбляются впервые, буквально теряя голову от внезапно нахлынувшего чувства легкости, но никак не пустоты внутри. Все это была химическая реакция. Внезапная и сильная, как удар морской волны о скалы.

На перекрестке я потерял их след. Остановившись, я достал из кармана телефон и набрал номер Дины. Я помнил его наизусть, потому не записывал в телефонную книгу. Это было мне ни к чему.

***

Иван Капустин позвонил мне в самом начале рабочего дня. Он был весьма взволнован, оттого голос его дрожал. Мы договорились с ним о встрече, и весь день я занимался вопросами подготовки его смерти. Что ж, могу признаться честно, смерть его не доставила мне больших хлопот. А вот нашим техникам пришлось потрудиться на славу.

На их голову свалилась сложная задача по созданию подводного мира со всевозможными нюансами, такими, как преломление света и огромных размеров экосистема. Но самым сложным моментов оказалась хватка акулы.

Добиться нужного эффекта при помощи голограммы было непросто. Стажеру технического отдела, который лишь только-только ознакомился с базовыми понятиями, пришлось быть первым подопытным. Акула разорвала его в клочья не меньше двадцати раз. Но самым забавным аспектом работы оказалась его реакция на вещество...

Вообще, любого ощущения можно добиться, задействовав определенные рецепторы и гормоны. Гипофиз, гипоталамус, эпифиз. Надпочечники. Эндокринная система. Синапсы. Слова, которые многие люди когда-то слышали в своей жизни, но не особо придавали им значения. До поры, до времени, разумеется.

Нервные импульсы не могут передаваться только посредством электрических разрядов. В дело вступает химия. Более подробно я вам об этом рассказать не смогу, потому что и сам знаю все лишь по простым примерам, приводимым нашим добрым доктором со странным именем и огромной седой бородой. Подобно заправскому Санта-Клаусу (ему не хватало только красного кафтана и саней с оленями), он изредка выбирался из лаборатории, которой руководил, и приносил нашему отделению подарки в виде новых разработок. У него в подчинении были честные и трудолюбивые эльфы-лаборанты, ребята со специфическим чувством юмора. О, нетрудно представить, сколько всего интересного приходило им в головы при создании разного рода веществ.

На первом тестировании вещества под названием b-1, подопытный в момент нападения на него акулы стал хохотать как безумный. Некоторые из техников не на шутку перепугались, но все закончилось довольно быстро — парень просто пришел в себя и удивленно огляделся по сторонам.

А вот другое тестирование многих, включая и меня самого, повергло в самый настоящий шок. Стажер, получив дозу доработанного b-1, «нырнул» в искусственное море и стал наслаждаться видами. Он буквально чувствовал давление воды, нарастающее с каждой секундой погружения на глубину. На нем было снаряжение для подводного плавания, кислорода в баллонах было достаточно. Могу поспорить, что он испытывал легкое ощущение эйфории, потому что окружающее его пространство выглядело, прямо скажу, шикарно.

Я стоял за стеклом, разделяющим две одинаковые комнаты. Рядом со мной была Дина и еще пара человек из технического отдела. Все они время от времени поглядывали в мою сторону с какой-то болезненной подозрительностью. Я отвечал им хмурым взглядом.

— Геральдина любит кисок, — сказал я Дине на ухо. Она широко улыбнулась.

— Я знаю.

— Что? И почему ты не рассказывала мне об этом?

— Хотела сделать тебе сюрприз. Ты ведь хочешь посмотреть?

— Посмотреть? На что?

Я видел в ее взгляде коварство и преданность одновременно. Она молчала о том, что я

должен был узнать еще давно. Мне казалось, что мы понимаем друг друга. Но я ошибался.

— Ты и сам знаешь, на что, — она провела указательным пальцем руки по своей нижней губе. — Ты ведь любишь смотреть.

Я сглотнул слюну, а в области паха появилось напряжение. Я хотел промолчать, ничего не отвечать ей, но не сдержался.

— Да.

Техники снова одарили меня подозрительными взглядами. Что им нужно было от меня? Я хотел запустить в их лица чем-нибудь тяжелым. Но комната, в которой мы находились, была пуста.

Тем временем на горизонте появилась акула. Реально страшное создание, от одного вида которого мое сердце начинало биться быстрее. Ее плавник был огромен, размером с крыло пассажирского самолета. Акула стремительно двигалась в направлении несчастного стажера.

Заметив акулу, он стал двигаться быстрее. Мне было интересно узнать, что он почувствовал. Испытал ли он страх? А, может быть, легкий дискомфорт, который возникает при расстройстве желудка? Тем не менее, движения его становились хаотичными.

Я слышал громкие крики сотрудников. Когда акула коснулась его ноги своими огромными и острыми зубами, голограмма залилась кровью. Крик по-прежнему не прекращался. Мне показалось, что ситуация вышла из-под контроля.

В тот момент, когда акула уже сжевала половину туловища, несчастный стажер потерял над собой всякий контроль и стал бить себя по голове, как умалишенный. Техники занервничали, стали переминаться с ноги на ногу. В соседнюю комнату вбежали медики. Как оказалось, у парня началась сильнейшая паническая атака. Больше в тестировании он не участвовал.

— Недурно, — сказал я, закинув в рот таблетку. Дина кивнула мне. Мы понимали друг друга очень хорошо.

Я лично встретил Ивана Капустина на входе в наш офис. После обмена рукопожатиями я пригласил его пройти за мной. Все было готово. Осталось только запустить аквалангиста в водоем с акулой и дожждаться, пока кровь мутными облаками не заполонит все вокруг.

— Вам понравится, — говорил я, пока мы шли к месту событий. — Я не мог оторвать взгляд от тестирований. Потрясающее зрелище.

Иван Капустин улыбался. Не знаю, как я реагировал бы на его месте. Все же, говорить о чужих мечтах бессмысленно. Мечта — вещь слишком индивидуальная и субъективная, чтобы оценивать ее по каким-либо общепринятым критериям. Она не бывает большой или маленькой, глупой или интересной. Кто-то мечтает жить, а кто-то — умереть.

— Проходите, — указал я рукой на комнату, дверь в которую держал открытой. — Вас ожидают.

— А вы не пойдете? — спросил он меня чуть испугано.

— Нет, что вы! Не буду вам мешать. Я посмотрю из соседней комнаты. Вы не будете меня видеть. Хорошего отдыха.

Я снова присоединился к Дине, которой было безумно интересно пронаблюдать за результатами моих трудов. Я слегка ущипнул ее за ягодицу, на что она ответила острым, жаждущим взглядом.

Все было готово к представлению.

После того, как Иван Капустин вернулся из раздевалки, где надел поверх своего несуразного тельца плавательный костюм и снаряжение, он махнул рукой, показывая тем самым, что готов к своей смерти. Что ж, удачи, приятель, — сказал я вслух.

Он «нырнул» в теплые воды Средиземного моря, в котором никогда не водились большие белые акулы. Над поверхностью воды светило яркое июльское солнце, крик чаек разносился по небу. Где-то высоко оставлял тонкий след реактивный самолет, несущий на своих крыльях туристов.

Ивана Капустина на берегу ожидало прохладное вино и жареное мясо. Он знал об этом и, разглядывая подводный мир Средиземноморья, думал о скорой трапезе. В его животе урчало, и его уже мало заботили разноцветные рыбки. Он как будто бы и не знал, что вскоре ему самому суждено было стать трапезой более сильного создания.

Акула неслась на него с огромной скоростью, так что он заметил ее присутствие лишь за пару секунд до первого укуса. Он задергал ногами, будто бы пытаясь оторваться от поверхности, которой на самом деле не было.

Мне нравилось наблюдать за тем, с какой силой сжимались челюсти акулы. Это была поистине разрушительная сила, обладающая природной красотой, которой не могут, по сути, обладать созданные руками человека вещи. Меня завораживали изгибы акульего туловища, мощь огромного хвоста, ходящего из стороны в сторону. Я на мгновение перестал понимать, реальность все это, или же только вымысел, подделка, созданная все теми же людскими руками.

Иван Капустин отбивался от акулы до последнего вдоха. Нужно было отдать ему должное. Несмотря на более чем скромную внешность и столь же скромное поведение, характер его, стойкий и по-настоящему мужской, проявился в борьбе за собственную жизнь. Он продолжать со всего маху бить акулу по острому носу даже тогда, когда перестал чувствовать ноги. К тому времени они уже превратились в кровавое месиво с вкраплениями перемолотых костей.

Но силы человека были на исходе. Он сделал последнее движение рукой, и голова его беспомощно откинулась назад. Акула продолжала терзать его тело, точнее, остатки его тела. Куски мяса и плавательного костюма медленно уходили на дно. Добыча была съедена, и акула, переполненная энергией, рванула вперед.

Когда все было кончено, раздались негромкие аплодисменты. Мы с Диной переглянулись. Она, как мне показалось, тоже получила удовлетворение от увиденного. Иван Капустин, судя по улыбке и чрезмерно расширенным зрачкам, был в полном восторге.

— Это замечательно, — говорил он. — Это просто замечательно!

— Эмоции — это наш конек, — деловито ответил я. Дина стояла чуть позади меня. — Вы можете повторить процедуру. Теперь она станет частью нашей программы.

— Прошу, не нужно отдавать мою смерть другим! — взмолился Иван Капустин. — Оставьте это для меня. Я заплачу любую сумму. Только оставьте это для меня!

— Мм... хорошо, я решу этот вопрос с руководителем. Думаю, можно будет договориться на выгодных для обеих сторон условиях.

На том и порешили. Счастливый Иван Капустин покинул офис, а я еще долго смотрел на дверь, за которой он скрылся. Станный холодок пробежался по моему телу. Как будто я потерял часть себя в ту минуту, когда устроил весь этот фарс. Я был доволен собой и ненавидел себя одновременно.

Неоновый туман сгущался над городом, и легкой испариной, природным потом покрывался асфальт дорог, по которым мчались быстрые машины. В свете их фар, ярком и ослепительном, тонули заряженные химическим счастьем люди. Я видел, как два парня целовались на углу у музыкального магазина, в котором раньше продавали виниловые пластинки. Один передавал другому таблетку на языке. Я буквально ощущал, какими мокрыми были их губы.

Люди, которые называют себя меломанами, чаще всего ни черта не понимают в музыке. А я люблю винил. Раньше я скупал пластинки так, как скупает консервы страдающий паранойей бывший вояка в ожидании ядерной войны. Я, разумеется, не скрывался в подземном убежище, чтобы послушать там музыку. Я слушал ее на хорошем проигрывателе.

Легкий характерный треск, ощущение живости звука. Я был с дикого похмелья. Яркими отрывками помню, как, раздевшись догола, лежал на полу и заслушивал до дыр песни Дэвида Боуи. Я подводил глаза и красил губы, а после растирал помаду по лицу, чтобы стать похожим на избитую и потасканную проститутку. Я хотел чувствовать себя ничтожеством, опущенным морально и физически человеком. Что происходило со мной в те минуты? Ощущал ли я себя самим собой, или только притворялся? Мне хотелось резать вены на руках, но мне становилось страшно от одной лишь мысли о смерти от потери крови. Мне страшно было представить, что мое сердце остановится, оттого я вслушивался в его удары снова и снова, пока это не стало надоедать мне. Наваждение. Погоня. От моих преследователей невозможно было скрыться. Они были в моей голове, в моей крови, под моей кожей.

В один из таких моментов, когда я совершенно терял голову от ощущения самого себя, у меня случился первый приступ. Волна, родившаяся, казалось, где-то в области желудка, прокатилась по моей груди. Я вспыхнул, как спичка. Помню неприятное и непонятное жжение, онемение рук.

Мне хотелось кричать, но я крепко стискивал зубы, потому что чувствовал, что вот-вот упаду в обморок. Я боялся, но страх тот был безродным, как прибившийся к толпе бродяг босоногий мальчик. Музыка становилась слишком громкой, как будто кто-то невидимой рукой управлял рукояткой громкости.

Мне хотелось звонить во все дверные звонки, набирать телефонные номера всех знакомых. Моя голова наливалась кровью, я ощущал жар. Включите свет! — кричал я громко, зная, что дома никого нет. Тихонько скрипела дверь в ту комнату, в которую я зарекся больше не входить. Я вторил скрипу, перебивал его тихим стоном.

Прошло время, и мне стало казаться, что я излечился. Ушла тревога. Я думал, что меня излечил шелест пластины. Теперь, лежа на полу и размазывая по лицу помаду, я уже не чувствовал страха. Мое сердце билось так, как должно было биться. Кроме того, меня привлекали изгибы Геральдины, которую ласково поглаживала по бедрам полуобнаженная Дина.

Мы были в какой-то комнате, свет был приглушен. На широкой кровати, пачкая белую простыню, доставляли друг дружке удовольствие две красивые особи женского пола. Их кожа принимала странный цвет в синей полутьме комнаты. Она казалась мокрой. Глаза игриво поблескивали, будто бы зазывая меня вступить в игру, но я продолжал наблюдать за плавными движениями. Мне нравилось наблюдать.

Все так же, как и прежде, играл свои песни Дэвид Боуи. Музыка пронзала наши тела, задавала ритм движений. Дина коснулась пальцами шеи Геральдины и, оскалившись,

придушила ее. Та подалась чуть назад, растерялась буквально на секунду. Видимо, она не ожидала такого отношения к себе. Неподдельным наслаждением был пропитан ее взгляд. Ей пришлось по душе такая игра. Ей нравилось быть слабой. Ну а правила везде одни и те же.

Дина, облизнув губы острым язычком, медленными движениями стала снимать с Геральдины черные кружевные трусики и бюстгальтер, представив моему взору все ее прелести. Грудь Геральдины казалась твердой, соски напряженно торчали, и Дина кусала их, поглаживая тело своей ночной сексуальной спутницы своими тонкими чуткими пальцами.

Томно вздохнув, Геральдина откинулась назад и расставила широко свои стройные ножки. Дина коснулась ее лобка своими напухшими губками, поцеловала его, а после опустила чуть ниже. Я наблюдал за тем, как Геральдина стонет, прикусывая нижнюю губу от наслаждения. Мне казалось, будто это я заставляю ее стонать. Мои руки были сжаты в кулаки. Я хотел заставлять ее стонать, играть с ее телом, издеваться над ней.

То были лишь минуты прелюдии. Чуть позже я почувствовал, как вошел в нее, и приятным теплом окутало мой член. Я чувствовал запах ее тела, покрытого мурашками, сильного и твердого, как металл. Я брал ее всю. Приручал, как приручает всадник строптивую лошадь перед тем, как отправиться в далекий путь. Я хватал ее за волосы и тянул на себя, но она начинала сопротивляться мне. Я был сильнее.

Мокрой была белая простыня. Тела, покрытые потом, блестели в полутьме. Мой разум метался из стороны в сторону. Только что я был на полу и наблюдал, как спустя секунду уже был внутри Геральдины. Неужели я настолько хорошо чувствовал Дину, что смог на какое-то мгновение оказаться в ее голове? Мгновение это не длилось долго, но я точно помню то чувство, которое не отпускало меня на протяжении всего этого мгновения. Я наслаждался своей властью над той, которая когда-то старалась взять власть надо мной. Пришло время расставить все по местам.

Энергия бурным потоком старалась вырваться из меня. Энергия жизни, несущейся к заветной цели. Меня трясло от напряжения. Геральдина стонала. Она была мокрой и буквально задыхалась от чувств, находясь подо мной. Ее ногти впивались в мои бока, но я будто бы ничего не чувствовал. Я онемел. Раствором новокаина стала моя кровь.

Кончив Геральдине на лицо и высунутый язык, я погладил ее волосы и присел на край кровати. На моем лбу застыли капли пота, и Дина, обняв меня сзади, стерла их ладонью, после чего я просвистел с удовлетворением. Меня снова тянуло вниз, на пол. Там было прохладно, но твердо. Я разлегся и, как оказалось, уснул на какое-то время.

Проснулся я тогда, когда Геральдина, стоя перед зеркалом, надевала на себя одежду. В ней она выглядела совершенно иначе. Былые образы снова возвращались на свои места.

— Где Дина? — спросил я, приглаживая растрепавшиеся волосы.

Геральдина, оторвав взгляд от зеркала, удивленно посмотрела на меня. К тому времени она уже успела умыть лицо, нанести помаду на губы и подкрасить глаза. Снова надела броню, подумал я. Она ничего не ответила, лишь ехидно ухмыльнулась.

— Ну и тварь же ты... — кинула она мне напоследок несколько слов и скрылась за дверью.

Я огляделся по сторонам. Где я нахожусь? Как попал сюда? Память отказывала мне, и это не сулило ничем хорошим. Ведь кем является человек без памяти? По сути, лишь оболочкой, пустым сосудом. Память делает нас теми, кем мы являемся на самом деле. Но был ли я тем, кем себя мнил, и помнил ли все то, о чем так старательно пытался забыть?

Дверь, ведущая в комнату, в которую я зарекался больше не входить никогда. Что было за ней?

Два парня, что целовались на углу около музыкального магазина, куда-то пропали. На их месте теперь стоял огромных размеров мужик лет пятидесяти в кожаной куртке и джинсах, с волосами по пояс и внушительными серьгами в ушах. Видом своим он напомнил мне о старом добром роке, который уже давно канул в лету, уступив пальму первенства атмосферной, строго выверенной музыке с явно коммерческой направленностью. Старый рокер проводил меня недобрим взглядом, и я не стал выяснять с ним отношения. У меня и без того было слишком много возможностей умереть.

Я шел по улице с бутылкой виски в руке. Отхлебнув немного, я сморщился и запрокинул голову. Перед моими глазами возникло небо, окутанное пеленой, подсвеченной сотнями тысяч огней большого города. Дурман накрывал меня, накрывал город. Мне не хотелось трезветь. Ставки были слишком высоки. Я должен был оставаться пьян, чтобы ничего не узнать. Только так я чувствовал, что реальность все еще окружает меня.

Реальными были дома, и люди, которые смотрели на меня и сторонились меня, нетрезвого, шатающегося из стороны в сторону вольного бродягу в дорогом пальто и с бутылкой дорогого виски в руках. Я нравился себе в таком состоянии намного больше, чем когда был трезв и смотрел на себя в зеркало в уборной офиса.

Я говорил людям с хмурыми выражениями лиц о том, что сочувствую им, что мне их жаль. Не знаю, понимали ли они, о чем я говорю, или нет. Да это и не особо важно. Важно лишь то, как я сам относился к ним. Не нужно быть альтруистом, чтобы заподозрить внутри себя эгоиста. Просто оставьте глупый треп о сострадании. Не в этом дело.

В конце концов, я остался один на улице, которая вела меня к моему дому. Нередко я прикладывался плечом к стенам домов, мимо которых проходил, и отдыхал, опуская голову и закрывая глаза. Я мог бы словить такси и спокойно уснуть по пути домой, но что-то заставляло меня идти дальше. Быть может, то была погода, которая в тот вечер радовала жителей города безветренным теплом, напоминавшим о том, что лето не за горами. Быть может, сама судьба заставляла мои ноги топтать асфальт. Как бы там ни было, я снова встретил бегуна.

Его лицо, как и прежде, являлось точной копией моего лица. Он бежал мне навстречу, но даже не взглянул на меня, занимавшего, казалось, всю ширину пешеходной дорожки, проходящей между домов. В его ушах были наушники, так что мои нетрезвые крики он снова не слышал.

Я рванул за ним. Я падал. Бутылка разбилась в моих руках, оттого рукава пальто оказались залиты виски. Я порезался, и кровь стекала по моим пальцам на асфальт. Плохо помню момент, когда мое лицо жестко коснулось земли. Я не умел падать правильно. На приобретение этого навыка мне нужно было потратить не один и не два дня.

Бегун держал темп. Он был вынослив, потому что тренировался каждый день. Он пробегал километр за километром, не придавая этому никакого значения. Подсчету километров он предпочитал взгляд вперед, беспристрастный и свежий, каким он бывает только у целеустремленных, не раздавленных алкоголем и химией людей.

Бегун знал, куда бежит. Его острые скулы покрывала испарина, под спортивной курткой намокал тренированный торс. Он знал, что все, окружающее его, совершенно неважно. Я мог лишь завидовать ему, потому что сам я, как бы ни старался отрицать свое непосредственное

участие в создании окружающего мира, всегда и везде переживал по поводу того, как этот самый мир примет меня, и что он подумает обо мне.

Бегун не оглядывался назад. Делал он это не потому, что боялся чего-то. Просто ему не было интересно смотреть назад. Его цели не подразумевали этого.

— Что у тебя за цели в жизни? Ответь мне... — слышал я знакомый голос. Он раздавался из динамиков телевизора, который стоял прямо передо мной, на пешеходной дорожке. Обыкновенный телевизор, коих много во множестве квартир огромного множества домов города.

— Что у тебя за цели? — повторял мне голос. Я не видел лица говорившего. Только полосы на экране.

— Кто ты такой? И что ты тут делаешь? — продолжал задавать вопросы голос. Я не знал ответа ни на один из них.

Домой я добрался только ближе к утру. Было около пяти часов, и думалось, что блики солнечного света уже подкрадываются к горизонту с той, невидимой стороны. Хотелось надеяться, что новый день будет солнечным.

Хмель все еще владел мною, но хватка его слабела. Он устал от меня и от моих мыслей, которые только и носились по кругу, не находя себе места. Ощущалась боль в области шеи. Падения не проходят бесследно.

Зайдя на кухню, я, к своему счастью, не застал там Макса. Говорить с кем бы то ни было мне не хотелось. Только выпить апельсинового сока, стянуть с себя вещи и повалиться спать на диван в гостиной. Только и всего.

Встав перед холодильником, я протянул руку вперед и замер. Что-то изменилось. Поначалу я даже и не понял, что именно. Глаза забегали из угла в угол. Взгляд упал на фотографию, прижатую к дверце холодильника небольшим магнитиком с изображением спящего котенка. Я взял фотографию в руки и стал разглядывать ее.

Белая фата невесты, черный классический костюм жениха. Улыбки на лицах. Ее рука в его руке. На фотографии, сделанной с помощью Полароида, были изображены жених и невеста. Я знал их. Это были я и Лиля.

Что-то щелкнуло во мне в ту секунду. Как будто открылся дверной замок. Дверь комнаты, в которую я зарекся больше не входить никогда. Что было за ней? Почему я забыл о существовании этой комнаты в квартире, в которой жил уже много лет?

Я смотрел в глубину комнаты через проем, образованный чуть приоткрытой дверью. Тяжелый запах застоявшегося воздуха пробивал мне нос, избавляя от хмеля. Ту комнату уже давно никто не проветривал.

Я смотрел в глубину комнаты и видел краешек детской кроватки. Красивые узоры, приятного вида постельное белье. На полу игрушки — плюшевый медведь и кукла с голубыми волосами. Те вещи были мне знакомы...

Мне хотелось выпить апельсинового сока, стянуть с себя вещи и повалиться спать на диван в гостиной. Захлопнув дверь, я вернулся на кухню, кинул на стол фотографию, открыл холодильник и достал пачку сока. Прохладой влился он в мое тело. После я снял с себя рубашку и кинул ее на пол в прихожей. Штаны стянул уже около дивана. Тело гудело, ныло, стонало. Потеряв равновесие, я упал на диван лицом вниз и мгновенно уснул.

Так закончился еще один день.

Часть вторая

***

Свет солнца разбудил меня. Он заливал собой гостиную, открывая взору пылинки, витающие в воздухе. Прекрасная тишина окутывала пространство вокруг меня, как будто эта гостиная находилась вовсе не в сердце большого города, а в самом далеком и неизведанном уголке мира.

Оторвав лицо от подушки, я с большим трудом поднялся, потер глаза и схватился за голову. Похмелье разрывало меня на части. Трубы моего тела гудели от сильного давления, кипятки тонкими струйками сочились из трещин. Мне стало жарко, оттого я открыл окно и впустил в гостиную звуки города. Так я оказался в совершенно другом, столь знакомом мне мире. То был мой родной хаос.

Я стоял перед унитазом, склонив голову. Закрывая глаза, я переставал ощущать присутствие земли под ногами. Меня уносило вверх. Или, быть может, вниз. Сполоснув в ванной комнате лицо, я немного пришел в себя. Мне нужно было прополоскать горло чем-нибудь, и я пошел на кухню.

Лиля стояла около плиты. Она готовила тосты. Запах масла и жареного хлеба распространялся по воздуху, но я не мог вдохнуть его, стоя около входа. Я как будто забыл, как дышать. Я забыл, как моргать. Я смотрел на Лилю безотрывно.

— Привет, — сказала она мне тихим голосом. Взгляд ее пробежался по моему лицу и снова устремился на сковородку.

А я и забыл, как красивы ее глаза в этом мире яви. Сны искажали все, включая самые мелкие, но столь важные детали. Глаза. Когда-то я умел читать то, что было написано в них, но со временем разучился это делать. Слишком много смотрел по сторонам, наверное.

В свете дня ее локоны отдавали золотом, казались еще ярче. Тонкая кожа была бархатной на ощупь, но я мог только догадываться об этом. Я забыл все, что считал когда-то самым важным.

— Привет — эхом откликнулся я.

— Будешь тосты? Я сварю кофе, — говорила мне Лилия так, будто не было той пропасти, что разделяла нас раньше.

— Да, конечно...

Я залез в холодильник и достал пачку апельсинового сока. Я выпил все без остатка, потрянул головой. Лилия все так же стояла около плиты и готовила тосты. Ничего не менялось. Я мог протянуть руку и коснуться ее лица своими пальцами. Что это было? Наваждение? Или же просто реальный мир стал возвращаться ко мне?

— Ты сегодня не работаешь? — спросила меня Лилия.

Я взглянул на экран смартфона и понял, что очень сильно опаздываю на работу. На часах было без пяти одиннадцать. Десяток пропущенных вызовов от Геральдины. О, нет, — подумал я. Не хватало еще, чтобы она подумала, что я пользуюсь своим положением.

Вчерашний день казался мне сном. Капустин, Дина, Геральдина, этот чертов бегун, фотография... Все расплывалось.

— Ты меня слышишь? — окликнула меня Лилия. — Ты сегодня на работу не собираешься? С тобой все в порядке?

Я глупо улыбнулся своей жене.

— Да, конечно. Собираюсь, да. Просто перебрал вчера немного.

— Судя по запаху, очень даже не немного, — она сдержанно улыбнулась мне. — Садись за стол, я накрою.

Послушавшись, я сел за стол и сложил руки в замок. Я смотрел на Лилю, потом на руки. Взгляд снова падал на ее золотистые локоны. Пылинки витали в воздухе. Шумел город за окном.

— Где ты... пропадала все это время? — спросил я ее, когда она, накрыв стол, села напротив меня.

— В каком смысле?

Лиля казалась слегка озадаченной. Сдержанная улыбочка по-прежнему держалась на ее губах.

— Когда мы виделись с тобой в последний раз?

— Знаешь, мне кажется, тебе нужно выпить немного кофе, — она указала рукой на кружку, что стояла прямо передо мной. — Может быть, отпросишься сегодня с работы? Вид у тебя нездоровый...

Я промолчал. Кофе оказалось горячим. Оно обожгло мои губы.

— Слушай... это должен говорить мне ты, но я, пожалуй, возьму на себя эту роль, — Лиля говорила медленно, вкрадчиво. — Не нужно. Слышишь, не нужно. Мы оба хотели забыть об этом. Давай делать так, как делали раньше. Я слишком много слез выплакала, чтобы возвращаться туда снова.

— Ты... настоящая.

— Да, и ты настоящий. А то прошлое... оно уже далеко.

Фотография на холодильнике. Белая фата невесты, черный классический костюм жениха. Я долго смотрел на ту фотографию, силясь вспомнить, кем и когда она была сделана.

Я машинально взял руку Лили в свою и посмотрел ей прямо в глаза. Я хотел задать ей столько вопросов, что, пожалуй, нам не хватило бы и дня, чтобы разобраться во всем. Но я испугался.

— Мне нужно бежать, — сказал я уже на ходу. Ее рука упала на стол.

Покинув кухню, я рванул к выходу. Накинув пальто, я открыл дверь и выбежал в подъезд. Лифт, как мне казалось, ехал слишком медленно. Голова кружилась так сильно, что, как только я выбежал на парковку, меня вырвало. Стало невыносимо больно. Я оперся рукой о холодную стену, чтобы не упасть. Закинул в рот таблетку. Проглотил ее.

Я мог подумать, что это так сказывается на мне похмелье. Результат смешения алкоголя и химии. Так, вероятно, подумала и Лиля. Я мог снова лгать себе о том, что происходит на самом деле, но тайна, скрытая глубоко в моей голове, заваленная обломками воспоминаний, светилась ярким светом. Я, пораженный этим сказочным свечением, хотел разгрести завалы, стирая руки в кровь.

Движение в центре города было затруднено. Простаивая в пробках часами, люди перестали замечать, как мимо пробегают дни и недели. Полтора часа в одну сторону, полтора — в другую. Три или четыре часа в день, около пятнадцати-двадцати в неделю. Битые сутки, потраченные на... даже не знаю, как и выразиться. На движение? На простой? На нервное блуждание взгляда по лицам людей, которым тоже суждено было вместе с тобой

попасть в пробку?

Забавно, но лица людей, сидящих в соседних машинах, сливаются в одно общее лицо, лишенное ярко выделяющихся черт. Просто лицо, хмурое и радостное одновременно. Прекрасное и отвратительное. Асимметрию, доведенную до идеального вида, с определенной долей уверенности можно окрестить симметрией. Так уж получается, что все, от чего мы бежим, что пытаемся вывернуть наизнанку, в итоге перерождается и возвращается к нам в новом облики.

Думая обо всем этом, я стучал по стеклу костяшками пальцем и смотрел на номера впереди стоящей машины. Конец пробки терялся из вида, и надежды на то, что вскоре можно будет вдавить педаль газа как положено, не оставалось совсем. По крайней мере, я заставил себя не думать о Лиле.

Несмотря на то, что на улице все еще властвовала ранняя весна, в салоне моего седана становилось душно. Не спасали даже приоткрытые окна. Похмелье хватало меня за жабры, душило, но понемногу отступало, так что я мог немного отвлечься от своего состояния и смотреть на лица людей.

Среди них были лица знакомые. Для некоторых это прозвучит странно, но во многомиллионном мегаполисе у вас есть все шансы случайно встретиться с приятелем (или неприятелем) на улице, которая никоим образом вас не связывает. На ней нет офисов, в которых вы работаете, нет ресторанов, в которых вы любите просиживать свое время в компании жены (мужа) или любовницы (любовника). Просто так случается.

Мимо меня на небольшой скорости проехал в своем длиннющем универсале мой университетский приятель, с которым мы не общались уже добрый десяток лет. Я хотел было махнуть ему, но он унесся прочь со своими заботами и желаниями. Спустя пятнадцать минут я увидел сидящей на пассажирском сидении одного из внедорожников бизнес класса старую знакомую, с которой я флиртовал еще до встречи с Лилей. Она не узнала меня, и этому я был по-своему рад.

Все эти люди были в моей жизни когда-то. Теперь от них остались лишь воспоминания да старые аккаунты в социальных сетях. Список друзей с каждым годом пополнялся все новыми и новыми именами полузабытых мною и когда-то интересных мне людей. Не хотел бы и я сам попасть в этот список.

Увидев, что светофор снова загорелся красным, я закрыл глаза и потер пальцами виски, дабы хоть как-то снять напряжение. Открыв глаза, я заметил, что по правую сторону от меня остановился седан небесного цвета. Абсолютно такой же, как и у меня. Повернув голову, я посмотрел на лицо водителя и от испуга широко открыл рот.

Одетый в черный классический костюм, за рулем сидел похожий на меня как две капли воды мужчина. Он подпевал музыке, доносящейся из динамиков. Я сразу же узнал эту песню. «Maybe Tomorrow» британской группы Stereophonics. Песня, которая звучала на нашей с Лилей свадьбе. От подступившего напряжения у меня зарябило в глазах.

Я хотел было выйти из машины и преградить дорогу своему двойнику, да вот только светофор в самый неподходящий момент загорелся зеленым, и поток машин тронулся. Мне стали сигналить, и я хлопнул дверью, включил передачу и двинулся вперед. Машина двойника была на три корпуса впереди моей. Расстояние между нами неумолимо увеличивалось.

В конечном итоге двойник уехал далеко вперед и растворился в бесконечном потоке машин. Я же был в той полосе, по которой машины передвигались медленнее всего из-за

дорожно-транспортного происшествия. Мне казалось, что все это неспроста. Мне казалось, что случайности остаются случайностями только тогда, когда не пытаешься углубиться в изучение деталей. Эта мысль захватила меня.

Остановив свой седан прямо перед машинами участников ДТП, я заглушил двигатель и включил аварийный сигнал. Покинув машину, я направился напрямик к двум мужчинам, которые решали свои страховые вопросы в неожиданно спокойной беседе. Завидев меня, они выдержали паузу.

— Неужели он все это спланировал? — с ходу спросил я.

— Кто? — ответил вопросом на вопрос один из участников, что показался мне постарше. Его волосы отливали сединой, а глаза были выразительны.

Второй участник, что был моложе и свирепее видом своим, пристально посмотрел на меня, будто бы оценивая заранее шансы на победу в случае потасовки.

— Мой двойник, — кинул я. — Только не надо говорить, что вы не знаете, кого я имею в виду!

— По правде говоря, с трудом понимаю, о чем выговорите, — ответил тот, что постарше. Он посмотрел на второго участника. — А вы понимаете?

Тот лишь пожал плечами, не сводя с меня взгляда. Я почувствовал себя полнейшим дураком, но останавливаться на половине пути не желал.

— Так. Давайте не ломать здесь комедию. Он сидел в машине, абсолютно такой же, как и у меня, — я ткнул в сторону седана. — На нем был такой же костюм, как и на мне в день свадьбы с Лилей! И еще. Он напевал песню... да это и неважно! Что он хотел этим сказать, черт возьми?!

Оба участника лишь смотрели на меня с явным непониманием. Оттого и злоба во мне закипала еще больше.

— Да, я понял... конечно... Лиля?! Может быть, это она решила проучить меня? Пошутить, да?! Так вот: шутка явно неудачная! Твою мать...

Я со всего маху врезал ногой по отбойнику, что разделял встречные полосы. Движение мое, видимо, со стороны выглядело забавным, потому что старший участник еле сдержал улыбку. Второй лишь нахмурил брови.

— Вы не в себе, — сказал он грубым голосом. — Садитесь в свою машину и езжайте прочь, пока не началось что-то нехорошее...

— Да? Что ж это получается у нас? И бить меня тоже будете взаправду?! — разразился я истерикой. — Ну, давай, чего же ты стоишь? Бей меня, если это часть спектакля! Да все это чертовски нереально и глупо! Все подстроено — это видно с первого взгляда. И ваша авария... Да я даже царапин не вижу! Поставили две машины рядом и думаете, что обманули меня? Ну, уж нет! Бей меня!

Я пошел напрямик на того мужчину, что был помладше. Помню, как он сжал кулаки, готовясь ответить мне. В тот момент я почти потерял контроль над самим собой. Да вот только вид полицейского, появившегося будто из неоткуда, заставил меня вернуться обратно.

— Старший лейтенант Стругацкий, здравия желаю. Что здесь происходит? — представился он и задал вопрос спокойным, но твердым голосом. — Кто из вас владельцы этих автомобилей?

— Мы оба, — сказал старший мужчина, указывая пальцем на себя и на того, что был помладше. — А этот человек... даже не знаю. Просто подошел и стал кричать.

— Что вам здесь нужно? — спросил, взглянув на меня, полицейский.

— Я подумал было, что это все подстроено, — ответил я и попятился назад. — Черт возьми...

— Попрошу ваши документы.

Мои глаза забегали, как у мелкого воришки, пойманного с поличным. Первой моей реакцией стало желание убежать, но я чудом заставил себя остановиться. Дрожащей рукой я полез в карман пальто, но, к своему удивлению, не нашел там свои документы. Проверил другие карманы, но все мои попытки потерпели крах. Документы пропали.

— Я... похоже, я потерял их вчера вечером. Я возвращался домой, а по дороге... черт, как же так?

— Попрошу вас пройти со мной для выяснения обстоятельств, — твердым голосом сказал мне полицейский, делая уверенные шаги в мою сторону.

— Вы не понимаете. Я спешу на работу. У меня важная работа. Я работаю в компании... ну, вы знаете... мы предлагаем людям эмоции и чувства.

— Попрошу вас, — повторил полицейский. Рука его потянулась к кобуре. Я застыл. — Без лишних глупостей. Ладно?

Теперь я точно понимал, что все, что произошло — лишь случайность, которую я попытался проверить на наличие неопределенных моментов. И сделал это зря. От меня разило алкоголем за версту, и полицейский не мог не заметить это.

— Да вы пьяны, — сказал он, не меняя интонации, когда мы сидели в патрульной машине. — А за руль садиться пьяным нехорошо... нехорошо...

— Я пил вчера вечером. Просто это похмелье. Я в состоянии управлять машиной.

— А ваши документы? Без них тоже управлять можно?

Все складывалось против меня. Выдохнув, я откинулся назад. Пути назад не было. Только вперед, понимая, что может стать еще хуже.

— Сколько? — спросил я.

— Сколько чего?

— Сколько стоит услуга «Отпустите меня домой»?

Полицейский широко улыбнулся мне, и на какое-то мгновение показалось, что он заинтересовался моим предложением. Я крепко сжал кулак, предвкушая, что вскоре он назовет точную сумму и я, открестившись от беды, смогу пойти спокойным шагом к своей машине и уехать прочь.

— Взятка, значит... Что ж, будет, о чем поговорить в отделении.

Тут-то я и понял, что, поставив на черное, проиграл все. Протокол был составлен, моя машина эвакуирована на ближайшую штрафную стоянку, ну а я сам, не веря в собственное невезение, на заднем сидении патрульной машины отправился в отделение полиции.

Телефон разрывался от звонков. Могу представить себе гнев Геральдины, когда я в двадцатый раз не взял трубку. Что могла она подумать в тот момент? Явно не то, что меня кинули за решетку на сорок восемь часов до выяснения обстоятельств.

Мимо моих глаз проносились улицы и улочки. Зазывали яркие рекламы, блистали белоснежные улыбки актеров. Солнце отражалось в окнах домов. Близкими наполнялся прекрасный мир. День был в разгаре, а вот я выпал из него. Будто прыгнул на подножку отъезжающего от остановки автобуса и нелепо поскользнулся. Повалился назад, больно ударился спиной об асфальт дороги. Остался лежать в одиночестве и думать о том, как же все так могло получиться.

***

Отсидеть за решеткой положенные двое суток мне не довелось, чему я был несказанно рад. Вдыхать запах мочи и пота, который исходил от бродяги, проводящего свой досуг со мной в одной камере, не представляло для меня никакого удовольствия. Время неумолимо бежало вперед, и в тревожные минуты мне казалось, что обо мне забыли все и вся.

Но прежде чем покинуть чужие стены, мне пришлось отсидеть в них порядка четырех часов. Все это время я думал о внезапном возвращении Лили, о своем двойнике, о бегуне, о фотографиях. Я пытался сложить воедино кусочки этой безумной головоломки, но у меня ничего не получалось. Усталость брала свое.

Сидя на железной скамье, я закрыл глаза и погрузился в тягучий, тяжелый сон. Он сковал мои веки. Даже тогда, когда сознание вернулось ко мне, я не сумел открыть свои глаза. Будто дурман наркотиков опьянил меня, забрал к себе в царство вечных сновидений.

Тропинка скользила меж огромных стволов многовековых деревьев. Их пышные кроны не пропускали свет солнца, оттого в глубине леса было довольно темно. Ветер шумел листвой, хрустел слабыми ветками сильных деревьев. То был величественный северный лес, хранящий в себе память планеты, ее эмоции и чувства.

Я шел по тропинке, сжимая в руках свое верное и, в то же время, неисправное оружие. Долгими часами я пытался найти выход из леса, но тропинка, казалось, была бесконечной. Виды повторялись, и я постепенно приходил к мысли, что блуждаю по кругу. Тревожное чувство охватывало меня снова и снова.

Внутри меня зародилась уверенность в том, что Лиля заточена в самой высокой башне темного замка, находящегося за краем этого бесконечного леса, окруженного глубоким ровом. Там, в пустой комнате, она была одна, а под дверью стояла стража. Дети в доспехах. Но почему дети? — задавался я вопросом снова и снова.

Впереди меня пробежал олень. Его рога показались мне слишком большими, и поначалу я не поверил своим глазам. Он бежал своим путем, и я почему-то решил последовать за ним. Сойдя с тропинки, я рванул вперед, еле успевая уклоняться от назойливых веток, бьющих меня по лицу. Я бежал за ним так, как люди бегут за счастьем всю свою жизнь. Да только вот не поспевал я...

И вот, потеряв из вида оленя, я остановился. Внезапно кончился лес, и перед моим взором предстал темный замок с башнями, достающими вершинами своими до самих небес. Чарующий вид его заставил меня упасть на колени. Я долго смотрел на замок, изучая все, даже самые мельчайшие, детали. Я думал над тем, как преодолеть глубокий ров. В тот момент ко мне со спины подкрался озлобленный ребенок в доспехах. Маленькая девочка, сжимающая в руках милый, но безумно острый меч...

Я проснулся в холодном поту. Реальный мир возвращался ко мне слишком медленно. Я будто бы видел, как наливаются грязным цветом стены, как прорисовываются мельчайшие детали окружения. Мир загружался. Как в компьютерной игре.

Увы, я всегда искал ответы там, где многие из моего окружения пытались эти ответы бережно хранить. Отвечая честно, я думал лишь о том, как выгодно будет звучать моя «правда» в той или иной ситуации. Зачастую это приводит лишь к тому, что человек забывает, что он чувствует на самом деле.

А что чувствовал я, когда отвечал на вопросы высокого мужчины в клетчатом пиджаке?

Мы стояли в коридоре, слабо освещенном люминесцентными лампами. Поправляя свои очки, очень выгодно смотрящиеся на выделяющемся носу, он проговаривал каждое слово, будто бы давая мне установку в эти его слова вслушиваться. Я скользил по ним, пытаюсь не ощущать всего того смысла, который они несли в себе. Но слова собирались в предложения, и тут я уже становился бессилен.

— Вы понимаете, что это очень серьезно? — спрашивал он меня, и глаза его наливались слезами. Быть может, мне просто так казалось.

— Конечно, — отвечал я с присущей самому себе честностью. — Я продолжаю принимать те таблетки, что вы мне выписали...

— Но дело в том, с какой периодичностью вы их принимаете! И с чем смешиваете, — он приложил ладонь к губам. — Знаете, тот полицейский, — он указал пальцем в сторону от себя. — Он сказал мне, что вы были в неадекватном состоянии... и были пьяны. Послушайте, это серьезно...

— И вы слушаете этих людей? — я возмутился. — Да они же могут любого к стенке прижать. Да, я пил вчера, но не более чем для того, чтобы просто расслабиться. Я знаю свою меру.

— Рад это слышать. Искренне рад. Но вы не посещаете сеансы уже без малого месяц. Мы можем обсудить это...

— Не стоит, доктор. Просто я стал чувствовать себя много лучше.

А после я наблюдал за тем, как мужчина в клетчатом пиджаке, очень вежливый по натуре человек, с неприсущей ему грубостью общался с одним из полицейских. Тем самым, что встретился мне на дороге. Я слышал обрывки фраз, произносимые уже на повышенных тонах. Мне думалось, что и сам доктор окажется за решеткой с таким вот подходом к делу.

Он ткнул пальцем в бумагу, которую вытащил из внутреннего кармана пиджака. Поправив очки, он пристально посмотрел на полицейского, после чего повернул голову и устремил свой взгляд на меня, стоящего, как потерявшийся ребенок, на другой стороне коридора.

— И эти люди считают, что служат порядочным гражданам, — с негодованием произнес доктор, когда приблизился ко мне. — Как вы себя чувствуете?

— Лучше, чем с утра, — улыбнувшись, ответил я. — Ну так что? Я свободен?

— Остались некоторые формальности. Ну а ваш автомобиль вам придется забирать самостоятельно. Могу подбросить.

— Это было бы очень кстати.

Мы шли по коридору. Из открытых дверей вырывался шум голосов, сливавшихся в единую речь, столь неясную мне. Нежно гудел кондиционер. Несмотря на прохладную погоду, в отделении было достаточно жарко, чтобы сойти с ума, просидев не один час в окружении угнетающих стен и не менее угнетающих людей.

Закончив марафет бумагу в кабинете одного из начальников(который показался мне весьма милостивым человеком), мы с доктором направились к выходу из отделения. Его автомобиль был припаркован неподалеку. Вытянутый универсал не первой свежести. Старомодный дизайн, чуть угловатый. Кожаные сидения, впитавшие в себя пот тел всех тех, кто когда-то сидел на них и изнемогал от жары. И еще запах, который приобретает салон автомобиля с годами. Он столь же индивидуален, как и запах человека.

Мне всегда казалось, что душа автомобиля прячется не под капотом, но в обивках сидений, за стрелкой спидометра. В бардачке, в котором у одних владельцев хранится все

самое необходимое, а у других — самый разный хлам. Я провел пальцем по обивке сидения и ощутил приятное покалывание в области шейного отдела позвоночника. Меня пробила дрожь.

— Вы не замечали никаких странностей в последнее время? — спросил меня доктор, выворачивая руль. — Необычные ощущения, например...

— Да нет, пожалуй, — качнув головой, ответил я. Доктору не стоило знать о том, что происходит в моей жизни. Это я решил сам.

Он ехал довольно медленно, не желая обгонять другие автомобили. Движения его рук казались мне чересчур гармоничными, и я зачарованно наблюдал, как он переключает передачи и выкручивает руль то вправо, то влево. Оттого мы почти не разговаривали, хоть доктор и старался завести уже давно заглохший двигатель беседы. А мне хотелось просто смотреть на его руки и чувствовать наслаждение, покалываниями распространяющееся по моему телу.

— Приехали, — сказал он, припарковав свой универсал вдоль дороги.

Рядом располагалось одно-единственное здание, размером своим не превышающее размеры деревенского сарая. Позади здания располагалась парковка, где несчетное количество автомобилей дожидалось, подобно преданным домашним животным, своих хозяев. Некоторым из них суждено было простоять на этой парковке долгое время. Некоторым не суждено было увидеть своих хозяев уже никогда.

— Это, возможно, не мое дело, но... постарайтесь не попадать в подобные передрыги, — доктор говорил наставническим голосом. Совсем иначе голос его звучал на сеансах, которые я уже давно не посещал. Что-то изменилось в нем с момента нашей последней встречи. Быть может, что-то изменилось во мне. — Я не всегда смогу быть поблизости. Но я постараюсь выручить вас. Просто поймите, что я вам не посторонний человек.

— Спасибо, — сказал я. Мы пожали руки, после чего я покинул машину и направился в сторону парковки.

Я знал, что мы еще увидимся с доктором. Будет момент, когда я приползу к нему на коленях, ожидая помощи, которую до того момента всегда получал. Мне понадобится доза этой помощи. Ведь наркоману во время ломки так нужна новая доза.

На работу я добрался лишь в шесть часов вечера. К тому времени большая часть наших клиентов, под завязку заряженных самыми разными эмоциями, уже покинула свои комнаты и поспешила окунуться в реальный мир, не слишком приветливый, но все же реальный. Я же, наоборот, возвращался обратно, в мир иллюзий, которые так хорошо умел продавать.

Я столкнулся с Геральдиной около дверей своего кабинета. Она направлялась куда-то по своим делам, но, увидев меня, остановилась. Немым молчанием был охвачен тот момент.

— Где ты был? — спросила она, поправляя свой пиджак.

— Я... так получилось, что я попал в передрыгу, — начал оправдываться я. — По дороге на работу на меня напали... да. Этот человек поцарапал мою машину, а после напал на меня. Пришлось ехать в полицию. А там разбирательства заняли не один час.

— Но почему ты не удосужился ответить ни на один из моих звонков?

— Разбился экран. Я держал телефон в руках, когда этот сумасшедший пошел на меня. Он нес какой-то бред...

— Вот черт! — выругалась Геральдина. Это прозвучало как-то по-мужски агрессивно. Я

кивнул в знак согласия, хотя мне, на самом деле, было все равно. Единственным моим желанием было скорейшее возвращение домой. Я чувствовал себя неважно.

И все же, я старался быть вежливым.

— Не хочешь зайти? — спросил я, указав пальцем на дверь своего кабинета.

Ничего не ответив, Геральдина коснулась пальцами дверной ручки и сама открыла дверь. Я улыбнулся, но она по-прежнему смотрела на меня с некоторой долей агрессии. Пропустив свою начальницу вперед, я вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

В тот же момент Геральдина прильнула ко мне и коснулась моих губ своими губами. Поцелуй получился долгим. Мне казалось, что я погружаюсь вглубь нее, касаюсь ее плоти, ухожу ниже, к гортани. Проскользнув через трахею, я попадаю в ее легкие, которые сжимаются и разжимаются. Там, внутри нее, тепло и чуть влажно. Я чувствую, как бьется ее сердце, вижу легочную артерию. Мне хочется разорвать ее, хочется попробовать ее кровь на вкус.

Но она чуть отстраняется от меня и смотрит в мои глаза. Я не мог знать, о чем она думает.

— Я думала, все это из-за прошлой ночи...

Мне казалось, что все, что случилось прошлой ночью, было моим вымыслом. Тревожным сном, воспроизводимым воспаленным мозгом. Но вот стоит передо мной Геральдина, не более реальная, чем все остальные люди, и я начинаю сомневаться. Что же случилось вчера?

— А Дина где? — спросил я, не придумав ничего другого.

Геральдина ухмыльнулась. Выражение ее лица менялось, и меня это заводило. Грубость, отпечатанная на ее лице, возбуждала во мне чувства, близкие к желанию гомосексуалиста оказаться в объятиях своего партнера.

Она приставила палец к моему виску. Изобразила рукой пистолет. Нажала на спусковой крючок. Мои выдуманные мозги забрызгали стену напротив, а я, выдуманный, нереальный, бездыханно упал на пол. Я не понял, что случилось. Так я умирал каждую новую долю секунды. Каждое мгновение, на которое можно разбить течение жизни.

— Ты сумасшедший, — сказала она, после чего убрала палец от моего виска и снова поцеловала меня. Я схватил ее за талию и повел медленными шагами к столу, на котором чуть позже взял ее.

Она стонала, и я закрывал ей рот. Понимание того, что дверь в кабинет не закрыта, возбуждало меня еще больше. Я представлял, как кто-то из моих коллег входит без стука и видит, как я жестко имею своего руководителя в самых необычных позах. Мысль об этом заставляла меня внутри себя буйствовать, рваться наружу. Спазмы души доводили меня до онемения. Я не чувствовал себя.

Кончив, я отошел в сторону и, застегивая рубашку, стал рассматривать сперму на животе Геральдины. Мне нравился узор. Мне нравилось, как этот узор медленно растекается по ее коже. Мне хотелось, чтобы сперма впиталась в ее тело, стала ее частью, но она, взяв в руки сразу несколько салфеток, стерла все без остатка.

— Ты сумасшедший, — повторила она.

Поправив свою одежду, она направилась к двери. Оставив мне острый взгляд, она скрылась в переплетении коридоров. Я остался в своем кабинете один.

Я остался наедине с самим собой.

***

Иван Капустин наслаждался своей смертью. Ему нравилось наблюдать за тем, как акула поедает части его тела: ноги, оторванные от туловища; руки; половой член, похожий после удара акулы на пережаренную сосиску. И все же, он не чувствовал той боли, которую чувствует человек, угодивший в пасть реальной акулы. Рано или поздно мысль об этом должна была прийти ему в голову.

А пока он записывался к нам чуть ли не каждый день. Я сорвал реальный куш. Теперь продажи буквально выполнялись сами по себе, ну а мне только оставалось гадать над двумя вещами: откуда у такого обыкновенного человека такие необыкновенные деньги, и что находится в его неизменном черном портфеле.

— Вы открыли для меня новую жизнь. Новую форму жизни, — признавался мне Иван Капустин после очередного сеанса. — Спасибо вам за это. Вы открыли для меня смерть.

— Ну, что ж, это моя работа, — говорил я, приятно улыбаясь.

Напоминал ли он мне меня самого? Вряд ли. Хотя иногда, глядя на него, я замечал схожие с моими черты лица. Завидовал ли я ему? Пожалуй, иногда. Я хоть и считал его очень странным типом (думается мне, что не я один так считал), но все же был восхищен его рвением и хваткой как у акулы. Наблюдая за его непреодолимым желанием, воспроизводимым в небольшой комнате, я все больше и больше пропитывался его своеобразной философией. После такого смерть может показаться не более чем игрой, правила которой всегда для всех одинаковы. Как шахматы или, например, бильярд.

Стоя в лоджии ранним утром, я смотрел вниз, туда, где сотни людей копошились, не успевая сделать все запланированное, и думал, что упасть — это не так страшно, как кажется. Я не понимал, боюсь ли я высоты, или нет. Она вызывала у меня смешанные чувства. Но я точно знал, что высоты боится Макс. Потому в последнее время я стал приглашать его выпить по бокалу вина именно в лоджии, там, где высота располагалась совсем рядом. Мне нравилось создавать для него ситуации, в которых он чувствовал себя некомфортно, и наблюдать за его реакцией. Он поддавался мне, и я получал от этого удовольствие.

Лилия, как и прежде, спала мирным сном в постели. Макс ушел не так давно. Он оставил на ней свой запах, следы своих прикосновений. Моя жена снова была в его объятьях. Если раньше меня это не столь сильно тревожило, то после того, как я увидел ее глаза открытыми тем странным утром, я почувствовал, что из самого моего нутра начала подниматься темная, вязкая жидкость. Она обволакивала меня изнутри, и ожогами покрывались мои внутренности. Я крепко сжимал зубы, чтобы не закричать.

Я продолжал видеть Лилию в своих снах. За нами снова охотились дети в бронезилетах. Времена менялись, но я проигрывал снова и снова. Я пытался уловить тайный посыл, коим были пронизаны мои сны, но что-то, что я хорошо помнил, бесследно исчезло. Оно было вытолкнуто из меня с бешеной силой.

Стоя в лоджии ранним утром, я долго думал над тем, чтобы просто подойти к Лиле и разбудить ее. Коснуться ее плеча пальцами, почувствовать, наконец, бархат ее кожи. Кофе стыло в чашке, пока я решался. Видом своим оно напоминало ту самую жидкость, что поднималась внутри меня. Мне хотелось бить витрины дорогих магазинов, сжигать роскошные платья, разбивать престижные автомобили. Мне хотелось рушить что-то стоящее для кого-то. Чего я хотел? Не ощутить ли вкус смерти на своих губах?

Иван Капустин наслаждался своей смертью. Ну а мы с Диной, наблюдая за большой и опасной акулой, возбуждались сильнее обычного. Я отвел ее в служебное помещение в тот момент, когда никого не было рядом. То был секс на скорую руку, без прелюдий.

Она получила оргазм почти сразу же после того, как я вошел в нее. Последовала пощечина, от которой мне еще больше захотелось Дину. Тем временем акула уже всю кромсала несчастного Ивана Капустина.

Я кончил в тот самый момент, когда он сделал последний вздох. Представление окончилось. Пробравшись под блузку, я гладил руками чуть взмокшую спину Дины и представлял, что это не пот, а капли соленой воды Средиземного моря. Я представлял, что мы где-то на юге, далеко от всего того, что гложет нас в этом застывшем в вечном ожидании весны городе. Я покупал свои фантазии за гроши. Они были столь же доступны, сколь для обычного человека доступны спички в магазине, или хлеб.

Дина уходила от меня так же внезапно, как и возвращалась. Я не мог контролировать ее, сколько бы ни желал этого. Она была не моей, и я был не ее. Так почему же я ощущал одиночество каждый раз, когда она пропадала? Работа была заменена вечным поиском той, о которой никто никогда не говорил. Не говорила и Геральдина.

— Хватит!

Этим словом останавливала она меня каждый раз, когда я заводил речь о Дине. Что произошло между ними такого, отчего Геральдине стало так тяжело о ней говорить? Я не мог знать.

Геральдина стала меняться. Ее перепады настроения вызывали у меня лишь скомканное ощущение тревоги. В одну минуту она могла быть и ласковой, и твердой. Свои эмоции она стала выплескивать на ни в чем не повинных сотрудников компании, которые просто выполняли свою работу день ото дня. Она требовала от них все больше и больше, а собрания проходили в неприятной атмосфере всеобщего напряжения. Какой уж там корпоративный дух! Было хорошо, если голова оставалась на плечах!

Геральдину также злило затянувшееся разбирательство касательно видео, компрометирующего мэра города. Каждый день ей по несколько раз названивали с телефонов городской администрации, и о чем шла речь, я мог только лишь догадываться. Знал только, что после каждого такого разговора цвет лица Геральдины становился другим. Я бы назвал его «землянистым». Да, пожалуй, остановлюсь на этом.

Иван Капустин наслаждался своей смертью. А я наслаждался тем, как Артем, затянув потуже жгут, вставлял иглу в свою и без того исколотую вену левой руки. Он делал это медленно, так что я мог смотреть и запоминать каждую мельчайшую деталь действия. Я мог рассказать о разрушении человека, составить план-схему. Я был теоретически подкован в этом. Артем испытывал все на практике. В этом, пожалуй, состояло наше единственное различие. Теоретик и практик.

Я думал о том, что все люди, по большей части, являются теоретиками своей жизни. Они знают о многом, они впитывают большое количество информации каждый день. Они исследуют. Они выявляют закономерности. Так вычитывает строку за строкой психолог-теоретик. Он может наблюдать за пациентом, но не станет принимать участия в его лечении. Он делает заметки, на основе которых другие теоретики в другое время будут создавать другие теории.

Но мало кто способен реально влиять на свою собственную жизнь, не говоря уже о

жизнях окружающих. Это сложная наука, способная открыться только сильным духом людям. Так что, можно сказать, в каком-то смысле Артем был сильнее меня. Хотя, быть может, он и не выбирал свой путь в могилу самостоятельно. Быть может, за него этот путь выбрали его друзья по общежитию. Или девушка, разбившая когда-то ему сердце. Мне же хотелось верить, что он сам для себя все решил. Мне хотелось, чтобы он был сильнее меня. Мне хотелось, чтобы он был практиком.

Артем запрокинул голову. Его глаза были широко открыты, но он не видел ничего, кроме собственного удовольствия. Да, это чувство визуализировалось, расплылось перед ним, как раскаленная лава, сжигающая все на своем пути. Проблемы превращались в пепел.

Это чувство было похоже на оргазм, длящийся несколько минут. Затем в теле поселилось тепло, будто кто-то воткнул внутрь тела нагревательный элемент. Расслабление. Нега. Артем упал на кровать и раскинул руки в стороны. Его окутало ватой.

Он не думал о том, что будет после. Проще сказать, что он широко закрывал глаза на последствия. А героин не отпускает просто так. Его побочные эффекты не заканчиваются лишь на сухости во рту. Те, кто не понаслышке знает, что такое дисфория, согласятся, что вещь эта весьма и весьма неприятная.

Я наблюдал за тем, как Артем медленно двигает ногами, лежа на кровати. Пальцы его рук были похожи на крючки, которыми он пытался подцепить что-то видимое лишь ему одному. Он смотрел на меня, но, казалось, не видел ничего, кроме собственного удовольствия, сжигающего все и вся.

Так пролежал он минут десять, после чего, повернувшись на бок, уснул крепким сном. Ушла боль. Ушел и я, понимая, что на сегодня представление окончено. Мне хотелось выпить, потому перед уходом я залез в холодильник и достал оттуда бутылку пива. Оно покорило меня своим холодом, приятной влажностью бутылки, своим запахом. Чувство эйфории, которое совсем недавно испытал Артем, казалось, витало в воздухе. Я хватал его губами и, посмаковав, глотал, как глотал свои таблетки. Тихий шелест наводил меня на позитивные мысли.

Мужчина средних лет, глава небольшого семейства, одетый в простую футболку и джинсы, стоял неподалеку от кассы одного из ресторанов быстрого питания, расположенного в главном холле огромного торгового центра. Его жена, чуть полноватая, но весьма хорошая личиком женщина, держала за руку мальчугана лет семи. Тот вертелся из стороны в сторону, подобно юле, чем немало напрягал меня, сидящего неподалеку и медленно попивающего кофе.

С томящимися выражениями лиц эти типичные представители среднего класса выстаивали очередь в кассу для того, чтобы заполучить, наконец, бургеры, большую порцию картофеля фри и несколько стаканов шипучей колы. Над ними, заполняемое звуками разных национальностей и тональностей, распространялось чуть поблескивающее облако. Оно было подобно реальному облаку, нависшему над небольшим поселением и поливающиму земли этого самого поселения чистой, как слеза младенца, водой. Вот только облако было искусственным. Химическая реакция, придающая окружающему пространству свой шарм. Искусственным было все вокруг.

Я долго наблюдал за выражением лица, за взглядом того мужчины. Подмечал, когда и куда он посматривал втайне от жены, слишком занятой воспитанием избалованного

сынишки. Его лицо почему-то напомнило мне о стрелке компаса. И не только лишь потому, что оно было вытянутым и ромбовидным. Эмоции на этом лице, казалось, движутся к одному-единственному месту — к эмоциональному северу.

Жена его была чуть скучна. Даже несмотря на то, что она старалась активно слушать своего мужа, взгляд ее буквально зависал в воздухе, как вертолет зависает над посадочной площадкой. Быть может, виной тому была тяжелая рабочая неделя, свалившаяся на нее отчетами в бухгалтерию и прочей ерундой, о которой ее голова хотела болеть только положенные сорок часов в неделю. Фрейд и его сторонники, недолго раздумывая, сказали бы, что у пары явные проблемы в сексуальной жизни. Не стану отрицать, так показалось и мне.

Наигранным и безвкусным казался мне тот спектакль, посвященный несостоявшемуся семейному счастью. Мне представлялось, как все остальные люди, окружающие нас, отодвигаются в сторону по мановению волшебной руки Режиссера, и я остаюсь один на один с действием. Мое лицо было скрыто в полутьме, а вот сцена, на которой находилось семейство, была подсвечена со всех сторон, да так ярко, что аж глаза резало.

Но тут, возникнув из неоткуда, врывается в мои уши громкая музыка. Вся семейка подпрыгивает, как заведенная, и теперь действие больше напоминает какую-то убогую рекламу, сценарий которой был рожден воспаленным мозгом захудалого сценариста во второй половине 20-го века. Они широко улыбаются друг дружке, они счастливы...

Хипстер с густой бородой случайно толкнул мой стул, отчего я резко дернулся. Что-то хрустнуло в области шеи, и я возненавидел того человека, что помешал мне насладиться какофонией жизни. Я посмотрел ему вслед. Узкие джинсы, кофта. Выбритые виски. Смужи в стакане с трубочкой. Дружок «сладковатой» внешности, с острыми скулами и длинной челкой. Оглядев себя, я понял, что выгляжу слишком старомодно. Ну и черт с ним!

Мужчина с гладко выбритой, блестящей лысиной, взяв под руку брюнетку модельной внешности, прохаживался по торговым рядам. Он смотрел на витрины магазинов, зная, что может позволить себе все, что ему приглянется. Дорогие часы, модные туфли, неспешный взгляд — все в нем и на нем говорило лишь о том, что человек в жизни достиг чего-то. Это если мерить достижения общепринятыми, меркантильными мерками, разумеется. Да, он был хорош. Да вот только вся власть над ним, как мне показалось, принадлежала его длинноногой подружке.

Бестия. Красивая, хищная бестия. А он делал вид, что имеет над ней власть. И снова мне казалось, что все эти отношения людей вокруг — лишь фикция, и ничего более. День ото дня, по стройно выкроенному сценарию, они ведут свой образ жизни: спят, едут на работу, едят, пьют, веселятся, занимаются сексом, спят. Живут и умирают.

Глядя на все это безумие, являвшееся не более чем плодом воображения неизвестного мне Сценариста, я все больше и больше хотел ворваться внутрь. Быть может, все это злило меня лишь потому, что я был вне, был снаружи. А мне хотелось внести неясность, интригу в этот пресный, безвкусный сюжет. Я хотел стать частью ночной тусовки, быть в центре скандала, оказаться меж обнаженных тел незнакомых мне людей. Оргия внутри торгового центра, под искусственным облаком. Оно должно было орошать всех нас живительной влагой. Тела должны были стать мокрыми.

Оргия сотен тысяч картонных персонажей, выдуманных лишь для того, чтобы создать вокруг меня иллюзию реальности.

Удар по лицу вернул меня к реальности. Он буквально вбил в меня ее частицы, пронзил ими мои глаза и мозг. Это случилось на подземной парковке, прямо около моего седана небесного цвета.

Я шел по парковке, насвистывая мелодию песни «Mr. Sandman» группы The Chordettes. Старой такой песни, родом из 50-х годов. Мне казалось, что я не шел, а плыл. Ласковое течение несло меня к машине, в то время как со спины ко мне подошли трое.

Они ничего не сказали мне перед тем, как напасть. Окружив меня, они переглянулись. Двое высоких и крепких. Третий — худощавый, с омерзительно иссушенным лицом. Взгляд его с бешенством скользил по мне. Все трое были одеты в черные кожаные куртки и джинсы. Мне это показалось весьма забавным.

— Да у нас тут флешмоб! — выпалил я, дергая слова за каждую букву. — А вы кто, ребята из 90-х?

Страшно ли было мне? Думается, что я даже не понял, какая угроза нависла надо мной, оттого реакция моя была неоднозначной. Время замедляло ход, как в современном кино. Я не решался сделать ход первым. Любой мой шаг был обречен на провал.

Этот удар, произведенный, к моему удивлению, худощавым, не повалил меня на землю. Мое лицо, конечно, описало дугу, да и кровь брызнула через приоткрытую щеку на рубашку, но я удержался на ногах.

Следующий удар пришелся мне в ухо. Подключился один из здоровяков. Звонком пронзило мою голову. Так звенели колокола церковей. Так звенели испорченные механизмы перед тем, как испустить свой механический дух. Я, пошатнувшись, упал набок.

Асфальт, которого я касался пальцами рук, еще никогда в жизни не казался мне столь реальным, как тогда. Вместо того, чтобы защищать себя, я стал щупать этот асфальт. Я прислонился к нему лицом, дабы вдоволь насладиться ощущением реальности. Мне хотелось врасти в асфальт так, как ноготь врастает в кожу пальца ноги.

Ощутить асфальт всем телом мне помог удар ногой по спине. Высвободив воздух из легких, я стукнулся грудью и носом. Кровь рванула из ноздрей. Она была теплой, хоть и не настолько, чтобы согреть меня. Кровь, которую я пускал, чтобы призвать к себе акул. Добыча, господа. Налетайте!

В моей голове кадр за кадром проносились фрагменты порнофильма, в котором группа мужчин по очереди (а иногда и разом) совокуплялась с одной женщиной. Смена поз и стоны; растягивающаяся от неестественности женская плоть; похотливые улыбки мужчин, выстроившихся в ряд со своими огромными агрегатами в руках, готовыми выплеснуть все семя наружу — это возбуждало во мне животное чувство, которое разрывало меня на части. Я наслаждался болью и стонами жертвы современного извращенного мира.

И теперь я чувствовал себя той самой жертвой. Быть может, я хотел, чтобы меня унижали так, как унижают молодую студентку, решившуюся заработать легкие деньги, но не подозревавшую, что секс с пятью мужчина сразу чреват болью и моральным разложением. Я чувствовал, что таким образом я становлюсь ближе к реальности. Асфальт, на который капала моя кровь... Он, подобно отражению в зеркале, столь привычному, давал мне понять: я существую!

Тем временем удар следовал за ударом. Тело мое сгруппировалось будто бы само по себе. Я был похож на сорвавшуюся пружину, бесконтрольную, слабую.

— Еще! — заорал я как бешеный. — Давай, еще!

Худощавый от неожиданности отпрыгнул в сторону. Его мерзкая физиономия

покрылась налетом озадаченности. Двое других перестали наносить мне побои, отошли в сторону.

— С него хватит, — сказал худощавый. — Да он больной какой-то!

Я улыбался ему своим окровавленным ртом лишь потому, что мне хотелось улыбаться. Не потому, что так было нужно. Не для того, чтобы утратить врага. Нет! Я лишь чувствовал себя самим собой. Я был реальным.

— Еще!

Я кричал им вслед, но они уже спешили скрыться в темноте ночи, которая опустилась на город столь стремительно. Вокруг не было ни души.

Встав на четвереньки, я направился к машине. Она была так близко и так далеко одновременно. Привычные глазу расстояния рассчитывались по привычной скорости передвижения. Я же был в необычной ситуации. В моем мозгу возник диссонанс.

Повеяло холодом. Я мог бы просто смириться с тем, что умираю, но был слишком счастлив снова оказаться реальным, чтобы вот так просто взять да умереть. Я хотел почувствовать поцелуй Лили на своих губах. Красная помада. Кровь. Она казалась липкой. Она тоже была реальной.

Фотография на асфальте. Дверь. Просто очень знакомая дверь, чуть приоткрытая. Вспышка света в темноте комнаты. Зарево от взрыва в самом сердце южной ночи. В моей голове прогремело что-то, после чего я потерял сознание. Как будто мой разум не хотел, чтобы я вспомнил...

***

Мы были влюблены друг в друга. Я помнил это раньше. Я помню это сейчас. То было время, когда я был счастлив. Обнимая ее на закате дня, когда солнце последними лучами пускало блики по водной глади озер, на берегах которых мы сидели, оставив вдалеке большой город с его суматохой, я чувствовал себя частью чего-то целого и настолько прекрасного, что невозможно было поверить.

Влюблены. Вообще, я редко использовал это вечное слово, потому что сомневался. Да, я всегда сомневался в том, чего не мог почувствовать и узнать как следует. Это слово казалось мне настолько всеобъемлющим и бесконечным, что даже мысль о понимании сути «любви» лишь заставляла меня вяло мотать головой, намекая самому себе на то, что все доводы бессмысленны. Я проводил вечера в разговорах с самим собой, да только вот ни к чему так и не приходил.

Когда я был с ней, то ясно понимал, что и как устроено. Казалось бы: два человека есть система более сложная, нежели один человек. Но то был не наш случай. Когда я был рядом с ней, я прекрасно понимал ее, а она прекрасно понимала меня, и вечный спор о любви в моей голове прекращался сам по себе. Во мне поселялась вера, не нуждающаяся в подкреплении фактами, и то была моя награда. И, как я надеялся, эта награда не должна была иметь срок давности. Но я ошибался.

Мы с Лилей познакомились на скучной вечеринке наших общих знакомых. Ну, знаете, толпа людей в огромной квартире, много выпивки и не слишком хорошая музыка. Кто-то норовит хорошенько надраться, а кто-то просто пытается найти себе собеседника, который тоже не прочь пропустить стопку-другую текилы. В воздухе витает аромат близости чего-то прекрасного, того, что, как порой кажется, никогда не произойдет.

Она выглядела эффектно. Роскошные волосы, длинные ресницы, стройная фигура. Красота лица и взгляд, от которого не хотелось отрываться. Она говорила уверенно, одаряя своих собеседников красивой улыбкой, обнажающей ее ровные белые зубки. Мне хотелось верить, что она улыбалась мне какой-то особой, почти что секретной улыбкой, адресованной лишь мне одному.

В тот вечер мне повезло остаться с ней наедине. Стоя около окна и допивая остатки пива в наших бутылках, мы смотрели друг на друга, пытаясь найти общую тему для разговора. Неловкое молчание. Улыбка.

— Как тебе эта вечеринка? — спросил я ее, стараясь выглядеть расслабленно и уверенно, скрывая нервную дрожь внутри себя.

— Не самая худшая из тех, на которых я бывала, — ответила она, а после коснулась губами горлышка пивной бутылки.

— И что, ты часто так расслабляешься?

— Нет. Вообще, я предпочитаю висеть дома вниз головой, обхватив ногами турник, снова и снова разбирая и собирая оружие, пока из носа кровь не потечет. Хороший способ бороться с депрессией. Советую.

На какое-то мгновение я начал верить в то, что она говорила мне. Я уже готов был увидеть ее в своем воображении висящей вниз головой, как вдруг заметил милую ухмылку на ее лице.

— Да я шучу! Ты не подумай ничего. Я не свихнувшаяся лесбиянка с пристрастием к огнестрельному оружию, со мной можно нормально поболтать.

— Пожалуй, нам стоит выпить за чувство юмора, — протянул я свою бутылку. Мы легонько стукнулись. — Ну а после я хочу приковать тебя наручниками к этой батарее, — я указал пальцем на пространство под окном, которое занимала отключенная батарея. — И хорошенько выпороть...

— Да ты, я смотрю, любишь пошалить, — усмехнулась она. — Что ж... придется тебе чем-нибудь стоящим ответить.

— Может, прогуляемся? — предложил я. — Вообще, я парень достаточно скромный, приставать вот так сразу не стану...

— Это мы еще посмотрим, кто к кому начнет приставать первым! — вызывающе кивнула она. — Пойдем, прогуляемся.

Все началось очень просто, так, будто это должно было случиться в наших жизнях. Мы понимали глупый юмор друг друга, не стараясь выглядеть лучше, чем могли. Поначалу меня пугала эта естественность, а также чувство всепоглощающей легкости, до того незнакомое мне. Влюбленность, как мне казалось тогда, должна быть неразрывно связана с переживаниями, с безответностью. Но с Лилей все обстояло иначе.

Первую неделю мы просто не вылезали из постели. Взяв на своих работах больничные и отключив мобильные телефоны, мы закрылись в моей квартире и, отдаваясь порывам страсти, занимались сексом, делая перерывы на легкие перекусы. На полу валялись коробки из-под пиццы, да и несколько бутылок виски были пусты к тому времени, когда мы, лежа на диване и сонно глядя на экран телевизора, медленно изучали тела друг друга пальцами рук. Томными были те взгляды, которые мы бросали друг на друга. Голова кружилась так, что, казалось, внешний мир, спрятанный за шторами, уже давно унесся прочь, оставив нас двоих жить в нашем мире прекрасных иллюзий.

То было время, когда ничто, кроме нас самих, не имело значения. Оба мы неумолимо приближались к моментам переосмысления жизненных ценностей, и видимо оттого еще больше желали оставаться молодыми и свободными от предрассудков по-настоящему взрослой, весьма утомительной жизни. Потому, вероятно, и не спали по ночам, а наутро, зарядившись кофеином, бежали по делам, которые хотелось завершить поскорее, оставив все условности в стороне. Долгие переписки ни о чем, поцелуйчики и мимолетные признания. Последний ряд в кинотеатре, посиделки в кофейнях ближе к рассвету. Город просыпался тогда, когда мы еще заканчивали наслаждаться прошлым днем. Так мы старались удлинять дни и минуты, которые проводили вместе. Тем самым мы посягали на законы природы, и в чем-то, как нам казалось, достигали успехов.

Я вспоминал обо всем этом, лежа на больничной койке, глядя на белый потолок палаты, которая на короткий период времени стала моим пристанищем. Запекшаяся кровь стягивала мои иссохшие губы, а пальцы левой руки, казалось, совсем потеряли чувствительность. Я смотрел на них и думал о том, какими фантомными бывают людские чувства.

Мой лечащий врач сказал, что все дело в нервных окончаниях, которые были повреждены во время нападения на парковке. Он заверил меня, что чувствительность восстановится. Говорил, что все будет как прежде. Он улыбался, не зная, что мне самому не очень-то хотелось, чтобы все было как прежде.

В то время, как синяки на моем лице и моем теле болели, а внутренности будто бы срастались в одну бесформенную массу, я испытывал странные ощущения, вспоминая нападение. Мой член набухал каждый раз, когда я касался своего лица пальцами правой руки, реконструируя в мыслях момент соприкосновения вражеского кулака с моей скулой. Это ощущение я запускал по сотне раз подряд, как запускают на проигрывателе понравившуюся песню. Start. Stop. Replay.

Оказавшись в больнице, я столкнулся с мыслью о том, что времени у меня слишком много. Первый день, когда я еще находился под воздействием мощных обезболивающих, протекал так медленно, что казалось, будто меня отправили в состояние комы. Так привыкли глаз мой и разум мой к резким переменам вокруг, к постоянному движению, что неподвижное окно и пустота больничной палаты заставляли меня медленно сходить с ума. Я думал о Лиле, о нападении. Эрекция приглушала чувство одиночества. Реальный мир был рядом со мной. Я буквально мог коснуться его пальцами.

Лиля узнала о нападении не сразу. Ворвавшись в палату, она подлетела ко мне и обняла, не подумав о том, что ребра мои буквально перемолоты. Я заскулил как дворový пес, но все же улыбнулся ей.

— Ты жив... — сказала она тихим, интимным голосом. — Самое главное, что ты жив...

Она вырвалась из темной клетки моих снов. Она снова была в настоящем, рядом со мной. Ее волосы, лежащие на моем лице. Ее рука, сжимающая мою руку. Ее губы, которые я так хотел целовать. Start. Stop. Replay.

— Там снова была фотография, — сказал я ей. — Эти люди... они хотят загнать меня в угол. Лиля, мы... я...

— Какая фотография? — с недоумением спросила она.

— Старая фотография... дверь... Она должна была остаться на месте нападения, около моей машины.

— Там ничего не было, — покачала головой Лиля. — По крайней мере, мне ничего не

передавали.

— Значит, они забрали ее. Не хотели оставлять улики. К ним будет тяжело подобраться...

Лиля провела рукой по моему лбу. Я видел, как на ее покрасневшие глаза наворачивались слезы.

— Отдохни. Тебе нужно поспать. Я буду рядом.

Но когда я проснулся, ее уже не было рядом. Остался только свет лампы, глухой и одинокий. Я был в палате один.

Высокий мужчина в клетчатом пиджаке и очках, мой доктор, пришел проведать меня на следующий день. Видом своим он не выказывал всю озабоченность ситуацией, но я чувствовал ее через неугасаемую череду вопросов, которые он мне задавал.

Сидя на стуле около моей койки, он внимательно разглядывал мое лицо и руки. Пару раз он многозначительно причмокнул.

— Это серьезно. Знаете, я, конечно, не имею права советовать вам такое, но все же посоветую. Вам необходимо лечь в клинику, и как можно скорее. Болезнь прогрессирует, и это заметно. Нужно полечиться. Хотя бы какое-то время, — он сделал паузу. — Те анализы, которые показал мне ваш лечащий врач, они меня поразили, признаюсь. Это уже не шутки. Все очень серьезно.

— Я чувствую себя отлично, доктор, — ответил я с улыбкой. — Мир вокруг меня принимает новые формы. Я еще никогда не чувствовал его настолько реальным. Мне комфортно жить так.

— Никому не комфортно жить так. Это иллюзии, которые живут в вашей голове. И чем глубже вы уходите в эти иллюзии, тем тяжелее будет найти путь обратно. И еще. Я вынужден снизить вам дозу препарата.

— Что? — возмутился я. — Как снизить? Таблетки помогают мне! Разве вы не видите, что мне лучше?! Почему вы решили, что можете понять, что чувствую я?!

Я вспыхнул почти что мгновенно. Как огонь спички, которому суждено было столь же быстро потухнуть.

— Вы просто рехнулись! У меня недавно случилась паническая атака. Наоборот, мне нужно увеличить дозировку!

— Это максимальная суточная дозировка. И, судя по всему, даже ее вы систематически превышаете. Больше количество просто убьет вас. Я не шучу.

Я отвернулся к окну. Злость внутри меня закипала. Доктор, будто бы почувствовав это, встал со стула и направился к выходу из палаты. Уже в дверях, чуть обернувшись ко мне, он сказал:

— Возвращайтесь к нам. Это всего лишь иллюзии.

После того разговора я тщетно пытался уснуть, но мои мысли не давали мне покоя. Я злился на доктора и на себя, на все, что происходит.

Мне хотелось наблюдать за тем, как Артем вкалывает в свою набухшую вену иглу. Я хотел ощущать, как яд распространяется по его телу, медленно убивая его. Закатывающиеся глаза, и слюна на уголках рта. Меня возбуждала эта картинка.

Мне хотелось, чтобы Дина опустилась ниже, приспустила мои спортивные штаны и обхватила своими нежными губками мой член. Я хотел, чтобы она взяла его весь в свой рот, чтобы спазмы заставили ее задыхаться, а слюна из ее рта капала на мой пах.

Дина пришла под конец дня. Мы встретились в коридоре, когда я, тяжело передвигая ногами, шел в туалет, дабы излить из себя то, что накопилось во мне за день. Солнце падало за линию горизонта, оставляя людям блики уходящего дня.

— Я уж подумала, меня не пропустят, — сказала она и пристально посмотрела на мое лицо. — О, Господи! Да ты похож на искусанного пчелами шарпея.

— И я тоже рад тебя видеть.

Она легонько поцеловала меня в губы. Я огляделся по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, взял ее за руку.

— Вчера ко мне приходила жена. Мало ли, что подумают...

— Ну и пусть думают. Это не их дело. Это только наше с тобой личное дело, и ничье более.

— Иди в палату. Я скоро вернусь...

Вернувшись через пару минут в палату, я застал Дину абсолютно голой, стоящей в свете уходящего дня и ожидающей чего-то, что я мог ей дать. Признаться, мне тяжело было даже поворачиваться с бока на бок, но мысль о сексе заставляла меня преодолевать боль, стиснув зубы.

И я взял ее.

Ее взгляд был устремлен на улицу. Опираясь руками о подоконник, она принимала меня, томно вздыхая и оставляя на стекле влажные следы. Я не видел ее лица. Странно, но тогда я представлял на ее месте Лилю. Это было несложно, так как я буквально забыл, какая Лиля под ночным бельем. Ее изгибы размывались в перипетиях дней, которые мы теряли; в моментах и отрезках времени, на протяжении которых мы не обращали друг на друга внимания. Наши тела и души воровал город, и все, что с нами было связано, становилось частью чужого мира. Линии на наших ладонях напоминали карту дорог и сложных развязок. В этих мыслях я закончил, после чего лег на постель и уснул крепким сном.

***

Ко мне в руки попала книга молодого британского писателя Тома Маккарти под названием «Когда я был настоящим». Ее я позаимствовал у дежурного врача — полноватого мужчины с добрыми глазами и чересчур пушистыми бровями. Махнув рукой, он сказал, что книга ему не нужна, мол, не пошла с самых первых страниц. Он добавил, что история, расписанная на страницах этой книги, явно на любителя, да и сам он больше предпочитает фантастику в стиле Айзека Азимова.

Мне понравилось название, несущее в себе, как мне показалось, ёмкий смысл. Быть может, я хотел прочитать на страницах чужой книги историю собственной жизни. Не знаю. Важно лишь то, что позднее мне было суждено понять всю абсурдность моего мышления. Историю собственной жизни мог написать лишь я один. Иначе это была бы подделка истории моей жизни. О том, что творилось в моей голове, не знал никто, кроме меня самого. Да и знал ли я сам?

Экран кудахтающего голосами сварливых девиц телевизора потух, как потухли огоньки в окнах домов по соседству. Была ночь, но мне не спалось. Энергия, которой во мне было с избытком, оседала в моей голове темным налетом навязчивых мыслей. Мне нужно было отвлечься как можно скорее, так что я, поудобней устроившись в кресле, расположенном около больничной койки, начал читать.

В романе рассказывается о человеке, пережившем некую техногенную катастрофу. После долгого нахождения в коме и внезапного пробуждения он пытается освоиться в некогда привычном для него мире, но понимает, что все изменилось. Он не уверен в истинности своих чувств, потому, получив приличную компенсацию (надо сказать, очень приличную), пытается воссоздать события из памяти, которую на самом деле никогда не имел. Случайно увиденная трещина на стене наводит его на мысли о доме, в котором он никогда не жил, но прекрасно помнит многие важные и не очень моменты из той жизни. Он помнит о том, что этажом ниже жил музыкант, подолгу изучавший сложные пассажи, и что запах жареной печени доносился из соседского окна. Он помнит все до мельчайших деталей.

Для воссоздания событий, так называемых «реконструкций», он нанимает команду, в которую входят как организаторы, так и актеры, исполняющие роли соседей главного героя. В погоне за истинностью своих чувств он тратит крупные суммы денег, доводит себя до помешательства. Но падающие с крыш коты и брызжащая в лицо жидкость для омывателя лобового стекла автомобиля становятся лишь началом пути колоссального психоза.

Начав довольно размеренно, я остановился лишь на середине книги. Время бесцеремненно рвалось вперед, к концу, который никто не мог предвидеть, и я понимал, что, читая книгу, я забывал обо всем, что окружало меня в последнее время. Я впадал в состояние, схожее с состоянием главного героя. Я буквально чувствовал его помешательство всем своим телом, и мне казалось, что меня начинает тошнить от переполняющих меня чувств. Закинувшись таблетками и выпив стакан воды, я продолжил чтение.

Закончил я лишь к утру. Моя рука бессильно свисала с кровати, а книга и вовсе лежала на полу. Солнце пыталось пробиться сквозь опущенные веки к поверхности моих глаз, иссушенных ночным чтением. Солнцу суждено было потерпеть фиаско, потому что я спал слишком крепко. В своих снах я жил уже совершенно другой жизнью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пальцы Лили обхватывали рулевое колесо так, как обхватывали они когда-то мой член, готовый извергнуть из себя концентрированные эмоции моего внутреннего зверя, моего демона, который двигал моими руками и управлял моими мыслями по ночам. Я думал о ее пальцах и о той памяти, которую хранила каждая клетка ее тела. Сентиментальный эротизм поражал меня, и я чувствовал, что впадаю в тянущее на дно, припадочное состояние. Шелест пластины в кармане помогал мне расслабиться.

Лиля забрала меня из больницы на третий день. Она подъехала к главному входу на своем черном хэтчбеке. Этому предшествовало томительное ожидание, заполняемое разве что мыслями о Геральдине и ее твердых сосках. Закинув сумку с вещами на заднее сидение, я сел рядом с Лилей. Она переключила передачу, вдавила педаль газа в пол, и мы понеслись по улицам города.

День был в разгаре, и я наслаждался легкой суетой, охватывающей спокойные улочки спальных районов города. Одинаковые дома, выстроившись вдоль дороги, встречали нас с Лилей. Коробки торговых центров пестрили рекламами и вывесками. В небе набирал высоту реактивный самолет. Он казался мне таким одиноким на фоне бездонного неба.

— Тебе бы лучше полежать дома день-другой, — говорила мне Лиля. — Сотрясение может проявиться...

— Я хорошо себя чувствую, — с полной уверенностью сказал я.

— Я знала, что не смогу тебя переубедить. Если тебе так будет лучше, если тебе нужно

отвлечься, забыться на работе... знаешь, делай так, как считаешь правильным.

Лиля была слегка раздражена. Помнится, раньше, еще до таблеток, ее агрессия, достаточно легкая по природе своей, вызывала на моем лице улыбку. То были дни, когда мы были счастливы. Все менялось.

— Мне иногда кажется, что я совершенно не знаю тебя, — говорила она, выкручивая руль вправо. — Кто же ты на самом деле?

Я промолчал. Вопрос показался мне риторическим. Так ничего и не ответив, я закрыл глаза и погрузился в легкий сон, который то и дело нарушали звуковые сигналы других машин и резкие остановки на светофорах.

Люди постарше говорили нам, что брак — это нелегкий труд, и что к нему нужно быть готовым. Но мы считали себя особенными, как и многие другие люди нашего возраста и социального статуса. Мы не искали оправданий нашим шалостям и нелепым забавам. Мы просто старались жить в свое удовольствие.

Через полтора года после нашей встречи мы с Лилей обменялись кольцами. Белая фата невесты, черный классический костюм жениха. Шикарный зал, улыбки на лицах родственников и близких друзей. Две замечательные недели в тропическом раю, вдали от людей и суеты. Быть может, именно тогда я начал ощущать изменения в своей реальности. Я не помню. Все было слишком прекрасно.

Помню, как стоял на берегу Карибского моря. Был конец дня, мои стопы грел все еще теплый золотистый песок. Ветер обдувал мой голый торс и ноги, частично спрятанные под цветастыми бриджами. Я ждал Лилю. Мы собирались отправиться в небольшой городок неподалеку, где хотели прогуляться, а после выпить и потанцевать в каком-нибудь баре у берега моря.

Домик, который мы арендовали на время нашего отпуска, окружали высокие пальмы. За ними была дорога, ведущая в город. Никаких реклам вокруг, никакой навязчивости, столь присущей урбанистическому миру, из которого мы с Лилей выпали. Неспешно управляя арендованным внедорожником, я невольно запоминал каждый миллиметр той дороги, все значительные и не очень ее изгибы и ямочки. Я изучал ее так, как изучают тело партнера в момент первой любовной близости.

Мне хотелось остаться в том моменте времени, застыть, как картинка на экране монитора. Я хотел оставаться в моменте сладостного ожидания прекрасного вечера с любимой, но не знал, за что уцепиться. Оттого, наверное, и изучал глазами дорогу. Было во всем этом что-то фатальное, необратимое.

Я думал, что мы с Лилей могли бы умереть счастливыми. Просто съехать с дороги и врезаться на полной скорости в какую-нибудь пальму. Наши тела пролетели бы не один десяток метров и сложились бы в недвижимом объятии где-нибудь в глубине тропического леса. Мы бы остались счастливыми навечно.

Нам казалось, что жизнь в браке будет состоять лишь из хороших моментов. Слушая споры других пар и наблюдая за ними в ресторанах и торговых центрах, мы лишь ухмылялись, понимая, что находимся выше ссор и измен, коими пронизаны отношения многих. Нам было приятно осознавать это. Нет, конечно, отбросив все фантазии, мы оба понимали, что со временем начнем относиться друг к другу немного иначе, но даже подумать не могли, что изменения эти могут оказаться настолько серьезными.

Лиля переехала ко мне сразу после свадьбы. До этого я не жил с женщиной, и для меня

это был новый, прекрасный опыт. Ведь кроме прекрасной внешности и острого ума Лиля имела легкий, слегка подчеркнутый материнский инстинкт, который не позволял ей превратить наш домашний очаг в буйство безделья и отрешенности. Мои приятели завидовали мне, а я гордился своим счастьем. Теперь же мне кажется, что та забота, которую Лиля давала мне день ото дня, была мною недооценена.

В то время Лиля работала управляющей довольно известного в городе ресторана, а я делал первые успехи в работе с особо важными клиентами. Мы не имели проблем с деньгами, так что не отказывали себе в удовольствиях, особенно когда этими удовольствиями приходилось затыкать некоторые дыры в нашем общении, а они со временем стали возникать. Но то, как мне казалось, да и Лиле тоже, было лишь естественным моментов в совместной жизни. Мы не били тревогу без особой надобности.

Открытая лоджия на верхнем этаже высотного здания. Прошло время, и мы стояли там, где раньше проводили ночи напролет, напиваясь и целуясь, занимаясь сексом, лаская друг друга нежными словами. Теперь же у каждого из нас в запасе была лишь пара слов, которыми можно было закончить все, или же начать все сначала.

Мне казалось, что время пускается вспять. Соединяются кусочки разбитого стекла, и краски снова стекаются в разноцветные емкости. Нить жемчужного ожерелья снова крепнет, и прекрасное украшение, подаренное мною когда-то, снова на ее шее. Мне хотелось так думать. Но взгляд Лили был направлен не на меня.

Я все еще ощущал боль побоев, но с каждым новым днем она становилась слабее. Побитый зверь внутри меня снова чувствовал свою силу и готов был вгрызаться в плоть тех, кого я хотел бы любить. Я молил его о пощаде, но он не унимался. И какого же это: удерживать руками, испещренными ранами, пасть хищного зверя?

— Ты спала так долго, — сказал я.

Лиля посмотрела на меня, но ничего не ответила. Она сложила руки на груди и снова отвернулась. Я почувствовал легкое покалывание кончиками пальцев левой руки. Чувствительность восстанавливалась, как и обещал мне мой лечащий врач.

— Поверь мне, я не спала очень долгое время, — Лиля прошлась чуть вперед. Она достала из пачки, что лежала на столике, сигарету и закурила. — Неужели ты винишь меня во всем, что случилось? Но почему?

Я хотел задать ей так много вопросов. Почему я не мог спасти ее в своих снах? Почему видел ночами лишь спящей, и все ее внимание доставалось лишь Максусу? Скверному, молчаливому, но слишком обаятельному Максусу, этому черному пятну краски. Что случилось? Почему я забыл об этом? Почему я боялся спросить об этом?

Город звал меня сотнями сигналов, как звуковых, так и визуальных. Он чувствовал меня так же, как и я чувствовал его. Не сказав ничего Лиле, я направился к двери, а уже через несколько секунд лифт нес меня вниз, к подземной парковке, где был припаркован мой седан небесного цвета. Я дал вопросам отсрочку. Быть может, я дал отсрочку только самому себе.

Лиля продолжала стоять у края лоджии. Она смотрела вниз, туда, куда нечаянно упали ее счастье и надежда на прекрасную жизнь. Ужасная случайность, разрушившая так много всего прекрасного. Будто стены старинных соборов покрылись трещинами и осыпались в один миг, похоронив под завалами ни в чем не повинных туристов. Будто стекла небоскребов, падая, изрезали лица сотням мужчин и женщин, заполонивших улицы делового

центра города.

Лиля стояла у края, но могла ли она сделать еще один шаг? Перелезть через перила, раскинуть руки в стороны и прыгнуть вниз. Могла ли она? У нее были причины сделать это, но, в то же время, были причины отступить назад.

Возможно, она видела меня. Там, внизу, среди людей. Сидящего в своем седане — последнем пристанище заблудшей души — и смотрящего по сторонам. Она видела меня внизу, там, где когда-то лежало родное ей тело, но не ее тело, нет. Это тело принадлежало тому, кто был для нее необычайно дорог.

Кровь рисовала линиями на асфальте символику смерти, зашедшей как-то однажды к нам на обед. А я тщетно пытался вспомнить тот день, когда потерял самого себя...

***

Иван Капустин погиб на моих глазах. Акула впиалась в его тело острыми зубами. Я видел отблески его смерти десятков раз, да вот только в настоящем своем облики она предстала передо мной лишь однажды.

Это случилось одним весенним днем, ничем не примечательным на первый взгляд. Все те же лужи на асфальте, все та же тяжесть налитого свинцом неба, готового в любой момент осыпаться на землю миллионом крупных капель. Пересечения проводов над головой, как помехи на экране телевизора. Переполненные тренажерные залы, бурлящие жизнью торговые центры.

Прошло две недели с тех пор, как я вернулся из больницы. За это время я видел Ивана Капустина всего один раз: во время его визита в кредитный отдел, где он, взмокший от офисной духоты, подписывал страницы кредитного договора. Его левое веко чуть дергалось, только это не особо бросалось в глаза. Подумаешь, еще одна жертва нервного перенапряжения. Но я сразу почувствовал неладное.

— Добрый день, — обратился я к нему и протянул руку. — Не ожидал вас тут увидеть. Вы и не говорили...

— Да, добрый день, — резко ответил мне Иван Капустин. — Я подумал, что нет ничего плохого в том, чтобы взять немного смерти в кредит, — он усмехнулся. — В конце концов, мы живем в мире возможностей.

— Это точно подмечено, — отозвался я и переглянулся с кредитным специалистом — кареглазой азиаткой с приветливой улыбкой и стильной прической. — Когда ожидать вас на этой неделе?

— Думаю, завтра, — Иван Капустин отложил ручку в сторону и придвинул подписанные бумаги кредитному специалисту. — Ну а теперь мне пора идти.

Я не стал ничего у него спрашивать. Это было бы не совсем этично, да и спешил он так, будто собирался попасть на последний поезд, способный увезти его подальше от проблем.

На следующий день он так и не появился. Все мои попытки дозвониться до него оказались пустой тратой времени. Что ж, я не стал сильно переживать по этому поводу и занялся другими вопросами.

По-настоящему я встревожился лишь тогда, когда через несколько дней получил от Ивана Капустина сообщение. В нем был указан адрес места, в котором я однажды бывал, и предложение встретиться. Не раздумывая, я позвонил Геральдине и предупредил о том, что мне нужно срочно отлучиться на встречу с клиентом. Она не стала противиться. Я поспешил на место встречи.

Океанариум. Радость для детей и их родителей. Огромные стекла, за которыми простирается целый мир разноцветных рыбин и рыбешек, пучеглазых тварей и милых существ, кровожадных хищников и миролюбивых созданий. Чуть приглушенный свет. Запах морской воды. Заметки на досках, прикрепленных вдоль дорожек, рассказывающие посетителям об особенностях того или иного вида рыб. Нередко около таких досок скапливались небольшие кучки любопытных посетителей. Я не искал среди них Ивана Капустина. Я не мог представить его в гуще людей. Мне казалось, что он должен быть отделен ото всех, буквально чувствовал это своим нутром. Я искал его.

Прорываясь к океанариуму через городские пробки, я прокручивал в голове все предположения по поводу того, что действительно происходит с Иваном Капустиным. Ни одно из них не выдержало критики моего внутреннего голоса. Он все отторгал, как ворчливая бабка, недовольная новыми веяниями культуры.

Оказавшись на месте, я и вовсе сдался. Миролюбивость, коей была пропитана атмосфера океанариума, детские улыбки и красота приглушенного света просто выбили из меня всякую возможность думать критически. Тем не менее, я был настороже.

Меня привлек ребенок, громко рассказывающий что-то своей матери. Голос его был писклявым, оттого столь заметным в общем фоне голосов. Сквозь внезапно хлынувшую толпу туристов я направился к ребенку и попытался разобраться, о чем он говорит, стоя прямо за спиной его матери. Маленький палец, тычущий в воздух, указал мне определенное направление. Он заставил меня перевести взгляд на огромный аквариум, в который, неожиданно для всех, спустился человек в деловом костюме.

Иван Капустин улыбался. На нем не было никакого снаряжения. Просто костюм, тот самый, в котором я видел его в прошлый раз. Мои глаза округлились от удивления. Что задумал он? Неужели ему так же не хватало реальности, как и мне?

Я перевел взгляд вправо, туда, куда направили свои взоры другие посетители. Огромная белая акула, достояние океанариума, спокойно проплывала вблизи дна. Она, казалось, и не замечала незадачливого посетителя, решившего нарушить ее покой. Ее огромный хвост извивался из стороны в сторону, задавая направление движения.

Подскочив к стеклу, удерживающему тонны морской воды, я несколько раз ударил по его поверхности, пытаясь привлечь внимание Ивана Капустина. Я прекрасно понимал, что ничем хорошим эта его затея не сулит, а вот большая часть посетителей принялась снимать заплыв Ивана Капустина на камеры смартфонов. Напряжение нарастало с каждой секундой.

Он посмотрел на меня и кивнул, мол, все нормально. Меня передернуло в тот момент, когда я увидел в его руке нож. Небольшое лезвие, способное оставить порез на теле.

— Твою мать! — выругался я. — Где охрана?! Позовите охрану! Он хочет убить себя!

На меня вяло отреагировала лишь пара человек. Остальные продолжали наблюдать за тем, как Иван Капустин наносит себе порезы. Кровь, подобно дыму сигареты, распространялась по воде. Она привлекла акулу.

Около меня пронесся охранник. Он скрылся за служебными дверями. Гул среди толпы посетителей нарастал. Кажется, именно в тот момент люди начали понимать, что видят не очередное представление, а самое настоящее самоубийство.

Разрезая толщу воды своим острым носом, акула неслась по направлению к Ивану Капустину. Мышцы его лица, искаженного нездоровой улыбкой, чуть дернулись при виде грозного хищника. Я заорал как бешеный и стукнул кулаком по стеклу.

В тот момент, когда между хищником и добычей оставались какие-то несколько метров,

я невольно закрыл глаза. Оттого я отчетливо ощутил, насколько сильно содрогнулись люди, окружавшие меня. Уши мои резал гул голосов, испуганных и возбужденных. Он напомнил мне о гулком реве двигателями самолета, взмывающего в небо. Я открыл глаза...

Вода окрасилась в темное. Куски ткани касались дна, где маленькие рыбки мирно проводили отведенное им природой время. Акула мотала мордой, изгибалась всем своим огромным телом, разрывая на части тело уже покойного Ивана Капустина. Я попытался разглядеть его лицо, да вот только вместе него увидел кровавое месиво.

Детский крик оглушил меня. Я оглянулся, но не увидел перед собой ничего. В глазах резко потемнело, меня начало клонить к земле. Припадок. Настолько внезапный, что я ощутил его лишь тогда, когда оперся руками о дорожку, на которой стоял какие-то считанные секунды назад.

Мне хотелось попросить всех замолчать, дать мне возможность сконцентрироваться, побороть свой безродный страх, но я мог открыть свой рот лишь для того, чтобы втянуть внутрь себя как можно больше воздуха. Его переизбыток заставлял мое сердце биться быстрее. Адреналин поступал в кровь. Мне хотелось бежать, да вот только ноги мои каменели от ощущения страха.

Я отполз в сторону от кричащей толпы. Люди пробегали мимо меня, а я, приложившись спиной к стене, нервно потирал взмокшие ладони. Таблетки. Я полез в карман, преисполненный надежд, но с ужасом для себя обнаружил, что карман пуст. Таблетки я оставил на рабочем столе.

В тот момент для меня крайне важным было восстановленное, правильное дыхание. Панический припадок проще пережить, вдыхая и выдыхая воздух плавно, так, будто лежишь в гамаке на берегу моря и ни о чем не тревожишься. Что ж, эта задача для меня оказалась не такой уж и простой.

В момент припадка время течет намного медленнее. Мне казалось, что я сижу в проходе уже битый час, хотя, на самом деле, просидел не больше пяти минут. Немного восстановив дыхание, я попытался подняться на ноги, но снова ощутил напряжение. Волна, сформировавшаяся в области паха, рванула к моей голове. Щеки налились кровью.

Но я не сдавался. Сжав кулаки, я направился к выходу, с ужасом думая о том, что происходит за моей спиной. Вдох. Выдох. Я продолжал идти вперед, медленно передвигая ногами.

— Поскорее! Мужчина, — обратился ко мне молодой охранник в черной кепке. — Следуйте к выходу!

Он начал махать руками, чем вызвал во мне волну раздражения.

— Не торопите меня! — рыкнул я. — Мне плохо, мать вашу!

Охранник подхватил меня под руку и насильно повел к выходу. Я снова стал задыхаться и сделал несколько рывков, после которых повалился на пол.

— Да что с вами?! — заорал охранник.

Мне казалось, что я вот-вот умру. Мне виделось, как я задыхаюсь у выхода из океанариума. Я думал о том, что мое сердце не выдержит такой нагрузки и остановится. Каждый, кто излечился от подобного недуга, непременно поймет, что это лишь надуманный самим организмом страх, провоцируемый нестабильной работой некоторых желез, вырабатывающих гормоны.

Ну а дальше все было как в тумане: дверь, ведущая на улицу; свет дня, ослепивший меня; лица людей, которые толкались и вели себя агрессивно. Пришел в себя я лишь тогда, когда

уже сидел в своей машине с бутылкой воды в руках и жадно всматривался в рулевое колесо. Мой взгляд гулял по окружности, внутри которой, как мне казалось, было абсолютно безопасно.

Переборов крайнюю степень усталости и заполнив морально истощенный дух обычной питьевой водой, я вернулся на работу. У меня не было никакого желания рассказывать кому бы то ни было о том, что случилось. Мне казалось, что я должен переждать с выводами, а сама ситуация должна впитаться в меня полностью, как впитывается краска для того, чтобы приобрести свой окончательный оттенок. Именно потому я был слегка раздражен, когда Дина без стука вошла в мой кабинет.

— Где пропал? — спросила она.

В тот момент я как раз закидывал таблетки в рот, так что ответил далеко не сразу. Прежде наступило мгновение блаженства, когда я окончательно осознал, что тревога уже далеко позади.

— Был на встрече с клиентом, — последовал мой ответ.

— Вид у тебя какой-то... расхлябанный. Как у затертой зубной щетки.

Дина присела на край стола, оголив передо мной часть бедра, обычно скрытую от всеобщего взора тканью юбки. Она выбрала не самый подходящий момент для подобного рода действий. Я бы даже сказал, самый неподходящий.

— Необычное сравнение, — хмыкнул я, после чего приложил ладони к лицу и закрыл глаза. Мне хотелось оставаться наедине с самим собой.

— Что случилось? — Дина была настойчива.

Я не знал, что ответить ей. Нужно ли было объяснять Дине, что реальность напугала меня? После стольких лет игры с человеческими эмоциями и иллюзиями, мог ли я рассчитывать на понимание с ее стороны? Рано или поздно это должно было произойти, да вот только я пытался отодвинуть момент соприкосновения с реальностью подальше, туда, где я бы уже и не совсем понимал, что есть правда, а что есть вымысел. В этой игре мне суждено было проиграть.

— Иван Капустин покончил жизнь самоубийством. Прямо на моих глазах. Нырнул в огромный аквариум с акулой и пустил кровь... свою кровь...

Я чувствовал, как слезы стали наворачиваться на мои глаза. Давление внутри черепной коробки повышалось, и мне казалось, что вот-вот мою голову разорвет на части. Я не мог держать в себе те мощные эмоции, которыми я зарядился в океанариуме...

Мы с Диной сидели в обнимку на полу. Еще никогда прежде она не была нужна мне так, как в тот момент. Помню, как рассказывал ей обо всем, что меня тревожит. Она поддерживала беседу, но меня одолевало чувство, будто я стал разговаривать с самим собой. Никаких преград межчеловеческого общения, абсолютная проникновенность. Будто она стала частью меня самого. Будто она стала моим воображением. Я хотел слиться с ней в единое целое.

Померк свет кабинетов, и только длинные коридоры остались освещенными. Как дороги меж опустошенных городов, они наводили на мысли об одиночестве. Я был пропитан одиночеством, хотя меня окружало так много людей. Каждый день меня окружали сотни, чуть ли не тысячи людей, но я все равно был одинок. Так что же делает нас одинокими?

Отсутствие коммуникации. Это смешно, но в нашем мире, пронизанном коммуникациями, где существует возможность общаться каждую секунду и находиться в

режиме онлайн круглосуточно, все же возможно оставаться одиноким.

Я искал на веб-сайтах ответы на вопросы, которые меня беспокоили. Я лежал на полу в своем кабинете, раскинув в стороны руки и глядя на одну-единственную точку на потолке. Просто черная точка, образовавшаяся неизвестно когда и неизвестно как. Я пытался придумать ей историю, вдохнуть в нее жизнь, но вместо этого придумывал новую жизнь лишь себе самому. Насколько сильно я ушел вглубь себя? Понимал ли я, насколько сильно заиклился на самом себе?

Почему я видел людей, столь похожих на меня? Буквально каждый день я видел собственное лицо в толпах людей, в коридорах офисов, в грязных трущобах города. Частицы меня бежали, управляли, убивали, соблазняли. Быть может, собрав воедино все эти образы, я бы мог получить точный портрет меня самого? Я уже не знал.

Я просил прошлое вернуться ко мне, дать ответы на вопросы, которые не давали мне покоя.

Я помнил рождение. Не свое, разумеется. Новая жизнь, данная этому миру двумя людьми, или, быть может, какой-то высшей силой, была в моих руках. Маленькое создание, еще не окрепший человек. Я помню улыбку на лице Лили, когда она, увидев маленькое чудо на моих руках, откинула голову на подушку. Она слишком сильно устала.

— Мы сделали это, — протянула она слабым голосом. Я взял ее за руку и улыбнулся.

Санитарка забрала у нас ребенка, имя которому мы еще не дали. Безымянный человек, но оттого не менее важный для этого мира. Сидя около спящей жены, я думал о том, что моя дочь может стать кем угодно. Она может быть известной всему миру, или же неизвестной вовсе. Она может достичь успеха или быть где-то между молотом и наковальней по жизни, как это и бывает зачастую. Я думал о том, что ее ждет светлое будущее. Я улыбался и плакал, как улыбался и плакал намного позже, лежа на полу своего кабинета, в полном одиночестве. К тому времени я уже знал, что никакого будущего не будет.

Сидя на заднем сидении такси, я долго и упорно всматривался в затылок водителя. Мне казалось, что я знаю этого человека, но все мои попытки разглядеть его лицо через зеркало заднего вида были тщетны.

— Мы знакомы? — спросил я его, но он не ответил. Даже не обернулся.

Променив водительское место в седане небесного цвета на просторное заднее сидение такси, я, казалось, дал себе возможность углубиться в собственные воспоминания. Стена, отделяющая меня от правды, которую я забыл когда-то, не могла быть разбита одним единственным ударом. Слишком уж крепкими оказались связи. Я должен был разобрать ее на кусочки, кирпичик за кирпичиком.

— Мы знакомы?

Затылок водителя то и дело отвлекал меня. В нем не было ничего необычного, никаких странных форм, травм или шрамов. Обыкновенный затылок.

— Мы знакомы?

Я задавал этот вопрос снова и снова, и каждый раз наваждение проникало в меня чуточку глубже. Как любовник, шепчущий на ухо своей пассии ласковые слова. Я не желал отдаваться этому чувству, но оно было сильнее меня.

Водитель обернулся, и я замер. Мои пальцы вдавились в кожу сидения, а дыхание и вовсе прервалось, будто я погрузился в воду. По телу пронесся импульс, который, казалось,

был способен вывернуть меня наизнанку.

— Почему вы так похожи на меня?!

Не то, чтобы он был просто похож на меня. Он был точной копией меня, коими уже были и Артем, и Дина, и Макс. Был ли это тот самый бегун, за которым я не мог угнаться на скользких улицах города? Или водитель точной копии моего седана небесного цвета, который также сумел скрыться от меня в суматохе дней? Или кто-то другой, незнакомый мне?

— Потому что я украл твою личность, — улыбнувшись, ответил мне мой двойник.

— Но кто дал вам право так поступать с моей личностью?! — со злобой в голосе спросил я, а ладони мои взмокли пуще прежнего. — И кто вы?

— Мы знакомы. Ты еще не знаешь об этом, но настанет момент, когда ты поймешь, кто я. Тогда же ты поймешь, кем ты на самом деле не являешься...

— Что?! Да кто же ты?! — почти заорал я и стукнул ногой по водительскому сидению.

Он не отвечал мне. Я кричал на него, готовый вот-вот наброситься и снести к чертовой матери его голову. Меня раздражал его затылок, его манера говорить и его внешность, идентичная моей. В один момент я ощутил себя обобраным до нитки, скинутым на обочину жизни. Меня угнетало это чувство.

— Зачем тебе моя личность?!

— Да затем, что каждый из нас хочет быть тобой. Совсем скоро тебе предстоит понять, что ты лишь песчинка на морском пляже. Ничто.

Я не понимал, о чем он говорит, и меня это безумно злило. Я несколько раз ударил кулаком по сидению, громко заорал, так, что вены на моей шее вздулись.

— Никто, слышишь... никто не имеет права забирать мою личность и угрожать мне! Я — это я, чего бы ты там в своей тупой голове не придумал!

— Время покажет.

Страх мгновенно сковал меня. Его спокойствие заставило меня волноваться. Таким спокойным может быть лишь человек, который уверен в своей правоте, — подумал я тогда. Ярость превратилась в оцепенение.

А водитель все так же крутил баранку, и ночь окружала нас. Ей были пропитаны фонарные столбы и окна домов, витрины закрытых ресторанов и танцевальные залы клубов. Мне казалось, будто я вижу сон наяву.

— Не надо... не надо угрожать мне, — дрожа голосом, сказал я.

— Я не угрожаю. Я говорю, как есть..

— Но что тебе нужно взамен? Что? Ответь мне! Ведь все на этом свете имеет цену. Сколько? Скажи!

— О, — протянул водитель. — Нет. Кроме твоей личности мне больше ничего и не нужно. Все остальное — это лишь иллюзии. То, что ты продаешь своим клиентам в тридорога. Но меня ты не обманешь, нет.

Свет луны был обманчив. Обманчивыми были мои мысли. Мой двойник заставил меня сомневаться в том, в чем я был уверен многие годы.

— Прибыли, — сказал водитель, когда такси остановилось около входных дверей дома, в котором я жил. — Денег не возьму. Твоей личности мне будет достаточно. Удачи!

Глядя вслед уезжающему такси, я начинал ясно понимать, что сидел не в какой-то случайной машине, а в своей собственной. Седан небесного цвета растворился на стыке света фонарных столбов и тьмы, выбиравшейся из маленького проулка, в котором кому-то

отсасывала грязная проститутка. Быть может, и у нее было мое лицо. Я не мог знать наверняка.

***

Это случилось очень быстро. Фигура, столь знакомая мне, поднялась надо мной и исчезла спустя секунду. Остался лишь вой ветра.

Я еще долго смотрел на то место, где видел своего собеседника в последний раз. Меня не мог отвлечь даже женский крик, доносившийся с улицы. И отблески сирен в окнах соседних высоток казались лишь дополнением к блеску реклам и неоновых вывесок. Ночь окутала меня, внутреннее тепло разбежалось по телу. Оно достигло кончиков пальцев. Вены набухли, сердце стало биться чаще.

Я знал, что Макс сделает это. Долгими ночами, сидя рядом с пропастью и выпивая по несколько бутылок вина, я ждал, когда его, наконец, охватит чувство тревоги, столь знакомое мне самому. Иронично. Мне же оставалось играть роль уверенного в себе человека, хоть я и сам был насквозь пропитан сомнениями. Я чувствовал себя бедолагой, которого сильный ливень застал посреди поля.

Смерть Макса принесла мне некоторое облегчение. Да, я не переживал, а наслаждался состоянием причастности, таким хрупким и скользким. Я дотронулся до его смерти лишь краем пальца, по касательной траектории. Это было слишком незаметно для остальных, скрыто, интимно.

Лиля спала в постели, как и прежде. Я вошел в комнату и, не раздумывая, коснулся губами ее плеча. Она стала ворочаться. Сквозь маску сна на ее лице проступила улыбка.

Несколько дней подряд мои страхи безжалостно терзали меня. После поездки по ночному городу в компании самого себя, а если быть точнее, самозванца, который беспардонно украл мою личность, я стал опасаться всех, кто меня окружал. Толпа незнакомых людей казалась западней, а во взглядах своих собеседников я видел лишь коварство. Я оглядывался назад, но, к слову, видел лишь пустые коридоры и безликие улицы. Никто не преследовал меня, но дух подозрительности шептал мне на ухо, снова и снова. Я боялся потерять самого себя.

Всего за пару дней до инцидента я долго и внимательно смотрел на Макса. Он, как и прежде, сидел на кухне и пил кофе; я же стоял в дверях, вдыхая и выдыхая воздух как можно тише. Я разглядывал каждую морщинку, каждый изгиб его лица, подмечая при этом все новые и новые признаки нашего с ним сходства. Пальцы моих рук немели от странного возбуждения. Именно в тот момент я понял, что действительно хочу его смерти.

Макс и подумать не мог, что я нахожусь где-то поблизости. Я был подобен привидению, поселившемуся в стенах своего собственного дома, пристанища когда-то живого тела. Я терял оболочку, уходил из пределов материального состояния. Закидывая в рот таблетки, я надеялся, что снова почувствую твердую почву под ногами. Но тому не суждено было случиться. Ветер нес меня вперед, туда, где смерть имела совершенно иные формы.

Я все чаще и чаще стал вспоминать Ивана Капустина и его игры со смертью. Он научил меня быть практиком своей жизни, видеть ту линию, которая пересекает жизнь каждого из нас. Иван Капустин сделал свой выбор. Он выбрал смерть. Я же захотел пойти намного дальше. Я захотел стать реальным, и для этого я был готов избавиться от каждого, кто мог встать на моем пути. Первым из них был Макс.

Следующим стал Артем. И если к Максиму я испытывал почти невесомое, но все же имевшее место быть чувство зависти, граничащее с желанием быть раздавленным неопровержимыми фактами своего отсутствия в этом мире, то к Артему — топорную ненависть. Я не мог позволить, чтобы кто-то подобный ему завладел моей личностью.

Как и прежде, после ужина в забегаловке мы направились к нему домой. Знакомые пейзажи, горящие ночными огнями на руинах разбитых надежд, напоминали мне о том, зачем я иду к Артему домой, и о той ненависти, что жила внутри меня.

Я смотрел на его салюные волосы, на его жирный, грязный лоб и уши. Сухие, потрескавшиеся губы его пробуждали во мне жажду. Краснота глаз вызывала отвращение. Я не хотел узнавать в нем самого себя. Я хотел порезать его лицо в клочья обыкновенным канцелярским ножом, сделать это неаккуратно. Я хотел срезать с него все то, что делало нас похожими.

— Тебе сделать? — предложил он мне, указывая на пока еще пустой шприц.

Я недолго подумал. Кивнул.

— Давай.

Я наблюдал за тем, как Артем подготавливал все необходимое. Как и всегда, он был предельно аккуратен. Его руки, пораженные вечным тремором, в тот момент напоминали мне руки пианиста. Пальцы работали аккуратно и уверенно. Не дрожала ложка, в которой готовился раствор. Пламя зажигалки, как символ умиротворения, обволакивало ее. Так мужчина обволакивает женщину жаром своей любви в минуты страсти и единения.

Артем аккуратно набрал полученный раствор в шприц, после чего положил его рядом со мной, на небольшой журнальный столик, повидавший уже немало приходов. Кивнув мне, он снова взял в руки ложку для того, чтобы приготовить раствор. Белый порошок чуть осыпался на столик. Приготовив вторую дозу и положив ее рядом с собой, Артем перетянул руку выше локтя медицинским жгутом и несколько раз сжал кулак. Вены проступили на бледной коже. Они напомнили мне о жаждущих крови хищниках где-то в саваннах Центральной Африки.

— Смотри, — произнес я, давая установку самому себе.

И я смотрел. Смотрел, как опустошается шприц. Смотрел на то, как его глаза в минуту наслаждения медленно закрывались. Я будто бы ощущал, как у меня самого в груди лопался шарик, а тепло распространялось по всему телу. Руки и ноги, лицо и торс — все стягивали тонкие и мягкие нити кокона, который укрывал меня от любых проблем.

Я испытал совершенно странное, необыкновенное ощущение. Оно было похоже на хороший оргазм. Мрачность помещения, в котором мы с Артемом находились, сменилась чистотой линий. Я ощутил идеальную симметрию мира самыми чувствительными точками своего тела. Мне захотелось еще.

Взяв в руки шприц, я подошел к лежащему на кровати Артему. Его рука была вытянута чуть вперед. Она будто бы призывала меня ввести в вену новую дозу. След от прошлой инъекции все еще багровел на бледной коже, и мне это нравилось.

Я перетянул руку Артема жгутом так сильно, что мне показалось, будто кожа его стала трескаться, обнажая миру окровавленные мышцы. Он ничего не чувствовал в тот момент — ощущение прихода от героина все еще выгуливало его под облаками, на высоте, недоступной для трезвого разума.

Меня трясло так, будто бы передо мной стояла голая девушка, в которую я был влюблен в школьные годы. Будто бы мне было всего шестнадцать, и я еще не имел никакого

сексуального опыта, был совершенно трезв и не особо понимал, что нужно делать. Как будто я не мог оторвать взгляд от ее твердых сосков и ложбинки между бедер, которая так сильно манила меня. Я хотел исследовать контуры ее тела, но не мог понять, с какой стороны подступиться. Горло мое пересыхало, руки становились холодными, так что первые прикосновения теряли теплоту невинности, становились весьма грубыми и, в то же время, очень неестественными.

Я держал в руке шприц, содержимое которого было предназначено для меня. Артем готовил раствор с самыми благими намерениями, но он не знал, что я собираюсь сделать. Он не мог знать ничего, потому что он не был мной. Он не мог читать мои мысли, чувствовать то, что чувствую я. То была великая привилегия. Он мог бы стать мною, но оказался слишком слаб для этого. Я должен был преподать ему урок.

— О, расслабься, — говорил я так, будто собирался выплеснуть свое семя на его лицо. — Ни о чем не беспокойся. Ты почувствуешь такое удовольствие, которое не чувствовал никогда в своей жизни... в своей никчемной, грязной жизни, сукин ты сын...

Присев перед спящим Артемом на колени, я нащупал вену, ввел в нее иглу и медленно выдавил содержимое шприца. То был момент блаженства для меня.

— Да... разойдитесь, облака... свети, солнце... все будет хорошо...

Я повторял эти слова снова и снова, стоя на коленях перед Артемом. Первые судороги были еле заметны. Мне казалось, будто в давно умершем теле стали проявляться первые признаки жизни. Движение. На самом деле, все было иначе. Смерть проявляла свои первые признаки. Движение.

Быть может, смерть проявляет себя еще при рождении человека. Быть может, она появляется только после жизни. Быть может, все это одно и то же. Как бы кто ни относился к данному вопросу, можно сказать лишь одно: узнать правду каждому суждено в свое время. Я отправлял Артема на поиски правды, в вечное путешествие. Я чувствовал себя практиком этой жизни.

Судороги усиливались. Беспомощная рука, подобно плети, пронеслась у меня перед лицом, оттого я попятился назад и упал на пол. Артем затрясся так, что кровать начала ходить ходуном. Из его рта полезла пена цвета слоновой кости. Она пачкала и без того грязный плед, который согревал тело Артема холодными ночами.

Я с крайней степенью дотошности наблюдал за каждым новым движением неконтролируемого разумом тела. Вот оно, — говорил я себе. Тем временем глаза Артема закатились, а рука бессильно свисла с кровати.

Мне показалось, что после смерти черты его лица немного изменились. Не те губы, не тот нос. Не те скулы, что видел я каждое утро в отражении. Но я все еще не мог сказать, что это, определенно, был другой человек, не похожий на меня ни внешне, ни внутренне. Я не мог сказать, что это была другая смерть.

Я еще долго смотрел на бездыханное тело Артема, сидя на полу и положив ладони на колени. Мне хотелось прочувствовать тот момент как можно сильнее. Почувствовать всю глубину, раствориться в этой самой глубине, приняв совершенно иную форму.

Вдруг на меня что-то нашло. Плохо помню, что на самом деле случилось в моей голове в тот момент. Наваждение ли то было, или просто прихоть воспаленного разума? Помню лишь щелчок, как будто кто-то выключил в комнате свет. Я взял использованный шприц в руку и, замахнувшись, ударил им по лицу Артема.

Игла пробила веко и вошла в глаз. От испуга и восторга я открыл рот и закричал,

дыхание мое сбилось. Отпустив шприц, я попытался назад. По телу пробежался приятный холодок, похожий на онемение. Быть может, так немела моя душа. Точнее, ее остатки.

Пораженный странным и слишком безумным желанием, я стал рыться во всех ящиках и ящичках, которые только были в квартире. Я лез в чужую пыль, в чужую грязь, накопленную многими годами абсолютно бессмысленной наркоманской жизни. Я хотел увидеть блеск лезвия.

В конце концов, я нашел канцелярский нож. Ничем не примечательный предмет современного быта, который, если хорошо поискать, можно найти в почти каждой квартире. Для меня же в тот момент он являлся чем-то вроде ритуального оружия, с помощью которого я должен был совершить жертвоприношение богам моего безумия.

Подбежав к бездыханному телу Артема, я упал на колени и, примерившись наспех, резанул по щеке. Тонкая бледная кожа медленно разошлась, выпустив наружу медленно остывающую кровь. Она была чуть солоноватой на вкус.

Я провел лезвием ножа по другой щеке, пытаюсь нарисовать круг. Получилось не слишком удачно, отчего я разозлился и стал беспорядочно кромсать лицо. Кровь попадала на мои руки и мою одежду, но мне было все равно.

Когда лицо стало похоже на кровавый кусок мяса, я успокоился. Стерев со лба капли пота грязным рукавом рубашки, я отсел в сторону, кинул нож и выдохнул. Капли крови звучно падали на пол, будто бы отбивая ритм времени, данного мне. Кап-кап.

***

Проходя вдоль автострады, я смотрел на фары автомобилей, несущихся вперед на бешеной скорости. Мои руки были в крови, но никто не замечал этого. Как будто всем было наплевать на то, что я совершил убийство. Как будто все это было не по-настоящему.

Я смотрел на картонные коробки высоток, скребущих небо своими острыми шпилями. Рваные облака, гонимые ветром, на фоне темного неба были похожи на чернильные пятна. Искусственная зелень деревьев, их пластмассовые стволы — это и многое другое наводило меня на мысли о нереальности окружающих меня событий и мест; тех людей, с которыми я разговаривал, работал, занимался сексом и пил. Демоны, вылезающие из грязи под моими ногами, снова и снова пытались затащить меня вниз. Они знали о том, что я совершил нечто ужасное.

Я совершил то, после чего небесные врата для меня стали закрыты уже навсегда.

«Любовь. Недорого». Надпись на приваренной к фонарному столбу железной пластине. Вшитая в карту города отметка, на которую я обращал внимание каждый раз, когда ехал в сторону дома. Могу поспорить, что мало кто обращал внимание на эту надпись, как и на номер телефона, указанный чуть ниже. Я же смотрел на нее каждый день, и каждый день она наводила меня на мысли о тщетности моих стремлений быть хорошим и порядочным человеком. Все уже давно было потеряно, еще до меня. Мне же оставалось только подбирать кусочки разбитого хрусталя, некогда принадлежавшего прекрасным людям, давно канувшим в лету, и резать этими острыми кусочками подушечки пальцев. На запах крови сбегались хищники. Они ведь прекрасно чувяли запах. Мне в этом мире делать было совершенно нечего.

Быть может, я просто врал себе. Быть может, в глубине своей души я изначально был плох. Какой-то неясный мне замысел был в каждом моем движении, в каждой моей фразе.

Философия манекенов, раздетых в бессмысленные одежды. Блуждая между ними, я думал об истоках моих отличий. Кто или что сделало меня настоящим? Подходя к

манекенам вплотную, хватаясь за их одежды, я задавал вопросы, на которые они не хотели давать ответы. Меня отшвыривали в стороны, на меня кричали, грозились вызвать полицию. Но как мог я бояться этого искусственного мира, этих иллюзий, которые я продавал не один и не два года?

Услышав детский плач, я оторопел. Я прижался к стене, будто испугался стаи собак. Молодая мать, везущая своего ребенка в небольшой коляске, настороженно посмотрела на меня. Я кивнул ей в ответ, но не решился посмотреть на ребенка. Я боялся увидеть те глаза, что снились мне в моих ночных кошмарах.

Губная помада на моих пальцах была похожа на кровь. Неудивительно, что никто не обращал на меня никакого внимания. Подумаешь, свихнувшийся. Таких в обществе, практически живущем на антидепрессантах, пруд пруди. Измазался помадой, когда пытался познакомиться, или расстаться. Сколько людей, столько и мнений.

Грязные бары, квадратные лица охранников на входе. Злачное местечко, где всегда можно раздобыть выпивку и плоть на одну ночь. Стать другим человеком, или вообще перестать быть человеком.

Мне казалось, что меня обчистили всего, буквально до ниточки на моем пальто. Как в том такси, водитель которого украл мою личность. Я смотрел на лица манекенов, окружавших меня. Они были злыми, порой просто безразличными.

Я спрашивал себя о том, как я умудрился упасть так низко. Почему мне пришлось целовать грязный асфальт, по которому прошло так много людей? Память не могла пробиться сквозь толстые стены преград, выстроенных моим подсознанием. Баррикады моей жестокости были окружены огнями моих ошибок.

Кто-то толкнул меня в спину. Я обернулся и увидел самого себя, широко улыбающегося и кричащего ругань на всю улицу. Я ненавидел самого себя, толкал, бил по телу. Угрожал.

Лица превратились в одно сплошное месиво. Кожей покрывалось пространство между людьми. Она растягивалась, рвалась, оставалась на асфальте, падала в мутные воды рек и каналов, разрывающих город на части. Под кожей рождалось чудовище.

Лица кричали на меня, гнали прочь с улиц. В каждом из них я четко видел черты своего собственного лица. Почему все они ополчились против меня? Неужели я не принадлежу их стае? Неужели со мной что-то не так?

Я убил Артема из страха потерять самого себя, но, в то же время, я боялся отделиться от общества, перестать быть частью чего-то всеобъемлющего, стирающего все грани и силуэты. Во мне существовало два начала, которые не давали разуму жить спокойной жизнью. Что же настроило эти два начала друг против друга?

Бегун уже давно закончил свой бег. Он шел спокойным шагом, восстанавливая дыхание и ополаскивая горло водой из пластмассовой бутылку. Его лицо покрывали капли пота.

Я остановился перед ним в нерешительности. Теперь, нагнав его и столкнувшись с ним лицом к лицу, я не мог ничего сказать. Вся моя злоба и все мое негодование превратились в пар, исходящий из моего рта.

Бегун попытался обойти меня, но я преградил ему путь. Я не знал, что у него на уме, потому решил ринуться в бой. Толкнул его в грудь, пошел на него.

— Да что с вами?! — завопил он моим голосом. Черная жидкость внутри меня готова была бить фонтаном.

— Отдай мне мое лицо! — заорал я.

Бегун упал на землю. Я наслаждался его позой, весьма эротичной. Я чувствовал власть над ним, пропитывался ею, как пропитывается губка жидкостью. Мое эго разбухало, и никому другому не оставалось места рядом со мной.

— Отдай мне мое лицо! — повторил я.

— Вот... у меня мало денег, — бегун трясущейся рукой вынул из кармана смятые купюры. Они упали на асфальт и их унесло ветром. — Больше нет. Я каждый день выбегаю в это время, и не беру с собой деньги. Поймите, у меня ничего нет...

— У тебя есть мое лицо! Откуда ты взял его?! Кто продал тебе мое лицо?!

Я схватил бегуна и подтянул к себе. Адреналин ускорил работу сердца. Оно билось так быстро, что, казалось, готово было выскочить из груди. Руки и лицо мои налились кровью.

— Говори!

Я видел слезы на лице бегуна. Они меняли структуру его кожи. Стекающая по щеке капля растворяла верхний слой, под которым был другой. И цвет, и структура того слоя кожи были совершенно другими.

Испугавшись, я отбежал от бегуна. Совершенно другое лицо, совершенно другой взгляд. Я затрясся. Испуг взял свое. Я говорил себе, что это всего лишь вымысел. Галлюцинации. Говорил себе, что это смесь таблеток и алкоголя. Я хотел как можно скорее выплеснуть из себя все это.

Засунув два пальца в рот, я машинально наклонился. Из меня рванула жижа мутного цвета. Ее было слишком много. Я не мог остановиться.

Тем временем бегун подорвался с места и показал свою рекордную скорость. Я не хотел его преследовать, да и не мог. Меня скрутило так сильно, что я повалился на асфальт. Легкие конвульсии поразили мое тело. Отказали пальцы рук, онемел язык. Я не чувствовал страха, как это случалось раньше во время приступов. Я не чувствовал уже ничего, кроме боли.

Очнулся я за столиком какой-то грязной забегаловки, название которой я не могу вспомнить. Уткнувшись лицом в стол, я проспал достаточное количество времени. Мысли пришли в норму. Конечно, этот вывод весьма относителен. Действие химии не проходит в один миг. Не по щелчку пальца.

За соседним столиком сидела молодая девушка. Взгляд ее был сонным и нетрезвым, как и у многих девушек в то время суток. Было утро.

Я заметил, что ее колготки были порваны в нескольких местах. Нетрудно было догадаться, что к ней грязно приставали. Она отбивалась, и это было заметно по кровоподтекам на запястьях ее рук.

Я тряхнул головой, будто бы отмахиваясь от навязчивых мыслей, чем привлек внимание девушки. Нет, мне не хотелось подружиться с ней и занять короткую, но бурную интрижку, или просто поиметь ее в грязном туалете забегаловки. Нет. Что-то другое влекло меня к ней. Чувство это было ненавязчивым, но глубоким.

Я подошел к стойке официанта и попросил два кофе. Невзначай указал пальцем на столик, за которым сидела девушка. Кивнув, официант принялся готовить кофе, а я подошел к столику и поздоровался с девушкой.

Она ответила мне безразличным взглядом и отвернулась. За окном можно было заметить последние отблески бурной ночи. Молодежь брела в сторону станции метро, еще

не открывшей свои двери для ночных гуляк и зевающих утренних работяг. Ушные таксисты бродили из стороны в сторону, выискивая взглядом какого-нибудь затерявшегося бедолагу, которого можно было бы спокойно развести на деньги. Не слишком приятная утренняя суета.

Я присел напротив девушки. Она снова окинула меня безразличным взглядом. Я подумал, что стоило бы для начала объясниться.

— Просто мы оба не в лучшей форме, — я криво ухмыльнулся. — Взял тебе кофе. Не помешало бы взбодриться.

— Да пошел ты... — ответила она.

Официант принес нам кофе. На вкус оно было не лучше, чем расплавленная резина. Пара потасканных женщин за другим столиком о чем-то живо спорили. Я кинул на них резкий взгляд и сделал глоток кофе. Моя новая собеседница не торопилась присоединиться ко мне.

— Что тебе нужно? — спросила она меня не самым вежливым тоном.

— Я же сказал: просто выпить кофе. Что у тебя случилось?

— Не твое собачье дело!

Она отвернулась.

— А я вот человека убил, — сказал я как будто бы между делом.

Девушка снова повернулась ко мне. Вид у нее был озадаченный.

— И что, об этом нужно рассказывать каждому встречному?

На вид ей было не больше восемнадцати. Я, несмотря на свой более чем средний возраст, чувствовал себя стариком в ее компании. Потому и агрессивная манера ее общения ставила меня в тупик.

— Э... нет.

— Тогда зачем ты сказал мне об этом?

Я промолчал. Сделал глоток кофе. Девушка тоже взялась за кружку. Она отпила немного, после чего выражение ее лица смягчилось, будто в кружке был не кофе, а волшебный эликсир, способный исцелять души.

— За что ты убил того человека? — спросила она меня после некоторого молчания. Я осекся.

— Эмм... ну... он был слишком похож на меня.

Девушка хмыкнула в ответ. Было похоже, что я немало развеселил ее.

— Ты забавный, — сказала она. — И что, теперь ты будешь скрываться от полиции?

— Да нет. Не думаю. Знаешь, буду стараться жить так, как раньше. Если получится, конечно, — я призадумался. — У тебя никогда не бывало такого ощущения, будто все, что тебя окружает, выдуманно? Будто все эти стены, и эти люди — всего лишь фикция. Не бывало?

— Каждый день, — резко ответила мне моя новая собеседница. — Особенно это касается тех мудаков, которые сделали со мной это, — она указала жестом руки на разорванные колготки.

— Они приставали к тебе?

— Нет, кофе предлагали выпить! — съязвила девушка. — Конечно, они приставали. Разве не видно?

Я кивнул в знак согласия. Пересекся взглядом с официантом, который мимолетно оглядывал нас. Осознав, что его слежка раскрыта, он принялся заниматься своими делами. Я

выпил еще немного кофе.

— Что ты вообще делаешь в такое время в этом районе? — спросил я свою собеседницу.

— Не строй из себя папашу! — резко ответила она. — Мне уже есть восемнадцать. Захотелось прогуляться как следует. Подруги куда-то укатили, — она озадаченно посмотрела по сторонам, будто бы пытаюсь найти какую-то важную вещь. — И вот... я здесь.

Несмотря на всю свою резкость, моя новая знакомая показалась мне весьма и весьма милой. За твердой оболочкой, как это обычно и бывает, скрывается нежная душа. Мне безумно хотелось, чтобы эта душа была чиста и прекрасна. Она могла заставить меня верить во что-то хорошее и светлое.

Я думал, что моя дочь могла бы стать такой же, как она. Ей было бы восемнадцать — трудный возраст, время перемен. Я был бы уже совсем немолод и, вероятно, чуточку мудрее. Мое сердце сжималось бы при одной мысли о том, что с моей дочуркой может что-то случиться на злых улицах города. Поистине, безгранична родительская любовь. Я чувствовал ее сквозь призму времени и обстоятельств. Я проецировал ее на малознакомого мне человека, которого ветрами судьбы занесло в ту же гавань, что и меня самого.

Но что случилось с моей дочерью? Почему я не мог коснуться ее теплой руки, посмотреть в ее юные и прекрасные глаза? Что скрывал я за баррикадами своей жестокости?

— Знаешь, мы с тобой чем-то похожи, — сказал я девушке.

— Да? Разве что остатками помады на губах, — она усмехнулась. — Ты не извращенец ли часом? Или твоя подружка настолько страстная?

Я машинально дотронулся пальцами руки до своих губ и стер все, что могло выставить меня не в самом лучшем свете. Помада... Дина... Секс. Химия отпускала меня, и я забывал то, что происходило на протяжении ночи. То была защитная реакция моего подсознания, не иначе.

— Почему ты не едешь домой? — спросил я.

— Жду, когда откроется метро. Или когда папаша мой соизволит побеспокоиться о своей блудливой дочурке. Какая тебе разница? Если ты на что-то рассчитываешь, то можешь сразу идти лесом. Нет...

— Я просто хочу тебе помочь! — твердо и несколько обиженно объяснился я. — Неужели в это так трудно поверить?

Немое молчание. Я читал в ее глазах вопросы, которые она не решалась задавать вслух. Впервые за время нашего недолгого общения лицо ее преобразилось из агрессивно-дерзкого в мило-растерянное. Нежный румянец проступал под бледной кожей, отравленной алкоголем и сигаретами. Чуткие нежные губы еле заметно подрагивали.

— Просто вокруг так много мудаков, что уже и верить никому не хочется, — ответила она. — Знаешь, я даже думала, что влюбилась в того парня... а он чуть ли не силком затащил меня в туалет и начал раздевать. Мудак... И еще его дружки...

— Людям свойственно ошибаться.

Кофе было выпито. Я предложил девушке заказать десерт, но она робко отказалась. Я не стал настаивать — в конце концов, я должен был быть признателен ей за то, что она подпустила меня к себе. За непривычно легкое для меня общение, подернутое пеленой утреннего тумана.

Я предложил пройти по набережной. Она кивнула в знак согласия, но сразу предупредила, что у нее в сумочке газовый баллончик, который она незамедлительно пустит в ход при первых же опасениях. Я сказал, что не особо в восторге от перечной мяты. Она

улыбнулась.

Чайка взмыла в небо. Признаки нового дня поблескивали в закрытых окнах, разливались по водной глади реки. Кое-где еще оставались льдины. Одиноким рыбак стоял около воды с удочкой. Он казался мне истинным признаком жизни в этом отрешенном, приглушенном мире.

— Ну а что тебя занесло в этот район? — спросила меня моя спутница.

— Наверное, то же, что и остальных: желание потеряться.

— Хм... я думала, люди приходят в бар, чтобы хорошенько надраться и поболтать о всякой всячине. У тебя слишком романтические мысли.

— Вот как? Не думаю, что я сошел бы за романтика.

Утренняя прохлада залезла под одежду, отчего кожа покрывалась мурашками. Несмотря на это, я не чувствовал дискомфорт. Напротив, мне было легко и приятно идти по набережной, встречая новый день. Как будто за ночь я вылез из своей мерзкой оболочки, буквально разорвал ее на части.

Я предложил ей добраться домой на такси. Недолго думая, она согласилась. Выставив руку в сторону, я стоял у проезжей части и встречал взглядом каждую проезжающую машину. Я смотрел на лица людей, задумчивые и расслабленные, серьезные и рассеянные. Никто не был похож на меня, и я улыбался, осознавая, что снова могу побыть самим собой. По крайней мере, хоть какое-то время.

— Ты, наверное, хороший человек, — сказала девушка, залезая на заднее сидение такси. Я промолчал.

Оглядев водителя, который, к слову, не показался мне подозрительным, я закрыл за ней дверь. В момент прощания я подумал о том, что, так и не спросив ее имя, я лишь упростил себе задачу. Два незнакомца, оставшиеся в памяти этого города. Пусть будет так.

Помахав рукой на прощание, я пошел своей дорогой. Мне хотелось вернуться домой.

***

С рождением Ксении, нашей дочери, Наши С Лилей Жизни Изменились. Я мог бы сказать, что Изменилась Наша С Лилей Жизнь, чем подчеркнул бы всепоглощающее единение наших душ, которое могло бы случиться. Сказав так, я дал бы вам намек на то, что жизнь у нас была одна на двоих. Но все было иначе.

Будучи еще студентом, я услышал от своего преподавателя по экономическим наукам одну фразу, которая прочно засела в моей голове. Он сказал мне, что с рождением ребенка меняется не сама жизнь, но отношение к ней. Зачав ребенка и наблюдая за тем, как округляется живот Лили, временами страдающей от токсикоза и тошноты, я все думал и думал над словами своего преподавателя. Касаясь пальцами рук тонкой кожи, под которой скрывался новый человек, я вздрагивал где-то внутри самого себя, потому что не знал, что этот человек принесет с собой в наш мир. Я не знал, что принесет он в наш с Лилей мир.

Рождение Ксении принесло мне некоторое спокойствие. Глядя на ее маленькие ручки, хватающие воздух, как будто он был осязаем, я не думал ни о чем, кроме красоты мира. Можно сколько угодно спрашивать самого себя о том, насколько жестоки могут быть люди, но, наблюдая за рождением новой жизни, невозможно не поверить в прекрасное начало, живущее в каждом из нас и нуждающееся в подкреплении и подтверждении своего существования добрыми делами и светлыми идеями.

Я наблюдал за тем, как меняется Лилия. Момент привыкания к новому состоянию, если

так можно выразиться, был отмечен несколькими серьезными ссорами. Несмотря на ожидание беременности, мы оба не были готовы к ней и пугались чего-то, о чем и сами не догадывались.

Взгляд Лили изменился. Раньше мне казалось, что она принадлежит лишь мне одному. Да, во мне играло чувство собственности, помноженное на мои комплексы, шедшие еще из детских лет, и ее необычайную красоту. После рождения дочери я ощутил, что не только я один имею право на Лилю, как бы странно это ни прозвучало. Пришло время делить и разделять.

Моя дочь росла. Мне казалось, что вместе с ней расту и я сам. Появлялись проблемы, которых не было раньше. Появлялась радость, новую форму которой я не знал раньше. Все менялось.

Я любил свою дочь. Я любил свою жену. В минуты сомнений я говорил себе, что все идет своим чередом, что все правильно. Но можно ли считать что-то правильным, а что-то неправильным, когда есть лишь точка зрения большинства и нормы морали, выстроенные когда-то совершенно иным порядком? Я сомневался, но я любил искренне.

Мы были похожи на семью из светской кинохроники. По крайней мере, мне хотелось так думать. Красивые родители, прелестная дочка. Присутствие вкуса, денег, секса. Мне казалось, что мы отличаемся ото всех, кто нас окружал. Быть может, так я хотел лишить себя тяготящего ощущения «слишком правильно выстроенной жизни».

Да, мне казалось, что все слишком идеально, но, при это, слишком примитивно. Наши с Лилей мелкие бытовые ссоры не были чем-то громогласным и ужасным, таинственным и грязным. Это были обыкновенные ссоры обыкновенных людей из-за самых обыкновенных вещей. Ничего более. Я же думал, что мы должны жить жизнями героев приключенческих романов. Я все больше и больше уходил в свой мир иллюзий.

Я был барыгой, подсевшим на собственный товар. Ощущения с новой силой возвращались ко мне, когда я находился в комнате, где меня окружали ненастоящие люди. Они говорили мне ненастоящие слова, испытывали ненастоящие эмоции. Вместе с ними и я становился ненастоящим, хоть и ощущал себя я более чем реальным и естественным. Метаморфозы жизни.

Впервые воспользовавшись услугами компании, в которой работал, я испытал чувство восторга и страха одновременно. Я боялся признаться в своем новом опыте Лиле, как будто согрешил с другой женщиной. Я не мог сравнивать эти два чувства, потому что не изменял своей жене, хотя и мог бы. Я мог бы стать тем, кем не хотел становиться. Можно называть это судьбой, или же личным выбором. Я был теоретиком своей жизни, и не претендовал ни на что другое.

Именно тогда я начал становиться кем-то другим...

Часть третья

***

Макс был мертв. Артем был мертв. Я не покидал квартиру целую неделю. Бродил по ней, словно призрак, не находящий покоя.

Глядя с высоты десятков этажей на город, я пил вино и слушал британскую рок-музыку середины 2000-х годов. U2, Keane, Stereophonics, The Kooks. Старался выбирать мелодичные, порой даже меланхоличные композиции. Они полнее всего могли передать мое внутреннее состояние.

Я старался записывать все свои мысли на листы бумаги. Ветер, внезапно обрушаясь резкими порывами, то и дело пытался вырвать их у меня из рук.

Мой смартфон был выключен после сотового звонка, оставшегося без ответа. Я не хотел ни с кем разговаривать. Даже не предупредил Геральдину о своем внеплановом отпуске. Единственным признаком жизни во внешней среде была Лиля.

Она говорила мне что-то, но я будто бы находился под водой. Брови ее нередко сдвигались, давая мне понять, что она не в духе. Я не понимал то, что она пыталась до меня донести. Я мог слышать только свой внутренний голос. И все.

Шелест пластины с таблетками давал мне понять, что лучше уже не будет. Тем не менее, я пару раз находился в состоянии панического припадка. Оно возникало из неоткуда. В такие моменты Лиля напряженно смотрела на меня, не зная, чем помочь. Один раз она ни с того, ни с сего заплакала. Я хотел было успокоить ее, но судорога свела мою руку. Я перестал ощущать собственное тело, а к голове мощным снарядом рванул страх. Я упал на пол и согнулся.

В одном из своих беспокойных снов я шел по океанариуму. Залы и коридоры были пусты, как и аквариумы. Не было ни рыб, ни людей.

Блуждая в полутьме коридоров, я наткнулся ногой на какой-то предмет. Опустив взгляд, я увидел черный портфель, когда-то принадлежавший Ивану Капустину. Его содержимое по-прежнему не давало мне покоя.

Я огляделся по сторонам. Убедившись, что рядом никого нет, я опустился на колени и взял в руки портфель. Несмотря на внушительные размеры, вес он имел отнюдь не большой. Приятный на ощупь, недешевый, как и тревожные фантазии его покойного владельца.

Открыв портфель, я опешил. По телу пробежала дрожь.

Я взял в руки игрушечную акулу. Размером своим она была не больше обыкновенной шариковой ручки. В таких пропорциях она не казалась свирепой; наоборот, выглядела она очень даже мило. Но моя память вспыхнула яркими красками смерти.

Кроме игрушки, в портфеле лежали фотографии, на которых была изображена счастливая семья. Отпуск. Южное солнце. Красивое море на заднем плане. Счастливый глава семейства, его жена и ребенок.

Главой семейства был Иван Капустин. Тревожное чувство охватило меня. Я поднял взгляд, и увидел, как аквариумы начали стремительно наполняться кровью. Она казалась мне вязкой, липкой.

Я проснулся...

Геральдина долго и пристально смотрела на меня своими усталыми глазами. Я прекрасно понимал, что ей не доставляло особой радости сообщать мне неприятную новость. В тот момент я даже смог различить каплю сострадания в ее бездонном взгляде.

— Я вынуждена попросить тебя, — говорила она. Я сидел в кресле напротив ее письменного стола и с изумленным выражением лица старался выдавить из себя хотя бы слово. Все было тщетно.

Реальность все дальше и дальше отодвигалась от меня. Некоторым людям кажется, что стены давят их, подобно огромному железному прессу, сминаящему покореженные колымаги на какой-нибудь пригородной свалке. Я же ощущал, будто стены разъезжались в стороны, оставляя после себя лишь пустоту, заполненную светом. Я прищурился.

— Я вынуждена попросить тебя освободить кабинет, — продолжила Геральдина, отстранив взгляд. — Но хочу сказать, что это не моя прихоть... не думай ничего...

— И чья же это прихоть? — спросил я.

Она выдержала паузу. Вероятно, пыталась выстроить предложения в ровные ряды, чтобы все выглядело как на параде в День Победы. Стройно, отточено. Она постоянно делала так, но раньше это не вызывало во мне столько гнева.

— Ты ведь помнишь о том, что случилось в VIP-комнате мэра? О том видео, которое попало в сеть? Так вот, было проведено расследование. И ты в числе подозреваемых.

Не знаю, почему, но первым делом я подумал о Дине. Я вспомнил ее спину, покрытую каплями пота, ее влажные губы, ее твердые соски. Что-то внутри меня буквально кричало об ее причастности к этому тайному заговору, целью которого являлось устранение меня из мира материи.

Тем не менее, я не мог скинуть на нее всю ответственность. Я не верил своему внутреннему голосу. Сомнения пронизывали меня подобно вилам моих врагов. Они окружали меня. У всех них было одно и то же лицо. И я знал это лицо слишком долго.

— Но... я этого не делал! На кой черт мне понадобилось бы выкладывать это видео?! Просто подумай сама!

— Я верю тебе. Но этого недостаточно. У тебя был доступ к комнате, ко всем прилегающим помещениям. Им этого достаточно.

— Может быть, все дело в нас?! — с долей ненависти задал я свой вопрос. — Что не так?

— Нас нет, — твердо сказала Геральдина. Ее глаза вспыхнули холодным пламенем. — И не вздумай проболтаться об этом кому-нибудь из компании.

— А то что? Уволишь меня?! Так ты уже сделала! — вспыхнул я. — Да и к черту! — я встал из кресла и направился к двери. — Только пораскинь мозгами, чертова кукла! Это мог быть кто угодно. Любой мог пробраться туда, и ты сама прекрасно об этом знаешь! Туда могла попасть даже Дина...

Я осекся. И не потому, что Геральдина кинула на меня презрительный взгляд. Я произнес имя своей любовницы в пылу разговора, как будто бы между делом, но, тем самым, выставил ее на амбразуру в самый разгар тяжелой битвы. Пули свистели над головами, разрывались снаряды. Земля засыпала наши обожженные огнем войны лица.

— Дина, — повторила Геральдина. — Дина... — она приблизилась ко мне. Ее шаги были медленны и вкрадчивы. — Ты сумасшедший! — она провела пальцем по моему небритому подбородку, посмотрела в мои глаза. — Раньше я думала, что все твои причуды с

переодеваниями, и эти покрашенные губы, и твои припадки — что все это твой способ уйти от реальности, отдохнуть. Теперь я вижу, что ты не можешь ничего контролировать. Ты просто свихнувшийся кусок дерьма!

Я хотел ударить ее по лицу. Силы моей руки было бы достаточно для того, чтобы она отлетела на стол и завалилась на пол со всеми своими многочисленными бумагами и бумажками, ультрамодным ноутбуком и автоматическими ручками. Но я удержался.

— Ты будто бы пластмассовая, Гера, — сказал я. — Внутри тебя пустота. Внутри всех вас пустота, за которую вы так крепко цепляетесь. Вы кричите о ней, как будто в ней весь смысл вашей жизни. А он у вас под ногами, и вы топчите его; он у вас над головами, а вы не можете вскинуть свои взгляды. Ты и сама немногим лучше меня. Ты и сама ничего не можешь контролировать...

С этими словами я покинул кабинет Геральдины. Громко хлопнула дверь позади меня. Финальный аккорд в истории моей работы с иллюзиями и мечтами. Мне ничего не оставалось, кроме как собрать свои вещи, закинуть их на заднее сидение седана небесного цвета и отправиться домой, где я мог бы лечь на кровать и принять смертельную дозу таблеток.

Мне вспомнилась пена, что сочилась изо рта Артема. Цвет слоновой кости. Я представлял, как из моего рта льется эта пена, как моя рука бессильно свисает с кровати. Мне хотелось жить и умирать одновременно. Всеми фибрами своей души, или еще чего то, что хранится под кожаной оболочкой каждого человека, я чувствовал, что стремлюсь к какому-то переломному моменту. Я был льдом, которого касались первые лучи весеннего солнца. Льду суждено было приобрести новую форму. Льду суждено было стать водой.

Я застал Дину в своем кабинете. Она стояла лицом к окну, так что я мог лишь видеть ее силуэт в блеклом свете дня. Стройная, изящная. Она была облачена в черное платье, но мне хотелось видеть ее голой. Хотелось пробежаться пальцами по изгибам ее бедер, почувствовать тепло между ее ног. Коснуться своими сосками ее острых лопаток.

— Что ты здесь делаешь?

Я медленно подошел к ней и обнял ее за талию. Ощувив прилив возбуждения, она вдохнула воздух полной грудью.

— Что ты здесь делаешь?

Коснувшись губами ее шеи, я провел правой рукой по ее животу. Точкой назначения была ее грудь.

Я вдыхал запах ее волос, а мой член становился упругим. Он упирался в ее копчик, как бы давая понять ее плоти, что желание возникло.

— Что ты здесь делаешь?

Злоба кипела во мне. Я крепко схватил Дину за руку и потянул к письменному столу. Скинув резким движением руки на пол все, что было на столе, я толкнул Дину. Она легла на спину, чуть обнажив гладкие бедра. Я вцепился в ее губы своими губами. В какой-то момент мне показалось, что у кого-то из нас пошла кровь. Быть может, эта кровь была у нас одна на двоих.

Стянув с Дины платье, под которым не было нижнего белья, я коснулся ладонью ее промежности, надавил на нее, будто бы стараясь сделать больно. Она тихо застонала. Другой рукой я схватил ее за шею. Мои пальцы оставляли на ее коже следы, но мне было все равно.

Я нащупал ее клитор средним пальцем и стал массировать его, наблюдая за тем, как

извивается ее тело под действием возбуждения. Я быстро двигал рукой до тех пор, пока она не кончила. Все это время я держал ее за шею.

— Войди в меня, — тихо произнесла она.

Я ощутил ее внутреннее тепло. Оно обволакивало меня, как и раньше. Мои руки гуляли по ее телу, касались груди и живота. Я входил в нее снова и снова, отчего вены на моей шее вздувались, а тело напрягалось так, будто готово было разорваться на куски.

— Еще... да... не останавливайся...

Дина взмокла. Мне хотелось тонуть в жидкостях ее тела, слизывать их языком. Достигнув оргазма, она выгибалась, словно желая встать на мостик без помощи рук. Ее тело казалось мне сильным, а чуть заметные кубики ее пресса наводили меня на мысли о всех обидах и ударах, которые я получал в своей жизни. Я отвечал жестокостью на жестокость.

Извергнув семя в Дину, я, выдохнув, лег на нее сверху, не отрывая от пола ноги. Моя рубашка была скомкана и лежала на полу, штаны были спущены. Мы соприкоснулись губами.

Мое внимание привлек хлам, разбросанный по полу. Бумаги с ненужными записями, рабочий компьютер, набор ручек... и что-то еще. Что-то, о существовании чего на моем столе я не мог догадываться. Протянув руку, я поднял с пола старый фотоаппарат марки «Polaroid».

Дина загадочно посмотрела на меня. Я все еще был в ней, и мне казалось, будто я чувствую, как внутри ее тела шевелятся мысли. Они, подобно крысам, убегали с тонущего корабля.

— Что это? — дрожащим голосом спросил я.

— А на что это похоже? — ответила она вопросом на вопрос. — Неужели ты не видишь, что тебя окружают иллюзии? — она приподнялась на локтях, приблизилась своим лицом к моей груди. — Неужели ты ничего не помнишь?

— Это ты делала снимки, да? И видео... там были мы вдвоем, и больше никого...

Я медлил с выводами, но все больше и больше свыкался с мыслью, что корень зла оказался прямо передо мной. Я буквально углубился в него, проник в его сознание.

— Но... зачем?

— Это все твоих рук дело. Точнее, какой-то из твоих частей, твоих личностей. Пора бы тебе понять, что все, что происходит вокруг тебя, все эти заговоры и странности — все это твоих рук дело.

Я крепко сжимал в руках фотоаппарат. Он казался мне фонарным столбом, за который я ухватился при сильном порыве ветра.

— Ты... сука...

— Нет. Это ты сука...

Обезумев до крайней степени, я замахнулся и ударил Дину по голове фотоаппаратом. Треснувший пластик впился в кожу, соприкоснулся с лобной костью.

— Тварь!

Я снова замахнулся и снова ударил, но сила удара уже была несравнима с прежней. Третий удар заставил фотоаппарат расколоться на две части. Они упали на пол, туда, где уже образовалась небольшая лужица крови, вытекающей из головы Дины.

Возможно, рефлекс заставил ее толкнуть меня в грудь. Я отпрянул назад. Воспользовавшись моментом, Дина, окровавленная и голая, вскочила со стола и рванула к двери кабинета, но упала, не добрав нескольких метров.

Я рванул к ней. Упав на колени и прислонив свою пятую точку к ее паху, я вцепился руками в нежную шею, которую когда-то целовал в порывах страсти. Секс и смерть...

Задыхаясь, Дина размахивала руками, будто бы пытаюсь схватиться за жизнь, столь стремительно уходящую из ее покалеченного тела. Рана на голове сочилась кровью, которой были измазаны наши тела. Я хотел слизывать эту кровь с ее остывающей груди, целовать окровавленные губы.

Когда последний вздох был сделан, и сердце ее остановилось, я разжал руки и упал на спину рядом с ней. Мысли о том, что в кабинет могут войти, не покидали меня, но сил для того, чтобы встать, буквально не осталось.

Не помню, сколько времени я пролежал рядом с бездыханным телом своей любовницы. Быть может, это были минуты. Быть может, часы.

То, что происходило дальше, было похоже на бред. Поднявшись с пола и коснувшись лица окровавленными ладонями, я ужаснулся, будто и не знал, что лежу рядом с мертвой Диной. Окинув взглядом разгром, случившийся в моем кабинете, я встал на ноги и принялся натягивать на себя вещи.

Город за окном покрылся вспышками огней. Мчались по железнодорожным путям поезда, взлетали в небо самолеты. По ночам в этом городе ярче, чем при свете солнца, — подумал я тогда. В тот момент на мне уже были брюки и белая рубашка, перепачканная кровью.

Я не знал, что делать с телом. Спрятать его в кабинете было невозможно: попросту некуда. Выбравшись из кабинета в коридор с трупом на руках, я рисковал быть пойманным с поличным. Трудно было бы придумать историю, объясняющую внезапную находку в виде бездыханной сотрудницы офиса. Паника раздирала меня на части.

Я посмотрел на окно. Огни города светились так ярко, что мне казалось, будто я слепну. Мои глаза стали чувствительны к свету, а голова нещадно разболелась, будто бы от виска до виска протянули раскаленную проволоку.

Перебарывая резко нахлынувшую боль, я взял в руки офисное кресло, подошел к окну и, замахнувшись, ударил по ровной глади. Стекло затряслось, но выдержало удар. Я повторил попытку. Тщетно.

На третий раз стекло дало трещину. Замахнувшись сильнее, я швырнул кресло в окно, чуть было не угодив вслед за ним. Преодолев стеклянный барьер, кресло покинуло пределы здания и со свистом устремилось вниз. Покачиваясь, я стоял и смотрел ему вслед.

Меня трясло, когда я, перетаскивая за ноги тело Дины, смотрел на дыру в ее голове. Падение с огромной высоты должно было прикрыть все следы насилия, как я полагал. Мысли сталкивались в моем сознании хаотично, тело же просто выполняло случайные команды мозга.

Глядя на дыру в голове Дины, я думал о том, что можно было бы залезть в ее мозг и узнать, что она скрывала, будучи живой. Что за тайна заставляла меня убивать людей, которые были похожи на меня как две капли воды?

Я коснулся ее лица окровавленными пальцами. Ее губы, не так давно пылавшие жаром, теряли цвет. Она, некогда настоящая для меня, становилась искусственной, пластмассовой, как и многие из тех, кто бродил по улицам города. Я сбрасывал ее вниз, чтобы она вернулась в свою стаю. Стаю пластмассовых людей.

Полет ее тела не был грациозен. Ноги и руки невнятно болтались из стороны в сторону, кожа на груди вздымалась, отчего красота ее тела сразу же исчезала. Ветер трепал ее волосы.

Прощай, Дина.

***

Я бежал по коридору. Он казался мне бесконечным. Линии, проведенные неизвестным мне божеством, или, быть может, каким-то высшим разумом, внимательно следящим за моими хаотичными действиями, направляли меня в сторону пожарной лестницы.

Преодолевая каждый метр коридора, я постигал истинную силу времени. Оно буквально остановилось тогда. Время будто бы давало фору загнанному в угол беглецу, коим я себя ощущал и коим, вероятно, являлся. Тем не менее, за мной никто не гнался. Не было сигналов тревоги, криков, предупредительных выстрелов. Была только тишина коридора, которая сводила меня с ума.

Я бежал вниз по пожарной лестнице. Пятьдесят этажей стальных ступеней, от вида которых у меня рябило в глазах. Пролет, еще пролет. И вот лестница стала закручиваться, будто я покидал не офис, но стены темной башни, рожденной воображением какого-то второсортного фантаста.

Дыхание мое сбилось. Я остановился, чтобы закинуть в рот таблетки. Выдавлив из пластины сразу несколько штук, я широко открыл рот и закинул все разом. Я жевал их так старательно и с таким наслаждением, будто это было самое прекрасное из всех угощений, которые я когда-либо в своей жизни пробовал.

Нельзя останавливаться, — говорил я себе. Мне вторила тишина. Будто все люди в один миг испарились, и я остался один на задворках своих фантазий. Но даже в своих самых необычных фантазиях я никогда не убивал Дину.

Мои ноги подкашивались, а тошнота медленно, но верно брала верх над моим желудком. На уровне десятого этажа меня вырвало прямо на стену. Теперь, спустя какое-то время, мне кажется, что именно эта случайность, эта реакция моего слабого желудка спасла меня от передозировки таблетками и самого страшного их побочного действия — смерти. Считай, удача.

Мне повезло, что на парковке я не столкнулся ни с кем из офиса. Лица тех редких людей, что встречались мне по пути, были мне незнакомы. Я скрывал следы крови на белой рубашке под черным пиджаком, так что выглядел не слишком подозрительно. Уставший, потрепанный клерк, спешащий домой. Не более.

Мой напряженный мозг рисовал передо мной картины идеального финала той истории. Взрыв, превращающий следы преступления в обугленную массу. Очищающее действие огня, охватившего весь офис. Огня, выжигающего из людей желание быть подделками и испытывать поддельные эмоции.

Сидя за рулем своего седана небесного цвета, я представлял, как машина самовоспламеняется, и как я сгораю в ней, заблокированный неисправной системой, заживо. Моя кожа, подобно пластмассе, плавилась, но под этой кожей не было ни костей, ни крови, ни внутренностей. Пустота. Я был в стае пластмассовых людей, в сторону которых когда-то были направлены мои косые взгляды и мои молчаливые угрозы.

Оставив на асфальте след от протекторов, машина помчалась по парковке. Вырвавшись на улицы города, я вдавил педаль газа в пол и крепче сжал рулевое колесо обеими руками.

Я не знал, куда конкретно направляюсь. Мне казалось, что самая лучшая идея — это не иметь идей по поводу побега. Я считал, что нужно мчаться как можно быстрее. Быть может, я наивно рассчитывал достичь скорости света. Увы, этому суждено было случиться лишь в

том случае, если бы капот моего седана столкнулся с бетонной стеной на скорости более восьмидесяти километров в час. Если бы моя грудь раздробилась о рулевое колесо, а колени и пах перемололо вошедшим в салон агрессивным металлом двигателя.

По тротуару были разбросаны части разлетевшегося офисного кресла. Спинка лежала отдельно от сидения, обильно усыпанного осколками стекла. Мужчина в пальто истерично кричал — его чуть было не пришибло прилетевшее из неоткуда офисное кресло.

Но я не видел тела Дины. Оно исчезло.

Отдельные источники света сливались в одну непрерывную линию, будто я смотрел на фотографию, сделанную с большой выдержкой. Это мешало мне различать перекрестки и сужения дорог, по которым я мчался. Забытые улицы тех районов, в которые я давно не совался лишь потому, что не было никакой необходимости. То была финальная экскурсия по городу. Последние шаги к эшафоту.

Стрелка спидометра перевалила отметку в восемьдесят километров в час. В салоне, несмотря на приличную скорость, было тихо. Хорошая звукоизоляция делала свое дело превосходно. Обороты двигателя увеличивались. Механизмы не подводили. Тем не менее, они нуждались в обслуживании, каком-то мелком ремонте. Механизмы были заменимы.

Я думал о том, что когда-то мнил себя человеком, собранным из безотказных механизмов. Сидя за рулем резвого автомобиля, я часто сравнивал себя с ним. Я наслаждался его грациозностью и его неутомимостью; его стремительностью, определяемой лишь силой нажатия на одну-единственную педаль.

Увы, я был соткан из плоти и крови. Увы, я мог чувствовать.

И я чувствовал, как мои колени бьются о нижнюю часть передней панели, а лицо с огромной силой стремится к рулевому колесу. Ремень безопасности больно впивался в мою грудь. В замедленном действии я видел, как лопается лобовое стекло под действием силы, вызванной мощным лобовым столкновением. Я видел, как разлетаются по салону его осколки.

Навстречу моему лицу и моей груди вылетела подушка безопасности. Она обволокла мои голову, торс и плечи, смягчив силу удара, который мог попросту прикончить меня. К тому моменту мне можно было начать работать над книгой «Сто и один способ прикончить самого себя, не осознавая этого». Бесспорно, получился бы бестселлер.

Мой седан небесного цвета развернуло на сто восемьдесят градусов. Неуправляемый, он влетел в стену расположенного около дороги жилого дома. Прилично смяло багажник, ушли задние колеса. Меня самого тряхнуло с новой силой. Я ударился затылком о подголовник и потерял сознание.

Кровь сочилась по голове и заливала глаза, оттого все, что окружало меня, окрашивалось в совершенно иные, нереальные цвета. В ушах с дикой силой шумело море. Да, именно море. Звук, похожий на тот, что слышишь, когда прикладываешь ухо к морской раковине. Но только никакого умиротворения.

Прохожие с испуганными выражениями лиц стояли неподалеку от машины и наблюдали за мной. Я оглядел их. Мне тяжело было сообразить, кто они и чего от меня хотят, потому что, как оказалось позже, я получил серьезное сотрясение мозга. В тот момент я думал лишь о том, как бы поскорее выбраться из груды покореженного металла, которую я когда-то гордо называл своим автомобилем.

Толкнув дверь окровавленной рукой, отстегнув ремень безопасности, я вывалился из салона на асфальт, мокрый от вытекшего масла. Поврежденная ремнем грудь с силой коснулась твердой поверхности. Закричав от нахлынувшей боли, я сжал кулаки и выгнулся так, будто собирался сделать никому не известный акробатический номер.

Один из очевидцев аварии, молодой парень в спортивном костюме, помог мне подняться. Я вцепился в его руку, дабы не упасть снова. Он отвел меня от машины к бордюру, где помог мне присесть.

— Ну как ты? Эй, мужик?! — спрашивал он меня.

Я лишь кивал, не способный дать ответ. Я не понимал, в каком состоянии нахожусь.

Молодой парень кинулся на помощь водителю той машины, с которой я столкнулся. То была женщина примерно моего возраста, с некогда аккуратной прической, в строгом деловом костюме. Юбка была порвана в области левого бедра. Зацепилась, когда вылезала из машины, — подумал я.

Кожа ее была бледна, а руки заметно тряслись. Молодой парень успокаивал ее как только мог, но все его действия были напрасны. Выброшенный в кровь адреналин делал свое дело.

Глядя на эту женщину, переполошенную, покалеченную, я думал о том, насколько интимным было наше столкновение. Металлы наших автомобилей соприкоснулись, обняли друг дружку. Этим действием, этим соитием металлов она привела меня в чувства, хоть и лишила их на какое-то время. Я готов был целовать ее руки, слизывать с рассеченных ладоней соленый пот. Я был признателен ей.

Так и сидел я, наблюдая, как движется вокруг меня жизнь. В тот момент я чувствовал, что все, что происходит — не понарошку, а вполне по-настоящему. Настоящая кровь на лице, настоящий ужас и настоящий испуг. Настоящая смерть чуть было не коснулась моего плеча своими костлявыми пальцами.

Я дотронулся руками до асфальта, как в тот самый раз, когда на меня напали на парковке. Все повторялось. Вспышки, свет которых угасал так быстро и так стремительно. Я гнал за этим светом. Я гнал за эмоциями, за чувствами, силу которых мог ощутить крайне редко.

Химия выжигала мое сердце. Так случается, когда хочешь забыть о чем-то, что травмировало тебя и буквально убило тебя когда-то. Ты хочешь забыть и принимаешь все больше и больше таблеток, подобно наркоману, не знающему границ допустимой дозы. Ты хочешь забыть что-то, о чем очень сильно жалел когда-то...

В тот вечер, сидя на улице и наблюдая парад действительности, внезапно обрушившейся на меня, я вспомнил все...

***

Я вспомнил, как стоял у самого края, глядя вниз. Бездной зияло пространство подо мной. Моя дочь лежала на мокром асфальте. Она была мертва.

Это случилось дождливым осенним днем, в тот год, когда я думал, что хуже моя жизнь уже не станет. Ветер срывал с деревьев пожелтевшую листву, целыми днями моросил дождь, заставляя людей прятаться в бетонных коробках, которые они называли своими домами. Приближалась самая долгая зима в моей жизни.

Ксении было пять лет. В таком возрасте дети с завидным интересом постигают окружающий их мир, полный тайных и явных вещей. Увы, взрослых это зачастую утомляет, и

в этом нет ничего неестественного. Просто так получается.

В тот день мы были с ней дома вдвоем. Лиля уехала по рабочим делам и должна была вернуться домой лишь к вечеру. Я был занят подготовкой к какой-то конференции, основную тему которой даже при желании не вспомню. Можно сказать, что я, как и всегда, был занят чем-то слишком неважным для себя, но крайне важным для собственного карьерного роста.

Наполовину приконченная бутылка виски стояла на письменном столе. Рядом ждал своего часа пустой стакан, края которого были мокрыми. Вглядываясь покрасневшимися глазами в экран ноутбука, я не замечал, как моя дочь ходит около меня с альбомом для рисования. Она любила рисовать, да вот только я ни черта не понимал в этом нелегком деле.

— Ксюш, не сейчас, — говорил я ей, не отрывая взгляд от экрана. — Давай папа закончит, а потом мы с тобой поиграем, хорошо?

— Да, папочка, — ответила Ксюша и ушла в свою комнату.

Тогда у меня даже не было намека на алкогольную зависимость. Она возникла после. Тогда я просто выпивал в свой выходной, чтобы немного расслабиться. Я смешивал отдых с работой, чего не посоветовал бы никому другому. Что ж, таковым был мой способ жизни. Зато у меня была роскошная квартира. С открытой лоджией.

Я и не заметил, как Ксения отворила дверь. Холодный воздух ворвался в комнату, пробежался по моим ногам. В голове возникла мысль, что нужно обернуться и посмотреть. Но тело не послушалось. Глаза были прикованы к экрану монитора.

Я слышал ее шаги. Звук их пропадал, и мне казалось, что я могу этим воспользоваться и углубиться в работу. Я плеснул в стакан виски и сделал несколько глотков. Потер лицо. Принялся за работу.

Где-то глубоко внутри я, вероятно, чувствовал, что что-то пошло не так. Это называют «шестым чувством», или же интуицией. По-разному.

— Ксения. Где ты?

Я позвал свою дочь, но она не ответила мне. Нахмурившись, я снова посмотрел на монитор, но мысли мои к тому времени были далеки от рабочих материалов. Поднявшись с кресла, я прошелся по комнате, но не застал ни саму Ксюшу, ни ее альбом для рисования.

Смутившись еще больше, я направился в детскую комнату. Дверь была чуть приоткрыта. Я смотрел в глубину комнаты и видел краешек детской кровати. Красивые узоры, приятного вида постельное белье. На полу игрушки — плюшевый медведь и кукла с голубыми волосами. Я вошел внутрь.

Ксении не было. Холод все глубже и глубже пробирался под мою кожу. Холод знал, что поселится внутри меня надолго, оттого не торопился вторгаться. Мое тело принимало холод неспешно.

Выбежав на лоджию, я кинулся к лежащему на полу альбому для рисования. Дождь хлестал сильнее прежнего. Ветер дул мне в лицо, будто бы давая понять, куда стоит смотреть. Мурашками покрылось тело, от макушки до пяток. Я посмотрел вниз...

Сердце беспокойно стучало в груди. Я знал, что падение с такой высоты оканчивается лишь смертью и ничем другим, но бежал по коридору так, будто от скорости моего движения зависела жизнь моей дочери. Я не верил в то, что произошло. Пространство вокруг меня заволочка пелена цветного тумана, подобного тому, что находил на меня, когда я впервые принял наркотики. Я старался удушить в себе понимание действительности. Я хотел

проснуться ото сна, которым являлась моя жизнь. Но я не мог.

Лифт ехал медленнее обычного. Мне так казалось. Я кричал, глядя на собственное отражение в зеркале. Я бил руками, бессильный помочь собственному горю. Моя дочь была мертва.

Десятки взглядов были прикованы к ее маленькому изуродованному тельцу. Полиция появилась очень быстро, будто ждала чего-то подобного в том районе, где я жил. Дождь хлестал по лицам людей, искаженным от ужаса и удивления. Я ворвался в их круг. Меня охватил гнев.

Помню, как оттолкнул какого-то парня, который стоял на моем пути. Я до последнего не хотел мириться с мыслью, что все это по-настоящему. Я хотел смотреть на лица людей и понимать, что это всего лишь картонные фигуры, приделанные к столь же ненатуральному асфальту. И что дождь — это всего лишь вода, рассеиваемая над моей головой каким-то хитроумным устройством.

Я хотел думать, что все это шутка. Неудачная, грубая шутка, которую я устроил сам для себя. В тот момент часть меня отделилась от основы. Что-то треснуло внутри со звуком, похожим на звук ломающихся костей.

— Я отец... — прорываясь к телу, пояснял я полицейскому. К тому моменту на моих глазах уже выступили первые слезы. Они смешивались с дождем.

Кинувшись к телу Ксюши, я потерял здравый смысл. Моим криком были оглушены случайные свидетели моего горя. Я взял ее маленькую головку своими трясущимися руками. Я хотел посмотреть на ее лицо, но сил моих было не достаточно, чтобы принять те изменения, что произошли с ней. Мне хотелось думать, что это не моя дочь. Я хотел лгать себе.

— Нет... нет... Боже... нет...

Моего плеча коснулась тяжелая рука полицейского. Он говорил мне что-то, но я не слышал его. Сирены внутри меня были куда громче голосов всех людей, что окружали меня в ту минуту.

Мы с Лилей похоронили нашего ребенка спустя два дня. Церемония была тяжелой для каждого, кто присутствовал на ней — смерть ребенка не оставляет равнодушным никого. Терпкий аромат утраты навис над теми, кто был с нами рядом.

Лиля не могла смотреть на меня. Все мои попытки начать разговор оканчивались одинаково — она просто опускала глаза и уходила. Я слышал, как она плачет, спрятавшись за дверь, закрытой на замок. И снова я был бессилен.

Винила ли она меня в смерти Ксении? Возможно, первое время. Я знал, что должен понять ее чувства, и что уже ничего не вернуть, и жизнь не станет прежней, и нужно находить в себе силы идти дальше, рука об руку, плечом к плечу. Но эмоции все же поедали меня изнутри.

Я терял координаты Лили, переставал ощущать ее реальность всеми своими чувствами. Ветер суровых перемен отнес меня на параллель. Ну а параллельные линии, как известно, не пересекаются.

Долгими ночами я смотрел на нее, спящую, и не решался коснуться ее лица, ее тела. Чего боялся я? Чего боялась она? Быть может, это я спал, а она стояла передо мной, и лицо ее было залито горячими слезами. Быть может, это она не могла коснуться меня, пока я все глубже и глубже погружался в состояние беспробудного сна.

Я стал пить. Стойка бара стала для меня гаванью, в которой я мог переждать непогоду. Прогноз был неутешителен. Сезонные ветра сметали все на своем пути. Море волновалось. В его рябой глади я мог разглядеть свое искаженное отражение. Волны разбивались о неприступные скалы, и камень медленно, но верно точился. Это происходило день ото дня, год от года.

***

Весна расцветала новыми красками. На деревьях стали появляться первые почки, остатки снега сошли с полей и пригорков, представив людскому взору еще не проснувшуюся ото сна землю. Прекрасное пробуждение природы после долгой зимы. Поцелуй принца разрушил чары, и Белоснежка проснулась. Снова.

Мне казалось, что буквально вчера я стоял у окна и смотрел на безмолвные деревья парка, находящегося по другую сторону узкой дороги от неприметного серого здания, одного из корпусов огромной структуры, столь необходимой современному обществу. Структуры, которую многие люди из моего бывшего окружения в своих повседневных речах называли «Приютом Для Больной Души». Психиатрическая больница на окраине города, где шум и суэта растворялись в неискоренимой тишине природы.

Блуждая по коридорам, я пришел к мысли, что нагромождение корпусов, соединенных короткими переходами, напоминает мне о кучной застройке городского центра. Глядя на ситуацию с какого-то определенного ракурса, я мог поверить, что снова живу в самом сердце города. Мне было комфортно от одной лишь мысли об этом.

Буквально вчера я стоял у окна и слушал, как моя жена, Лиля, моя любимая жена, не отступившая в трудную минуту, разговаривала с моим лечащим врачом — высоким мужчиной в клетчатом пиджаке и в очках. Я знал его так давно, что уже и позабыл, когда и где познакомился с ним. Я знал его с тех пор, как начал принимать таблетки.

Они стали другими на вкус. Сладость сменилась горечью, да и сам эффект кардинально поменялся. Мои руки повисали плетью, моя голова бессильно падала на подушку, а рот чуть приоткрывался. Мне казалось, что проходят минуты, но уходили целые дни, которые мне уже не суждено было вернуть обратно.

Я слушал, о чем говорит моя жена с доктором. Вид у нее был крайне озабоченный, черты лица казались скомканными. Теряла ли она свою былую красоту? Нет, пожалуй. Но временами я чувствовал, что она отдает мне часть себя, часть своей жизни, дабы я не задохнулся в этих стенах от удушья своего безумия, столь внезапно накрывающего меня.

— Как долго? — спрашивала она доктора, стоящего к ней лицом и смотрящего на нее своими бездонными глазами, спрятанными за линзами очков в роговой оправе.

— Быть может, это недели. Быть может, это месяцы. Пока сложно сказать, сколько времени потребуется на лечение, — он выдержал паузу. — И, знаете, я не хотел бы обнадеживать вас на все сто процентов.

— То есть...

— Да. Проблема, точнее, то состояние, которое испытывает ваш муж, существовало задолго до несчастного случая. К сожалению, а, быть может, к счастью, многие люди сейчас попросту не обращают внимания на явные симптомы, объясняя изменения постоянными стрессами. Несчастный случай, произошедший с вашей дочерью, запустил механизм диссоциации, очень сильный по своей природе.

— Он не понимал, что происходит?

— Не совсем. Многие пациенты в современной практике описывают эти моменты так, будто все это случилось не с ними, а сами они наблюдали лишь со стороны. Происходит, так сказать, «отстранение» некоторых аспектов личности...

Его голос доносился до моих ушей чуть слышным шепотом. Мне казалось, что они не думали, что я слышу, о чем они говорят. Но я все слышал. И в тот момент я все знал. В тот момент я уже довольно ясно понимал, что однажды сошел с ума.

Лиля коснулась моего предплечья своей рукой. Ее пальцы были холодны, как стены, что окружали меня. Она будто бы сливалась с пространством, становилась частью чего-то целого. Раньше я думал, что мы всегда будем вместе, но что-то пошло не так. Нам суждено было потерять ту связь, что мы имели когда-то.

— Я все равно буду любить тебя, — говорила она мне, и слезы текли по ее щекам. Я пил их, как изнывающий от жажды моряк, терпящий бедствие в открытом море и пьющий соленую воду от неконтролируемой жажды.

— Ты должна оставить меня здесь, — отвечал я ей. Я знал, что так мне будет легче. Так будет легче всем.

— Нет... нет. Доктор сказал, что это излечимо. Что нужно время. У нас есть время, слышишь? У нас есть достаточное количество времени!

Мне казалось, что теми словами она больше всего хотела уверить именно себя в том, что у нашей истории будет счастливый финал. Но я чувствовал себя так, будто попал в историю, написанную чуть сошедшим с ума прозаиком, который непременно заставляет героев своих романов страдать, тем самым проводя их через всю реальность и всю силу человеческих эмоций.

— Ты должна оставить меня здесь, — повторял я, словно заклинание, те пять слов. Дрожь накрывала меня. Я чувствовал, что теряю контроль над самим собой.

Мне казалось, что все это было лишь вчера. С ужасом для самого себя я понимаю, что это было год назад. И за окном уже совершенно другой год, и другая весна приходит на смену другой зиме.

Как-то ночью у меня гостил Артем. Вид у него был, как и прежде, потасканный, но теперь и я сам не выглядел успешным менеджером по продажам, чувствующим себя акулой в океане современной жизни. Мы с ним стали похожи друг на друга еще больше, чем прежде.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я его.

— То же, что и ты, — ответил Артем.

Он сидел на полу, подтянув ступни под себя. Вытянув вперед исколотые руки, он что-то насвистывал себе под нос, а затем стал громко кричать, мотая головой. Слюна полетела из его рта, окропляя белую рубашку и белые брюки, сотканые из прочной, но довольно дешевой ткани.

— Замолчи! — крикнул я ему, но силы моего голоса было недостаточно.

Он не прекращал кричать. Я пытался скрыться от крика под подушкой, хотел погрузиться под нее всем телом, но у меня ничего не получалось.

— Заткнись!

Артем кричал что-то нечленораздельное. Мне захотелось убить его. Снова. Я встал с кровати и со всего маху ударил его ногой по лицу. Я делал это снова и снова. Его крик упал на пол резким вздохом.

— Закрой свою пасть, наркоман чертов!

Злоба кипела во мне до тех пор, пока в мою палату не вошли двое крепких санитаров и не скрутили меня. Я попытался вырваться, но оказался бессилён.

Последовал укол, после которого по моему телу разошлось тепло. Я почувствовал, что очень сильно захотел спать. Санитары уложили меня на кровать. Дальше память моя расплывается. Быть может, я видел сновидения.

Быть может, я видел, как моя дочь растёт. Я думал, что она становится взрослой. Как бы я хотел увидеть её первые победы и поддержать после первых поражений. Я хотел бы знать, что она влюблена в хорошего парня.

В моих снах она была прекрасна. Так бывают прекрасны полевые цветы в свете яркого летнего солнца, когда ты, находясь вдали от больших городов, наслаждаешься спокойствием своей души с человеком, который стал для тебя частью этой самой души.

Мы с Ксенией гуляли по полю, держась за руки. Странно было наблюдать за ней, столь взрослой, ведь сам я не сильно постарел. Конечно же, кожа моя не была так свежа, как в молодости, да и уголки глаз давно покрыли лучики морщин. Но я не был стариком. А она была молода и прекрасна.

В моих снах мы становились ближе, и явные изменения в возрасте были тому подтверждением.

В своих снах я был спокоен.

Я был беспокоен, когда ко мне пришла Дина. Её лицо не было перекошено и изуродовано из-за падения с большой высоты, да и конечности её упругого тела не были вывернуты в разные стороны. Не было крови, запекшейся под носом и на подбородке, на ушных мочках и лбу. Она была такой же живой, какой была прежде, ещё до падения.

— Скучал по мне?

Мне хотелось солгать ей, но я не мог. Меня все ещё манило к ней, но не так, как манило меня к Лиле. То были совершенно разные чувства, имеющие мало чего общего в истинной сути своей.

Я хотел её.

— Скучал...

Воспоминания о её плоти, чуть солёной на вкус, пропитанной потом, покрывавшим её тело во время наших соитий, возбуждали меня. Запах её волос, вдыхаемый мною в моменты, когда я подходил к ней сзади и касался пальцами рук её бедер, а после продвигался чуть ближе к её паху, все ещё не покидал мою память.

На ней была белая блузка и чёрная юбка. Офисный стиль. Ничего лишнего. Я расстегивал пуговицу за пуговицей, предвкушая дальнейшие действия моих рук. Кружевной бюстгальтер поддерживал грудь, и мне хотелось сорвать его с Дины резким движением руки. Так я и поступил.

— Ты хочешь сделать мне больно? — спросила она, испуганно глядя в мои глаза.

Ничего не ответив, я впился губами в сосок её левой груди. Я ласкал его языком, а тем временем моя рука забралась под юбку. К тому моменту Дина уже была мокрой. Мои пальцы скользили по влажной коже.

— Войди в меня...

Я очнулся довольно быстро. Простыня была запятнана каплями спермы, извергнутой из моего члена. Чуть обмякший, он лежал в моей руке. Ничего не понимая, я вскрикнул.

Мои губы, да и все мое лицо было измазано губной помадой ярко-красного цвета. Та помада была нанесена на губы Дины, и это я хорошо помнил. Но всегда ли наши воспоминания являются отражением того истинного, что случилось в жизни? Воспоминания могут быть вымыслом. Они становятся вымыслом, когда на них накидывают выдуманные фрагменты и детали, дабы скрасить картинку, представить ее в лучшем свете.

Мои воспоминания были вымыслом. Дина была вымыслом. Я понимал это, глядя на собственное отражение в зеркале. Мое лицо было перепачкано помадой, мои пальцы слипались от телесной жидкости, которую я выплеснул из себя в порыве страсти к какой-то из своих частей. От понимания всего этого меня затрясло.

— Нет... нет... что же это?

Не зря мы были так похожи с ней. Не зря...

Больничные стены стали клеткой для безумия, разыгравшегося внутри меня. Я заблудился в коридорах, наполненных запахом лекарств вперемешку с вонью испражнений некоторых из пациентов. Те коридоры принимали в свое пространство невнятное хлопанье тапочек, в которых из стороны в сторону расхаживал душевнобольной с потерей памяти. Я смотрел на него и тихо завидовал ему и его недугу. А у меня ведь почти получилось забыть...

В присутствии доктора мне становилось спокойнее. Он не часто появлялся в психиатрической больнице, но и тех коротких минут, которые он посвящал мне и моей проблеме, было достаточно для того, чтобы я не ощущал себя покинутым и оставленным нормальной, реальной жизнью, что разыгрывалась за стенами приюта моей покалеченной души.

Время шло своим чередом, и где-то там, где высились и продолжают выситься стеклянные коробки, а по улицам мчались и продолжают мчаться быстрые машины, кто-то другой сходил с ума и продолжает сходить. Ведь каждому из нас суждено сойти с ума по-своему. Кому-то от любви, а кому-то от ненависти. Кому-то от счастья, а кому-то от горя.

Каждого из нас в свое время настигнет свое, персональное безумие.

***

Говорят, что время — лучшее лекарство. Не уверен, что это так. Я бы сказал, что время — это просто время. Оно никому не обязано и ничем не спровоцировано. Быть может, у времени есть куда более важная цель, чем отсчет наших жизней. Ведь время может существовать без нас.

Надежда — вот лучшее лекарство и, в то же время, самый страшный яд в истории человечества. Надежда, которая не давала людям погибнуть в голодные годы, в годы войны, во времена чумы и холеры. Надежда, которая заставляла людей идти на верную смерть, ослепляя их взоры.

Потеряв рассудок, стремительно возвратив его и столь же стремительно потеряв вновь, я понял, что без надежды все мои мысли и чувства были бы ничуть не важнее, чем исписанные плодовитым автором черновики после публикации романа.

Сидя у окна и наблюдая за тем, как Лиля гуляет с Максом по дорожке, проложенной меж деревьев в парке, я грел в себе надежду на то, что и я смогу однажды вот так пройтись со своей женой по парку. Я верил, что когда-нибудь найду свое истинное место в этом мире.

Она могла бы уйти в любую минуту. Просто развернуться, словить такси и умчаться прочь, позабыв о той жизни, что надломила ее однажды. Она могла бы начать все сначала с

другим, ведь она имела ум и красоту, способные обезоружить любого мужчину. И я, быть может, стал бы спокойнее, узнав, что она где-то там, в окружении лучших мотивов, среди улыбок и красоты; что она далека от меня, но все же счастлива. Выдохнув и закрыв глаза, я выпил бы яд своей надежды.

Но она не уходила. Ее визиты становились редкими, но оттого лишь еще более желанными. И даже когда она гуляла с Максом по парку, я улыбался, потому что знал, что она все еще рядом со мной.

Я сидел в небольшом холле с книгой в руках. Читал не то Ремарка, не то Хемингуэя. Уже не помню. Что-то о любви и войне, как бы меланхолично и глупо это ни прозвучало. Медленно переворачивая страницы, я открывал для себя все новые и новые главы чужих жизней. То было для меня усладой среди серых и однообразных будней больницы. Я жил вместе с теми, кого когда-то выдумали. Неужели я снова искал ворота, ведущие в мир иллюзий?

Ветер стучал в окно, будто бы заставляя меня обратить на него внимание, ну а я не прочь был разглядеть его очертания, коснуться его пальцами рук. Быть может, именно тем самым ветром занесло в приют моей души ту самую молодую девушку, которую мне когда-то довелось угостить чашечкой кофе в ранний час.

Она узнала меня не сразу. И то не удивительно, ведь она помнила меня прилично одетым, слегка пьяным и лишенным всяких страхов мужчиной, который поступил с ней по совести. Никак не ассоциировала она тот образ с образом психически больного человека, кожа которого имела нездоровый оттенок, а взгляд и вовсе казался затуманенным и отстраненным.

Я улыбнулся ей. Она кивнула мне в ответ и замялась. Вероятно, не знала, как поступить дальше. Одна деталь очень радовала меня в ту секунду: она не была облачена в больничную пижаму, как я и другие постояльцы «приюта».

— Здравствуй, — начал я. Голос мой казался мне чужим. Так бывает, когда редко разговариваешь.

— Здравствуй, — эхом ответила она, и нижняя губа ее чуть опустилась, будто она захотела продолжить разговор.

Она стала чуточку старше. С момента нашей последней встречи черты ее лица приняли какую-то однозначно взрослую стройность и ту красоту, что присуща лишь девушкам с непростой судьбой. Это тяжело объяснить, но каждый, кто хоть раз ощущал присутствие духа борьбы в своем собеседнике, непременно поймет меня.

— Ты ведь не новая постоялица? — спросил я, не придумав ничего лучше.

— Нет. Меня на практику сюда направили. Университетскую практику, — она говорила медленно, почти вкрадчиво. С большей пылкостью общалась она со мной в то утро, когда мы с ней повстречались. — А вы?

— Ну, для университетских практик я уже вряд ли подхожу, да и одежда у меня... ну, ты сама видишь, — по моему лицу пробежалась меланхоличная улыбка. — Я на лечении. Шизофрения.

Мое признание несколько шокировало ее, хотя, если так подумать, не несло в себе какой-то необыкновенный для психбольницы смысл. Тут либо ты лечишь, либо тебя лечат. Как-то так получается.

— Неожиданная встреча, — усмехнулась она. — Извините, я так говорю, будто мы

только начали беседу...

— С каких это пор мы разговариваем с тобой на «вы»?

— Прости, не хотела. Просто вырвалось.

Подхватив край юбки, девушка присела на соседнее кресло и внимательно всмотрелась в мое лицо.

— Я же так и не сказала спасибо за кофе...

— А я не сказал спасибо за хорошую компанию.

Возникла неловкая пауза, на протяжении которой мы смотрели друг другу в глаза. Странное, малознакомое чувство охватило меня.

— Что читаешь? — спросила она.

— Да так... позаимствовал в небольшой библиотеке здешних санитаров. Ночные смены ведь лучше коротать с книгой в руках.

— Не знаю. Мне ведь это еще предстоит, — она отвела взгляд в сторону. — Не знаю. Как-то тревожно на душе.

— Ты справишься. Конечно, пациенты тут не все такие тихие, как я, но... в целом, коллектив весьма занимательный.

— Что, и Наполеоны тоже есть?

— Помнится мне, его не так давно побил Кутузов. Есть тут некая одноглазая личность. Весьма и весьма интересная личность.

Девушка улыбнулась. Дискомфорт первых секунд растворялся в воздухе.

— Из всех мест в этом мире нам суждено было встретиться еще раз именно здесь, — усмехнулась она. — Хорошо хоть, здесь можно раздобыть кофе. Так что не самое худшее место. Но я лично была бы не против, если бы мы встретились в кофейне.

— И я был бы не против.

Не буду скрывать, что встреча с ней меня сильно обрадовала. Попрошавшись как-то поутру с этой девушкой, чье имя мне по-прежнему было неизвестно, я ловил себя на мысли, что нуждаюсь в общении с ней. И я никоим образом не думал о том, что было спрятано под ее одеждой. То было совершенно иное чувство.

В моей голове явным символом рисовался треугольник. Стороны его были равны, как и углы между этими сторонами. Я был где-то посередине, а если точнее, я был точкой, которая рисовала схему хаотичного движения, подобного броуновскому. Вот только вместо миллиона частиц в этом закрытом пространстве была лишь одна-единственная частица — я.

И эта девушка, и Лиля, и Дина — как условия теоремы. Слова и смыслы — точки, соединяющие пространство, внутри которого я должен был находиться. Это пространство ограничивалось тремя сторонами, которые не давали мне, как точке Вселенной, попасть в открытое безвоздушное пространство и сгинуть там в одиночестве.

Теорема...

— Мне еще нужно будет зайти к заведующему. А после, если хочешь, мы можем продолжить.

Ее голос вернул меня из пучины моих мыслей. Я кивнул, зная, что все будет именно так, как она сказала.

— Знаешь, только пробегусь по своему плотно забитому графику глазами, — усмехнулся я. — Думаю, смогу выделить пару свободных минут.

— Надеюсь, иллюзии — это не признак твоего расстройтва, — подхватила она.

Мне было приятно осознавать, что она не ищет ко мне подхода в общении, как это

зачастую бывает, когда пациент общается с врачом. Мы были на равных позициях.

— Иллюзии — это мое спасение.

Мы шли по коридору в сторону моей палаты. Неспешно, так, будто гуляли по парку, среди высоких деревьев и красоты природы. Мне казалось, что я гуляю со своей дочерью. Будто я не видел ее много лет, и теперь, встретив ее, наконец, хотел узнать о ее жизни как можно больше. Я был счастлив.

— Ну а мне в ту сторону, — сказала девушка, указывая пальцем в глубину коридора. — До встречи.

— Я так и не узнал, как тебя зовут, — улыбнувшись, добавил я напоследок.

— Ксения, — ответила девушка. — А тебя?

Неловкое молчание. То было начало чего-то нового и прекрасного. Я чувствовал это глубинами своего сознания. Я знал, что теперь все будет иначе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net